

**Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)**

«СМЫШЛЯЕВСКИЙ СБОРНИК»

**ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ**

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

Пермь 2011

УДК 947.1(470.5)
ББК 63.3(2Рос-4Пер)
С 50

**Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)**

Составитель и редактор **Т.И. Быстрых.**

Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ **Е.Н. Клешнина.**

Для оформления обложки использован подлинный экслибрис
«Из книг Д.Д. Смышляева».

С 50 **Смышляевский сборник:** исследования и материалы по истории и культуре Перми. — Вып. 3 / Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2011. — 261 с.

ISBN 978-5-9903003-1-6

«Смышляевский сборник» издается Центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина города Перми с 2009 года. Эти краеведческие альманахи предназначены для публикации результатов научно-краеведческих исследований в области истории и культуры Перми, главным образом, во второй половине XIX века, в период активной общественной и просветительской деятельности Д.Д. Смышляева. В третьем выпуске «Смышляевского сборника» публикуются статьи пермских ученых и краеведов по истории города; письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову в период с 1858 по 1893 гг.; перечень «пермских» публикаций в газете П.И. Мельникова-Печерского «Русский дневник»; и другие документы.

ISBN 978-5-9903003-1-6

ББК 63.3(2Рос-4Пер)

© МУК ОМБ, идея, 2011.
© Коллектив авторов, тексты, 2011.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина в Перми (Дом Смышляева) представляет вниманию читателей и исследователей третий выпуск «Смышляевского сборника». Краеведческие альманахи издаются библиотекой с 2009 года, они не несут определенной тематической направленности. Настоящий сборник содержит три основных раздела: «Исследования по истории и культуре Перми», «Публикации документальных материалов» и «Библиография». Авторы сборника – ученые, историки и филологи; сотрудники музеев, библиотекари, краеведы.

Как и в прежних выпусках, большая часть материалов сборника связана с именем Д.Д. Смышляева, но все они не замыкаются лишь на его биографии. Так, раздел «Публикации документальных материалов» на этот раз почти полностью отведен письмам Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову, которые никак нельзя назвать частными, настолько широко отражена в них общественная жизнь не только Перми, но и России. В разделе «Библиография» представлен библиографический перечень «Пермь и Пермская губерния на страницах газеты «Русский дневник» с полной публикацией всех выявленных материалов. Для составителей «Смышляевского сборника» был очень привлекателен год издания газеты – 1859 – время реформ и перемен в российской жизни, и, конечно, представительство в качестве корреспондентов Д.Д. Смышляева и Н.А. Фирсова. Составители надеются, что сборник не только будет интересен для широкого круга читателей, но и полезен для ученых и исследователей; окажет практическую помощь библиотекарям, музейным работникам, краеведам, приблизив к ним архивные и библиотечные фонды столичных городов.

Надеемся, что очередной «Смышляевский сборник» найдет читателей и среди представителей пермской общественности, равнодушных к истории своего города, а также в студенческих и ученических кругах.

Составители полагают, что с выходом третьего выпуска «Смышляевского сборника» появилась определенность с направлением последующего развития настоящего библиотечного проекта. Прежде всего, это издание, даже в таком формате (и с учетом неперемного дальнейшего совершенствования), способно занять собственное место в пермской краеведческой литературе. Разумно объединяя в книге сугубо научные и доступные краеведческие статьи, предоставляя авторам воз-

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ

Ф.Ф. Нуреева

ПРОСВЕТИТЕЛЬ Д.Д. СМЫШЛЯЕВ О КНИГАХ ДЛЯ НАРОДА

Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828—1893) родился в семье пермского купца. Отец его, человек обеспеченный, имел богатую библиотеку, приобретенную в свое время у горного начальника Томилова. Дмитрий рано приобщился к чтению, и любовь к книге сохранил на всю жизнь. Первоначальное образование он получил в доме отца, затем учился в родном городе в гимназии, которую успешно окончил в 1844 году. На протяжении всей своей жизни он уделял большое внимание самообразованию и достиг на этом поприще больших успехов. Во многом его развитию способствовали и заграничные путешествия, начиная с первого, которое он совершил в 1851 году. Лондон и особенно открытая там первая Всемирная выставка произвели на двадцатитрехлетнего Смышляева сильное впечатление¹. На выставке он встретился с профессором Казанского университета Модестом Яковлевичем Киттары — своим земляком, который окончил ту же пермскую гимназию, но несколькими годами раньше, чем Смышляев.

Именно М.Я. Киттары — один из активных деятелей Казанского экономического общества (КЭО) — предложил Смышляеву сотрудничать в нем. Тот охотно принял это приглашение и стал его действительным членом.

Одним из фактов активного сотрудничества Смышляева в КЭО является представленный им «Проект распространения полезных знаний между поселянами»². Особо подчеркнем, что этот «Проект...» был представлен им в октябре 1854 года, т.е. в то время, когда в стране начиналось оживление общественного движения. Во второй половине XIX века вопрос о создании различных обществ по распространению просвещения и полезных сведений интересовал многих представителей российской интеллигенции. В конце 1850-х — начале 1860-х годов создавались уставы подобных обществ, возбуждались ходатайства об их учреждении. Однако на создание таких обществ правитель-

можно ввести в оборот архивные документы, публикуя очень нужные библиографические списки, пусть даже самой узкой, специальной тематики, — составители смогут в течение долгого времени планомерно и результативно изучать и популяризировать замечательный период пермской истории, который мы называем «эпохой Смышляева».

Привлекая для участия в сборнике авторов и отбирая интересные материалы, нельзя уходить именно от планомерного освоения темы, намечая для себя направления деятельности. Так, хотелось бы обратить особенное внимание на существующую во времена Смышляева тесную связь Перми и Казани, роль Казанского университета в развитии пермской науки и пермского краеведения, культуры и общественно-политических движений. Специально заняться выявлением смышляевских писем в фондах ИРЛИ и Государственного исторического музея в Москве. Библиографам — продумать возможность изучения столичных газет, особенно тех, где в XIX веке активно публиковались пермяки. И, конечно, считать в числе приоритетных направление, с которым самым тесным образом связана сама библиотека-издатель «Смышляевского сборника» — история библиотечного дела в Перми.

Наконец, необходимо по-прежнему уделять внимание дальнейшей разработке родословной Д.Д. Смышляева, и в связи с этим, помимо естественного интереса к его жизни и биографии, настойчиво продолжать поиски Смышляевского архива, исчезнувшего вместе с его наследницей — Н.П. Солодовниковой-Одуевской.

Составители «Смышляевского сборника» благодарны пермским ученым и краеведам, бескорыстно и деятельно помогающим в процессе формирования каждого выпуска: А.В. Шилову, Е.П. Субботину, П.А. Корчагину, М.Г. Нечаеву, Е.Г. Власовой и другим. Их помощь и советы позволяют поддерживать уровень издания книги.

С замечаниями, пожеланиями и предложениями по содержанию «Смышляевских сборников» следует обращаться в Центральную городскую библиотеку им. А.С. Пушкина в Перми: e-mail pushlib@permregion.ru

ство соглашалось весьма неохотно, а чаще всего, не разрешало их. Отметим, что «Проект...» Смышляева был составлен им за несколько лет до того, как пермские разночинцы на собрании кружка обсуждали свой устав «Общества распространения грамотности и реальных знаний»³.

Обратимся непосредственно к указанному «Проекту...». Разрабатывая его, Смышляев понимал, что сельское хозяйство находится в состоянии застоя, и что промышленность развивается медленно и недостаточно успешно. Он был убежден, что в преодолении застоя определенную роль должны сыграть крестьяне, но это возможно лишь в борьбе с невежеством, суеверием и предрассудками, которыми опутаны мужики, и одновременно с распространением среди них полезных советов и знаний. Смышляев был уверен в том, что в решении этой задачи большое значение будут иметь книги, создаваемые для народа, в первую очередь для крестьян.

Он хорошо понимал, что появление книг для народа «дело нелегкое», но твердо был убежден в том, что дело это необходимое. За создание литературы для народа, отмечалось в «Проекте...», могут взяться только такие люди, которые глубоко изучили «простой быт народа, его нужды, язык, условия и требования местности». Это должны быть люди, которые действительно убеждены в пользе предлагаемых ими сведений. Разумеется, Смышляев вел речь о тех, для кого интересы простого народа — крестьян — были близки и дороги. Конечно, среди интеллигенции такие люди были. Смышляев был лично знаком с таковыми, в частности, с членами Казанского экономического общества. Не случайно «Записка» его с изложением «Проекта...» предназначалась для членов КЭО. Этот документ был включен в «Отчет КЭО за 1854 год» и опубликован в январской книжке «Записок КЭО» за 1855 год⁴. По мысли Д.Д. Смышляева, эти книжки для крестьян должны были издаваться и Казанским экономическим обществом.

По своему объему, как пишет Смышляев, они «не должны быть слишком пространны», т.е. это должны быть брошюры или даже отдельные листки, «чтоб мужичку удобно было в один присест прочесть книжицу»⁵. И на одном листе, по его словам, что-нибудь хорошее и полезное можно напечатать⁶. Развивая далее свою мысль о печатной продукции в один листок, он продолжал: «Этот листок в виде украшения наклепит мужичок на стену у себя в избе и будет нередко его прочитывать,

да и приходящие к нему грамотеи — тоже, ибо он всегда будет на глазах»⁷. Чтобы листок или брошюрка для народного чтения были привлекательными, верхний листок, т.е. обложку, можно украсить «лубочной виньеткой в русском духе, приличной содержанию брошюры»⁸. Бумага для таких листовок нужна «по возможности толстая, дабы не скоро изнашивались под дюжими пальцами чтецов»⁹.

Еще более был озабочен Смышляев содержанием книг для народа. Эти книжицы и листки, по его мнению, должны носить просветительский характер. По форме изложения они должны представлять собою беседы с простым народом — крестьянином. Тема бесед, по его мнению, это «изложение настоящего состояния земледелия и сельских промыслов, при указании средств к их развитию и совершенствованию»¹⁰. В каждой такой беседе, полагал Смышляев, следует указывать выгоды и невыгоды как в сельскохозяйственном, так и промышленном производстве, опираясь при этом на научные показатели и результаты. Именно об этом и должен был заботиться, прежде всего, составитель такой брошюры. Это его обязанность.

Смышляев учитывал, что по своему содержанию такой материал является для крестьянина сложным. Для того чтобы он смог усвоить его, желательно в этот серьезный предмет добавить «русского юмору», т.е. присказку, пословицу, забавный эпизод и т.п. Давая подобные рекомендации, автор «Проекта...» проявил себя опытным педагогом и психологом. Высказывая свои особые требования к созданию литературы для народа, он полагал, что авторы таких книг должны хорошо разбираться в психологии крестьян.

Разумеется, одной лишь прибауткой или забавным эпизодом нельзя было привлечь крестьянина к чтению книг, если весь остальной материал излагается недоступным для него языком. Смышляев писал, что «главную роль в изложении будет играть язык; знакомство составителя с местным наречием должно быть по возможности близкое»¹¹. Развивая эту мысль, он далее писал: «При особенностях местных условий... являются и особенности в языке, которые трудно передаются простому человеку в переводе на язык очищенный, общеупотребительный»¹². Чем объясняется такое большое внимание, уделяемое Смышляевым языку этих книг? Почему он так настойчиво рекомендовал изучать народные наречия? Объясняется это тем, что книжка, написанная таким языком, будет не только понятна народу, но и вызовет у него доверие.

Смышляев ратовал за то, чтобы книги, издаваемые для народа, распространялись как можно быстрее среди простолюдинов. Как это сделать? Через кого это сделать? Размышляя над этими вопросами, он попытался ответить и на них. Известно, что стабильной книжной торговли в ту пору не было в ряде губернских городов, в частности, в Перми ее тоже не было. Поэтому чаще всего книги приобретались либо на таких крупных ярмарках, как Макарьевская в Нижнем Новгороде, или Ирбитская на Урале, либо в книжных магазинах и лавках, либо в селах и деревнях по преимуществу через офеней, которых Смышляев называет «ходебщиками». Офени — это бродячие торговцы, торговавшие разной мелочью, преимущественно галантерейными товарами и книжками. Нередко офени назывались и коробейниками. Смышляев не употребляет ни того, ни другого слова, а берет широко распространенное на Урале — «ходебщик», и к ходибщику предъявляет свои требования.

Вот что он писал по этому поводу: «Лучший способ распространения изданий представляет продажа их через ходибщиков, которые между разными мелочами всегда имеют запас недорогих книжонок и лубочных картин, и заносят их в такую глушь, что, кажется, нет ни одной крестьянской избы в наших губерниях, где бы нельзя было найти дешевое московское издание, и по стенам несколько лубочных гравюр»¹³.

Значение ходибщика, по Смышляеву, состояло не только в том, что он продает крестьянам книги, но и в том, что через него можно узнать, где с большим желанием будут покупать подобные издания. «А это, — писал он, — знать очень важно». Смышляев рекомендовал КЭО интересоваться тем, как эта литература распространяется, доходит ли до крестьянина, где и кто ее охотнее покупает и читает. Через ходибщиков можно было выявить «людей более разумных, с большею охотой усваивающих распространяемые сведения», чтобы можно было «поощрять их словом, и делом, и всякою возможною помощью, дабы другие, глядя на них, могли осязательно убеждаться в пользе улучшений в сельском хозяйстве и промышленности»¹⁴. Так мыслил Д.Д. Смышляев. Думается нам, что роль ходибщиков он преувеличивал, в действительности, такой роли они не играли. Его «Проект...» Казанским экономическим обществом был одобрен, намечены были и меры для его осуществления, но реализовать его не удалось.

«Проект...» Смышляева, насколько нам известно, является одним из первых документов, принадлежащих ему и связанных с его деятельностью в организации книжного дела.

Книжному делу он, начиная с 1850-х годов и до самой смерти, уделял огромное внимание. По его инициативе и главным образом на его средства, в Перми были подготовлены две книги «Пермского сборника», изданные в Москве в 1859 и 1860 годах¹⁵. Они получили высокую оценку «Современника», «Русского слова», «Отечественных записок». Этот сборник покупали и знали не только в Поволжье и на Урале, но и в других городах страны. Замысел у Смышляева и его друзей был масштабный: за второй книгой готовилась третья, но она не вышла. Заметим здесь, что «Пермский сборник» замышлялся как издание повременное.

В последующие годы часто по инициативе Д.Д. Смышляева и под его редакцией печатались, выходили в свет и другие издания: 34 книжки «Сборника Пермского губернского земства», «Сборник статей о Пермской губернии», «Памятные книжки Пермской губернии» на 1891—1894 годы. Последняя из них вышла через год после смерти Д.Д. Смышляева. Издавались им в 1860-х — начале 1890-х гг. и другие краеведческие сборники¹⁶.

Ему принадлежит ряд интересных библиографических указателей и обзоров¹⁷. Библиотечное дело относилось к числу его неустанных забот. Известно, что он вместе с государственным крестьянином А.Н. Зыряновым открыл в селе Иванищевском Пермской губернии бесплатную библиотеку для простого народа. Эта библиотека комплектовалась лучшими передовыми изданиями¹⁸.

Все это показывает активную роль просветителя Д.Д. Смышляева в развитии книжного дела, прежде всего, в таком обширном регионе как Урал. Он понимал, что книжное дело является одним из важных каналов для просвещения народа. Его идеалом был известный просветитель XVIII века Н.И. Новиков, портрет которого постоянно находился в кабинете Д.Д. Смышляева.

Примечания.

Статья подготовлена автором с дополнениями по публикации: *Нуреева Ф.Ф.* Просветитель Д.Д. Смышляев о книгах для народа // Библиотека Казанского университета: фонды, раритеты, история. — Казань, 1989. — С. 87-92.

¹ *Дмитриев А.А.* Дмитрий Дмитриевич Смышляев: (оттиск статьи) — Пермь, 1895. — С. 1; Он же. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. — Пермь, 1902. — Вып. 1. — С. 34.

² Записки Казанского Экономического общества. — 1855. — Кн. 1, отд. 1. — С. 9-12.

³ *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. — Казань, 1974. — С. 174.

**«КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ»
Д.Д. СМЫШЛЯЕВА НА СТРАНИЦАХ
«ПЕРМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»**

Первая половина 1880-х гг. в деятельности Д.Д. Смышляева была отмечена активным сотрудничеством с «Пермскими губернскими ведомостями» (далее — ПГВ) и даже редактированием в 1882 г. неофициальной части газеты. Публикаторскую работу Смышляева этого периода можно хорошо представить по составленному им «Указателю статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских Губернских Ведомостей в течение 1881—1884 годов» (Пермь, 1885). Среди прочих публикацией краеведческого характера, в 1883 г. на страницах ПГВ был опубликован «Краткий обзор истории Пермского края», включенный Смышляевым позднее в состав «Сборника статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891)¹. В отличие от ряда других обзорных исторических материалов, которые часто являются статьями научного характера большого объема, насыщенными деталями (именами исторических персонажей, названиями различных мест, датами и статистическими сведениями), «Краткий обзор» Смышляева напечатан всего в трех номерах ПГВ и представляет собою связное повествование о Прикамье со времен заселения его человеком и до основания Пермской губернии. В сущности, публикация — это сведенный воедино пересказ известных исторических теорий и разысканий, касающихся истории Пермской земли.

Смышляев представляет историю Прикамья в виде своеобразного словаря, с помощью ряда ключевых образов пермской истории. Перечень заглавных понятий «словаря» неоднороден — это названия стран и народов, имена и события, города и исторические процессы. Всего автором было выделено 23 раздела: Остатки древнейшей жизни; Биармия. Скандинавские предания; Русские летописи; Биармийцы; Чердынь; Происхождение Биармийцев и других народов, населявших северо-восток России; Заселение и завоевание страны новгородцами; Св. Стефан; Калинниковы; Соликамск; Строгановы; Камкор; Орел-городок; Чусовские городки; Очерский острог; Набеги сибирских князей; Призвание Ермака; Завоевание Сибири; Бабиновская дорога; Верхотурье; Монастыри, села и города; Горное дело; Административные деления России. Различен и объем каждого

⁴ Записки Казанского Экономического общества. — 1855. — Кн. 1, отд. 1. — С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 10-11.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пермский сборник. — М., 1859—1860. — Кн. 1-2.

¹⁶ Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891.

¹⁷ Смышляев Д.Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. — Пермь, 1876; Он же. Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе «Пермских губернских ведомостей» в течение 1841—1880 гг. // Сборник статей, касающихся Пермской губернии... — Пермь, 1882. — Вып. 1; То же... в течение 1881—1884-х гг. — Пермь, 1885. — Вып. 2; Смышляев Д.Д. Ежегодники Пермской губернии // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. — Пермь, 1891. — Вып. 5.

¹⁸ Зырянов А.Н. Библиотека и училище в селе Иванищевском Шадринского уезда // ПГВ. — 1860. — № 50; Смышляев Д.Д. О библиотеке села Иванищевского за 20 месяцев ее существования // ПГВ. — 1861. — № 11, 12, 50; Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение... — Казань, 1974. — С. 223-225.

понятия — от одного предложения («Соликамск») до почти полутора страниц («Биармия»). Многие темы и сюжеты из обзора Д.Д. Смышляева прочно закрепились в сознании пермяков и сегодня являются ключевыми в представлении местных жителей об истории своей земли. Другие остались лишь в сфере интересов специалистов. Статус этих образов пермской истории в местной культурной памяти со временем менялся в меньшую или большую сторону.

Предания о древней стране Биармии и населявшей Прикамье чуди, имена Стефана Великопермского и Ермака прочно вошли в структуру пермского текста, приобрели символическую функцию в представлении местных жителей о прошлом пермской земли². Освоению человеком северо-восточных земель России и образу Перми в скандинавских преданиях и русских летописях Смышляев посвящает значительную часть своего обзора. Мифической стране, упоминаемой в скандинавских сагах, отведены сразу три главки: «Биармия», «Биармийцы», «Происхождение биармийцев и других народов, населявших северо-восток России». Очевидно, что для автора особенно важны сказания, свидетельствующие не только о «весьма древнем существовании человека в пределах нынешней Пермской губернии», но и древности пермской истории. Он неоднократно убеждает читателя в давности и богатстве прошлого Прикамья: «остатки древнейшей жизни <...> несомненно свидетельствуют о весьма древнем существовании человека в пределах нынешней Пермской губернии»³; «мы можем извлечь для истории тот верный факт, что задолго до IX столетия, Биармия или Пермь была известна уже как страна торговая и богатая»⁴; «находки вполне подтверждают предания скандинавов о давнем населении Биармии»; «Сам Шлёцер, называвший саги «глупыми бреднями сказочников», согласен с ними относительно древности и процветания Биармии: «Пермь, — говорит он, — некогда самобытный, великий и не совсем непросвещенный народ»; «Слава Перми достигла впоследствии Константинополя: византийский историк Халхакандила упоминает о Пермяках (Permii), как о весьма древнем народе»⁵.

Не утратили своего значения в пермской исторической памяти города Чердынь («Чердынь») и Соликамск («Соликамск»). Сегодня, благодаря репутации древнейших городов Прикамья, они являются объектами массового туризма и символами давней истории Пермского края. Примечательно, однако, что Смышляев, уделяя значительное внимание Чердыни в связи с

историей Великопермского княжества, фактически лишь называет предположительное время возникновения Соликамска (из которого происходила его семья), не говоря о роли города в истории края.

Фамилия Строгановых, выделенная Смышляевым в качестве одного из заглавных понятий, неразрывно связана в сознании современного пермского сообщества с социально-экономическим и промышленным развитием региона. Деятельности этой династии Смышляев посвящает значительную часть своего обзора, включая восемь разделов, следующих после главки «Строгановы». Повествование о новых прикамских городах («большая часть северо-западного пространства нынешней Пермской губернии перешла во владение фамилии Строгановых и была заселена их стараниями»⁶), христианизации края (первый здесь монастырь основан Аникой Строгановым), развитии горного дела — все это обуславливается деятельностью Строгановых.

Часть населенных пунктов, имен и событий, выделяемых Д.Д. Смышляевым в качестве ключевых для пермской истории, не закрепились в памяти местного сообщества. Так, незначительное место в представлении пермяков о своем прошлом занимают Орел-городок, городок Камкор (Камгорт), Очер (Очерский острог), равно как и Верхотурье, отошедшее в XX веке к Свердловской области. Были забыты посадские люди Калининковы, основатели соляных промыслов на месте будущего Соликамска. Также не актуальным оказалось для локальной исторической памяти заселение пермской земли новгородцами.

Любопытно, что в статье Д.Д. Смышляева отсутствует упоминание о нынешнем носителе имени Пермь — городе Перми. Обзор истории региона завершается созданием в конце XVII века Пермской губернии, в которой, однако же, не оказывается губернского центра, столицы края. Основание Екатеринбурга автор упоминает в связи с развитием горного дела⁷, тогда как учреждение административного центра, города, по видимому, не представляется ему событием, важным для развития Прикамья конца XVIII столетия. На месте нынешней Перми в обзоре Смышляева мы находим лишь в числе прочих заводов Егошихинский: «Де-Геннин открыл также несколько новых заводов, в том числе в 1723 году Ягошихинский медеплавильный завод»⁸. Завершается история края созданием в конце XVIII века Пермской губернии в том ее виде, в котором она просуществовала до 1917 года.

Статья Смышляева, насыщенная, как и многие исторические сочинения, историческими фактами с именами, датами и топомами, не лишена читательской привлекательности. Во-первых, автор не довольствуется перечислением фактов, его повествованию свойственны элементы внутренней диалогичности: «мы невольно должны задаться вопросом», «само собой разумеется, что...». Сюда же нужно отнести обращения к современности — преданиям современных автору жителей Пермского края и нынешнему (для 1880-х гг.) состоянию тех или иных исторических поселений («нынешние жители приписывают...», «на этом месте теперь», «остатки его существуют и сейчас», «где ныне живут...»). Кроме того, автор обращается к поэтическим легендам, например, в обстоятельном рассказе о биармийском прошлом Прикамья: «конунги норвежские и датские женятся на пермских царевнах, а из-за отказа руки их происходят битвы и единоборства». Для описания мифического пермского святилища используются сказочные метафоры: храм был «обложен золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю округность. На истукане внутри храма блистало золотое ожерелье в несколько фунтов; венец на голове был осыпан драгоценными камнями, а на коленях стояла золотая чаша такой величины, что четыре богатыря могли утолить из нее жажду; наконец, облачение истукана превышало своей ценностью груз трех кораблей, плававших по Греческому морю»⁹.

«Краткий обзор истории Пермского края» Д.Д. Смышляева только на первый взгляд может показаться скромным в сравнении с многотомными научными трудами его современников и последователей — «Географическо-статистическим словарем Пермской губернии» Н.К. Чупина, «Пермской летописью» В.Н. Шишонко или «Пермской стариной» А.А. Дмитриева. Ценность статьи видится в том, что она вобрала в себя все основные этапы, темы и сюжеты истории формирования цивилизации в Пермском крае и представила их в повествовательной форме на страницах самого распространенного на то время печатного источника. Опубликованная на страницах местной газеты, статья Д.Д. Смышляева в образах давней истории представила молодому, в сущности, местному культурному сообществу целостный рассказ о прошлом Пермской земли. Несмотря на то, что со временем в историческом самоопределении пермяков возникали новые темы, а часть из выделенных Смышляевым сюжетов не закрепилась в культурной памяти, эта статья

обозначила основные географические, исторические и культурные доминанты формирующегося пермского регионально-го самосознания.

¹ [Смышляев Д.Д.] Материалы для истории Пермской губернии и города Перми // ПГВ. — 1883. — 1, 5, 12 янв. — Подпись: С.; Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии: Изд. автора. — Пермь, 1891. — Из содерж.: Краткий обзор истории Пермского края — С. 1-16.

² Подробно о биармийско-чудском мифе в истории пермского текста см.: Абашев В.В. Пермь как текст. — Пермь, 2000. — С. 76-85.

³ Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 1-2.

В дополнение к «Толковому словарю» Даля // ПГВ. — 1882. — 10 апр. — С. 3.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-59001а /У «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати Пермской губернии (1840—1890-е гг.)».

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ. 200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.А. ПРЯДИЛЬЩИКОВА

Биография человека неразрывно связана с эпохой, в которой он живет. Биография педагога, краеведа, просветителя Ф.А. Прядыльщикова — это и биография его творчества. Между тем сведения о жизни и деятельности нашего земляка довольно скудны, многое остается скрытым завесой прошедших десятилетий.

Федор Афанасьевич Прядыльщиков (26.01.1811 — 17.12.1870) принадлежал к той когорте выходцев из семей крепостных слугителей Пермского нераздельного имения Строгановых, которые получили образование благодаря владельцам, преследовавшим чаще всего практические цели обеспечения своих вотчин знающими, профессиональными кадрами. Однако в судьбе Прядыльщикова были свои особенности.

Федор Афанасьевич родился в семье крепостного приказчика Очёрского завода. Известно, что его отец, Афанасий Федорович, принимал деятельное участие в модернизации этого строгановского предприятия. При нем были усовершенствованы воздуходувные и энергетические заводские установки, введены новые устройства и механизмы, построен, например, прокатный стан по производству шинного и листового железа, давший возможность увеличить выпуск качественного металла, сооружен фабричный корпус. Непосредственное отношение имел А.Ф. Прядыльщиков и к организации первого в Прикамье заводского театра — Очёрского¹.

Для характеристики отца пермского летописца определенную информацию можно почерпнуть из «Походного журнала», по сути путевых записок о поездке Афанасия Федоровича из Очера в Санкт-Петербург и обратно в июле-августе 1820 г.² В них Прядыльщиков сообщает о своем посещении Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, ряда других городов, через которые проходил маршрут путешествия, но особое внимание он уделил в «Журнале» своему пребыванию в северной столице, названной им «прекрасным и единственным городом» среди всех остальных. Приведем краткую выдержку из записок А.Ф. Прядыльщикова, связанную с посещением наиболее любопытных с его точки зрения мест Петербурга. Он пишет: «Начав с Казанского собора, того величественного храма, который во времена наши прославил русских художников, я заключил мои посещения в столице мона-

стырем Невским, где покоятся прахи вельможей российских, где гордые памятники возвещают еще минувшую их славу, и между которыми я нашел могилу трех любезных мне графов Строгановых — деда, сына и внука... Когда мне случилось быть в Эрмитаже Императорском, то, занимаясь до трех часов осматриванием всего редкого, необыкновенного, я вышел из него с притупленными от различных предметов чувствами, долго сидел на берегу Невы и размышлял о всем мной виденном»³.

Написанные небесталанной рукой материалы «Походного журнала» свидетельствуют не только о любознательности крепостного приказчика, совершившего дальний вояж из небольшого уральского поселения в столичный город, но и об искреннем его интересе к отечественной истории и культуре. Можно предположить, что подобные любознательность и интерес к историческому прошлому пробудились у его сына Федора не без влияния отца. Содержание записок позволяет сделать еще одно наблюдение, но уже иного порядка. Упомянутый выше источник характеризует А.Ф. Прядыльщикова как человека, преданного своим господам и пользующегося полным доверием с их стороны. Называя владелицу пермского нераздельного имения графиню Софью Владимировну Строганову «благодетельнейшей госпожой», Прядыльщиков так описывает встречу с ней, состоявшуюся на одной из дач в Подмоскowie: «С каким благоговением она изволила принять меня, могу токмо чувствовать, а не изъяснить... Я сей день считаю счастливым в моей жизни»⁴.

В 1819 г. С.В. Строганова, учитывая безупречную службу А.Ф. Прядыльщикова, дала трем его сыновьям — Якову, Федору и Алексею «вольную»⁵. В современной краеведческой литературе есть и другое суждение на этот счет: освобождение последовало всей семье Прядыльщиковых и произошло оно в 1820 г.⁶

Последующие сведения, касающиеся биографии одного из первых пермских летописцев, укладываются обычно в несколько строк: учеба, работа, творческая деятельность. Так, в «Сборнике статей о Пермской губернии» Д.Д. Смышляева, который был знаком с рукописным наследием Ф.А. Прядыльщикова и составил по первоисточникам его биографию, сообщалось следующее. В 1820 г. Федор Прядыльщиков поступил в Пермскую гимназию, где обучался на средства С.В. Строгановой. Окончив ее, учился в Казанском университете. Из университета, по словам Д.Д. Смышляева, «вышел со степенью кандидата и затем, 15 июля 1835 года, назначен на службу в Пермь старшим учителем российской словесности. 30-го мая 1843 года произведен в чин надворного со-

ветника, в 1844 г. получил в награду 180 руб. и переведен в Томск инспектором тамошней гимназии. 22 августа 1856 года награжден знаком отличия безпорочной службы. 10-го июня 1859 года уволен, по болезни, от службы в чине коллежского советника и возвратился на родину, в Очерский завод, где и провел остальные дни жизни... Самый любопытный труд его «Летопись губернского города Перми (1781—1844)»⁷.

Введенные в последние годы в научный оборот новые материалы о Ф.А. Прядильщикове, вкуче с привлечением дополнительных архивных и опубликованных источников, содержащих информацию о нем, позволяют расширить наши представления о педагогической и краеведческой деятельности пермского летописца. Так, становлению Прядильщикова как педагога содействовала та благоприятная атмосфера, которая царил в Пермской гимназии, и наличие среди ее преподавателей ярких, незаурядных личностей, выделявшихся широким кругом интересов. Возможно, любовь к российской словесности привил Прядильщикову еще в период его обучения в гимназии учитель логики и риторики пермский поэт-сатирик В.Т. Феонов. Коллегами по работе Федора Афанасьевича были П.И. Мельников (А. Печерский), преподававший в гимназии историю и статистику и ставший впоследствии известным русским писателем; А.Д. Крупенин — краевед, знаток прошлого Перми и края, старший учитель истории и статистики, и др. Мы не знаем о том, как складывались взаимоотношения Прядильщикова с этими людьми, но определенный позитивный отпечаток на его судьбе они должны были оставить.

В историю Пермской гимназии Прядильщиков вошел как способный, авторитетный и уважаемый учитель, хороший наставник. По отзыву его ученика, в дальнейшем видного организатора краеведческого изучения Пермского края и общественного деятеля Д.Д. Смышляева, «Федор Афанасьевич был знающий и усердный преподаватель и гуманный педагог»⁸. В гимназии он вел ряд профилирующих учебных дисциплин: логику, риторику, русскую словесность, кроме того, в старших классах — русскую грамматику, славянский и некоторое время французский языки⁹. Помимо этого, Прядильщиков активно участвовал в организации и проведении в гимназии литературных бесед, посвященных творчеству отечественных писателей и поэтов, начиная с Державина и Пушкина, к которым, помимо гимназистов, привлекались и преподаватели. Гимназические сочинения по словесности представлялись затем в Казанский университет и, по свидетельству одного из университетских профессоров, они считались в те

годы «лучшими по учебному округу»¹⁰. Выясняется также, что Прядильщиков отвечал за фундаментальную библиотеку гимназии с учебными пособиями и книгами для учителей и был инициатором создания ученической библиотеки, открытой уже после его отъезда из губернского центра.

Еще в период своей работы в Перми Ф.А. Прядильщиков стал проявлять интерес к истории города и края, собирать исторические материалы, записывать рассказы старожилов. Он приобщал к познанию прошлого и воспитанников гимназии. В этой связи заслуживает внимания следующий факт, ставший известным благодаря разысканиям пермского исследователя Т.А. Калининой. Когда в конце 1830-х гг. попечитель Казанского учебного округа предложил директорам гимназий представить темы сочинений для учащихся старших классов, в Перми их составил Прядильщиков. В список вошли такие темы, как начало христианства в Перми Великой, появление русских на берегах рек Чусовой и Сылвы, основание горных заводов на Урале, вторжение Пугачева в пределы «нынешней губернии» и другие. Он рекомендовал гимназистам составлять описания Урала и уральских городов, характеризовать «разных исторических деятелей»¹¹. Ясно, что подготовка таких сочинений требовала глубоких знаний не только от учащихся. Сам Прядильщиков должен был хорошо разбираться в поставленных вопросах, иметь в своем распоряжении соответствующий материал, дающий ответы на них.

Однако деятельность Федора Афанасьевича в нашем городе оказалась непродолжительной. В 1845 г. он был переведен в Томск, где занял должность инспектора местной гимназии. В Государственном архиве Пермского края удалось обнаружить письмо Ф.А. Прядильщикова к матери, Пелагии Логиновне, раскрывающее мотивы его переезда в Томск и уточняющее год, когда он расстался с Пермью. К сожалению, начало письма утрачено. В связи с ценностью источника воспроизведем сохранившуюся его часть:

«... О переменах, происшедших в нашем управлении: Пушкин* переводится в Петербург, с ним уедет вероятно и тот добрый человек, который вытребовал меня в Казань недавно. Антропов** (так фамилия моего покровителя) прямо написал ко

---

* Речь идет о Мусине-Пушкине. Мусин-Пушкин Михаил Николаевич — в 1829–1845 гг. попечитель Казанского учебного округа, в 1845–1856 гг. — Петербургского.

** Антропов Василий Иванович в 1832–1836 гг. — директор Пермской гимназии, с 1836 г. — инспектор училищ Казанского учебного округа. Высоко оценивал педагогическую деятельность Ф.А. Прядильщикова в Пермской гимназии.

мне, чтоб я или принял предложение ехать в Томск, или не думал много о повышении в Перми. Здесь я еще не слышал ни от кого речи о невыгодах поездки, хотя имею людей, искренне расположенных ко мне; напротив, все радуются тому, что я высидел наконец лучшую должность.

О жалованье 2600 р., о двойных прогонах и 2000 рублей пособия от казны я уже говорил в прошедшем письме; прибавлю только о пенсии: через три года, когда кончится срок службы моей в Сибири, мне назначится пенсия до 1000 руб. ассигнациями.

При помощи Божией я получу возможность высылать на нужды нашего семейства по крайней мере треть годового жалованья.

В конце апреля или в первых числах мая приеду в Очер и лично переговорю с Вами о делах своих...

В заключение позвольте засвидетельствовать Вам мое искреннее почтение и пожелать доброго здоровья. Остаюсь Вашим послушным сыном

Ф. Прядильщиков.
Апреля 2-го 1845 года».

К письму сделана приписка от брата Федора Афанасьевича: «При сем и я свидетельствую Вам, Любезная Маменька, истинное мое почтение и желаю доброго здоровья. Алексей Прядильщиков»¹².

Хотя Прядильщиков рассчитывал, что в Сибири пробудет недолго, его служба в Томске затянулась почти на полтора десятка лет. Впрочем и здесь новоиспеченный инспектор гимназии не оставил своего увлечения местной историей, вынашивал план составить летопись г. Томска, но в отличие от летописи Перми этот свой труд он не завершил. Как первичный материал к «томской» летописи можно рассматривать содержание рукописного сборника Прядильщикова «Исторические, литературные и краеведческие заметки о г. Томске», хранящегося ныне в отделе рукописей и книжных памятников научной библиотеки Томского университета¹³. Несмотря на фрагментарный характер заметок, они, тем не менее, позволяют реконструировать некоторые любопытные страницы истории этого сибирского города. Автор зафиксировал в них черты быта томичей, уделил внимание архитектуре, религиозной истории Томска, дал характеристику некоторым представителям местной администрации, влиятельным лицам, навещавшим губернский центр. Видное место в заметках занимает, например, описание посещения города М.М. Сперанским, что перекликается с интересовавшей Федора Афанасьевича темой пребывания этого крупнейшего российского государственного деятеля в ссылке в Перми. Сохра-

нились в научной библиотеке университета и записи Прядильщикова по истории Перми и Пермского края, в том числе, о башкирских восстаниях, организации управления регионом, пермских губернаторах, церковной истории. Часть аналогичных материалов отложилась и в одном из фондов Госархива Пермского края¹⁴.

Служба Ф.А. Прядильщикова в Томской гимназии продолжалась до 1859 г. Выйдя в отставку, Федор Афанасьевич вплоть до кончины жил в родном Очере. Сюда он вывез основную часть своего архива, включая и некоторые рукописи, касавшиеся Томска. Забегая вперед, отметим, что последние были переданы в 1952 г. из Очерского в Томский областной краеведческий музей. Из материалов переписки между музеями видно, что в числе отправленных значились «Заметки о промышленности Томска» с описанием гончарного и кирпичного производств, кузнечного дела, других промыслов и ремесел, относившиеся к 1840-м гг., а также записи о достопримечательностях Томского Алексеевского монастыря¹⁵. Запасники Томского музея стали, таким образом, вторым хранилищем в сибирском городе, где имеются или имелись бумаги Ф.А. Прядильщикова.

Оставивший значительное творческое наследие Федор Афанасьевич, будучи человеком скромным, при жизни не стремился публиковать свои труды. О них стало известно лишь в 1870-е гг., благодаря другому краеведу-любителю из Очера — Ивану Васильевичу Вологдину, близко знавшему Прядильщикова и получившему после смерти владельца его рукописное собрание. Уже в самом первом номере популярнейшего впоследствии петербургского журнала «Русская старина» за 1870 г., при посредстве Вологодина, были опубликованы две работы Прядильщикова: «Исполнение указа Петра Великого о бритьи бород в Соликамске 1705 г.» и «Обращение раскольников в православие в Пермской епархии 1788 г.» Первая из них была написана автором со слов соликамских старожилов, которые пользовались более ранней устной информацией, вторая — на основе сведений, полученных от одного из уроженцев с. Ильинского.

В 1870-е — начале 1880-х гг. в «Пермских губернских ведомостях» было опубликовано еще не менее двадцати статей и заметок Ф.А. Прядильщикова: о заводчиках М. Походяшине, Л. Расторгуеве, С. Яковлеве, уроженце Верхотурского уезда, историке Сибири П.А. Словцове, о разделе в середине XVIII в. владений Строгановых и деятельности строгановских приказчиков и т.д.¹⁶ Среди работ, помещенных на страницах губернских ведомостей, упомянем также разные по тематике, но не утратившие исторического и познавательного значения статьи Прядильщикова: «Кое-что о пре-

бывании Сперанского в Перми»¹⁷, «Археологические заметки о Пермской губернии»¹⁸, «Заметка о вогулах»¹⁹. В статье, посвященной М.М. Сперанскому, Прядильщиков раскрывает отношение пермского общества и местной администрации во главе с губернатором Б.А. Гермесом к опальному сановнику. Хотя в ураловедческой литературе и бытует представление о незаслуженно негативной оценке, данной автором Гермесу²⁰, нужно иметь в виду, что в основу высказанного им мнения была положена информация, полученная краеведом от пермских старожилов. Ясно, что совершенно иное содержание присуще «Археологическим заметкам». Они интересны благодаря приведенному автором перечню памятников материальной культуры Прикамья ранних эпох; фиксации известных ему на тот момент находок древних вещей «из камня, кости и металла». В свою очередь, в «Заметке о вогулах» (в действительности это достаточно большая статья) представлены любопытные этнографические сведения, касающиеся внешнего облика, одежды, питания, жилищ, хозяйственных занятий, верований вогулов (манси). Знакомство с этими публикациями позволяет говорить о разнообразии и широте интересов их автора.

При всем значении историко-краеведческих трудов Ф.А. Прядильщикова, наибольшую ценность среди них представляет его «Летопись губернского города Перми». Летопись была опубликована дважды: вначале в 1874 г. в «Пермских губернских ведомостях»²¹, затем в 1883 г. в «Календаре Пермской губернии»²², в обоих случаях при участии и с комментариями Д.Д. Смышляева. По времени составления она явилась второй после летописи Перми, которую вел священник местного Петропавловского собора Г.Ф. Сапожников²³.

Оба источника — памятники позднего городского летописания, излагающие события в традиционной для такого рода сочинений форме хронологического повествования. Цель их составления определялась идеей сохранить для потомков историю Перми. Но при общности установки, каждая из летописей имела свои особенности. Труд Сапожникова, охватывающий период пермской истории с 1723 по 1802 гг., по характеру содержания материала сближается с церковно-приходскими летописями, если по сути не является таковым. В центре внимания составителя — факты церковной жизни: сведения о закладке и строительстве Петропавловской церкви, затем каменного собора, о назначениях и перемещениях духовенства, с краткими биографиями священнослужителей. Даже открытие Пермского наместничества в 1781 г. представлено сообщением о торжественном богослужении, сопровождавшем это важное для края событие. Вместе с

тем «Пермский летописец» Сапожникова содержит ценную информацию и иного порядка — об основании Егошихинского (Ягошихинского) завода, о пожаловании его в частное владение и возвращении вновь в казну, об устройстве главного народного училища, упразднении в 1797 г. наместничества и т.д.

«Летопись губернского города Перми» Ф.А. Прядильщикова, выступая продолжением труда Сапожникова, охватывает период 1781—1844 гг. В ней освещена, преимущественно, не церковная, а гражданская история города. К ее составлению или, вернее, к отбору материалов для летописи Прядильщиков приступил в период своей деятельности в Перми. Какие-то сюжеты были, возможно, записаны им прежде, в годы учебы в гимназии, а дорабатывалась и дописывалась летопись уже после возвращения Федора Афанасьевича в Очер.

В краеведческой литературе уже отмечено, что главным источником летописно-хроникального повествования до 1802 г. стал для Прядильщикова «Пермский летописец» Г.Ф. Сапожникова; материал до середины 1830-х гг. был построен, в основном, на воспоминаниях очевидцев; период же 1835—1844 гг. — на личных впечатлениях краеведа²⁴. От себя добавим, что привлекая данные из «Летописца», Прядильщиков не пошел по пути компиляции, простого повторения сказанного его предшественником. Он существенно переработал имевшийся материал, сообщая в дополнение к нему новые сведения и факты. Хотя в работе Прядильщикова нет прямых указаний на использованные источники, вряд ли ее составитель обошел вниманием в качестве таковых «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н.С. Попова, некоторые законодательные акты, публикации, помещенные в «Пермских губернских ведомостях», и ряд других сочинений, проливающих свет на историю Перми конца XVIII — первой половине XIX в.

Несмотря на то, что летопись Прядильщикова не столь велика по объему, она отличается большой информационной емкостью. Значение летописи возрастает еще и потому, что она восстанавливает многие страницы жизни города за тот период, о котором сохранилось мало документов. Дело в том, что опустошительный пожар 1842 года в Перми уничтожил большинство архивов учреждений и частных лиц.

Всего на трех десятках страниц автор сумел рассказать о застройке города в первые десятилетия XIX века; о переменах в административной и образовательной сферах; об отражении общероссийских событий в жизни города, и проч. Вот как он описывает изменение облика губернского центра в начале 1800-х гг.:

«По начертанию и под непосредственным надзором генерал-губернатора, знатока строительной части*, сооружены многие казенные и общественные здания, также исполнены следующие работы, существенно полезные для города: камский берег, против двух приречных кварталов, где стоят дома домовладельцев, одет бутовым камнем; по южной черте городского селения, на расстоянии 800 саж., выкопан ров и насыпан вал; таким способом снеговая и дождевая вода, стремившаяся с полевой покато-сти внутрь улиц, отведена в глубокие пади Данилихи и ручья Стикса. Вдоль северной стороны вала, или на форштадте, протянут бульвар из четырех линий берез: боковые аллеи назначены для пешеходов, средняя для проезда экипажей»²⁵.

В центре внимания автора памятные события в истории города: открытие церквей и школ, посещение Перми путешественниками и учеными, лицами императорской фамилии — Александром I в 1824 г., наследником престола и сыном Николая I Александром Николаевичем в 1837 г., а также крупными сановниками. Любопытны характеристики, данные Прядильщиковым пермским губернаторам. Так, он исключительно высоко оценивал деятельность и личные качества К.Ф. Модераха, хотя и с оговорками, но в целом положительно писал о К.Я. Тюфяеве, и негативно отзывался о Б.А. Гермесе и Г.К. Селастеннике. Отметим, что эти оценки, за исключением мнения о Гермесе, близки к характеристикам, данным им как современниками, так и нынешними исследователями²⁶.

В качестве примера приведем суждения Ф.А. Прядильщикова о Модерахе и Тюфяеве. По словам летописца, «Карл Федорович [Модерах — А.Ш.], при обширном и обработанном наукою уме, обладал такими качествами, которые не всегда встречаются у сильных мира сего: он был трудолюбив, занимался делами управления сам, без помощи услужливых секретарей; судил о действиях подвластных ему лиц очень строго, но в высшей степени справедливо; собственное его бескорыстие было примером для тех, кто смотрел на службу, как на средство наживать деньги»²⁷. Говоря же о губернаторе К.Я. Тюфяеве, управлявшем Пермским краем в 1824—1831 гг., автор летописи отмечал двойное отношение к нему местного общества. «Одни, — писал он, — превозносили его похвалами, сравнивали с Модерахом, другие порицали как на-

чальника, действовавшего не столько по закону, сколько по личному произволу. В обоих отзывах, хорошем и дурном, есть преувеличение. Тюфяев, должно сказать, по сущей справедливости, при малом росте, был однакож головою выше всех современных ему деловых людей Перми; обладал замечательною способностью привлекать к себе каждого, до кого имел надобность; стремясь вдале по служебной стезе, он явно пренебрегал выгодами от казнокрадства и взяточничества, которыми нередко марают себя провинциальные воеводы... Касательно упреков в самовластии, оно проявлялось лишь тогда, когда Тюфяеву приходила охота строить что-либо в похвалу себе, на счет казны или граждан: при таком случае закон устранился, как досадная помеха; вопль частных лиц ставился ни во что»²⁸.

Таким образом, обращаясь вновь к содержанию летописи, вряд ли можно согласиться с мнением, высказанным в одной из недавних публикаций по истории нашего города, о том, что именно с Прядильщикова началась идеализация пермских губернаторов, «головы которых окружались нимбами»²⁹. Чтобы опровергнуть этот тезис, достаточно внимательно перечитать характеристики, данные летописцем К.Я. Тюфяеву, а тем более — Б.А. Гермесу и Г.К. Селастеннику. При этом напомним еще раз: Прядильщиков основывал свои оценки на отзывах современников, очевидцев событий.

Несмотря на некоторые неточности, допущенные в летописи, что уже отмечено в краеведческой литературе³⁰, знакомство с работой Ф.А. Прядильщикова позволяет судить об авторе как о глубоко знатоке истории города. Ему безусловно присуще то, что принято ныне называть историческим сознанием. И в более ранние по времени, и в современные ему события Прядильщиков вглядывался прежде всего как историк, понимавший, что добытые им знания должны стать достоянием последующих поколений. Воскрешая забытые факты и явления пермской истории, Прядильщиков и его предшественник Сапожников создавали тот фундамент, на котором основывались дальнейшие исследования о Перми. Между тем вклад Ф.А. Прядильщикова в изучение истории нашего города, а в более широком аспекте — и Пермского края, оценен далеко не в той степени, в какой он того заслуживает.

¹Скорынин А.К. Повести Очёрского завода. — Пермь, 1985. — С. 12, 13.

² ПГВ. — 1880. — № 57-59.

³ Там же. — № 59.

⁴ Там же. — № 57.

⁵Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 70; Дмитриев А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. — Вып. 1. — Пермь, 1902. — С. 25.

* Имеется ввиду К.Ф. Модерах. Карл Федорович Модерах был начальником Пермской губернии в 1796—1811 гг., отличался инженерным талантом. С 1804 г. — Пермский и Вятский генерал-губернатор.

⁶ Аверина Н.Ф. Не последняя спица...: краевед. очерк. — Пермь, 2011. — С. 39.

⁷ Смышляев Д.Д. Указ. соч. — С. 70.

⁸ Там же. — С. 71.

⁹ Аверина Н.Ф. Указ. соч. — С. 39.

¹⁰ См.: Калинина Т.А. Сохранилась добрая память // Знамя, Ильинский. — 1992. — № 112.

¹¹ Там же.

¹² ГАПК. Ф. р-1669. Оп. 1. Д. 81. Л. 3-4 об.

¹³ Поплавная В.А. Рукописи Ф.А. Прядильщикова в научной библиотеке Томского государственного университета // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 1995. — Вып. 1. — С. 19.

¹⁴ ГАПК. Ф. р-1669. Оп. 1. Д. 81. Л. 25 об.-40.

¹⁵ Там же. Д. 166. Л. 1-3.

¹⁶ Впоследствии, в 1890 г., основная часть статей и заметок Ф.А. Прядильщикова, опубликованных в «Пермских губернских ведомостях», была переиздана в «Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1891 год».

¹⁷ ПГВ. — 1880. — № 64.

¹⁸ Там же. — 1882. — № 51.

¹⁹ Там же. — 1880. — № 74.

²⁰ См.: Мухин В.В. «Летопись губернского города Перми» Ф.А. Прядильщикова // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 1999. — Вып. 2. — С. 214.

²¹ ПГВ. — 1874. — № 78-85.

²² Календарь Пермской губернии на 1884 год. — Пермь, 1883. — Приложение. — С. 3-34.

²³ Летопись Г.Ф. Сапожникова в сокращенном, а затем и в полном виде выдержала в дореволюционный период четыре издания, см.: Быстрых Т.И. История издания «Пермского летописца» Г. Сапожникова // Сведомские в селе Завод-Михайловский: тез. докл. — Чайковский, 1999. — С. 3-5. В нашей статье использованы материалы последней по времени публикации летописи, см.: Пермский летописец священника Гавриила Сапожникова // Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества. — Пермь, 1915. — Вып. 1. — С. 41-53.

²⁴ Мухин В.В. Указ. соч. — С. 213.

²⁵ Прядильщиков Ф.А. Летопись губернского города Перми // Календарь Пермской губернии на 1884 год. — Пермь, 1883. — Приложение. — С. 13.

²⁶ См., например: Пермские губернаторы: традиции и современность. — Пермь, 1997. — С. 47, 62, 66.

²⁷ Прядильщиков Ф.А. Указ. соч. — С. 16.

²⁸ Там же. — С. 31.

²⁹ Коробков А.И. К истории Перми и Пермской губернии // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право. — Пермь, 2011. — № 4 (32). — С. 47, 48.

³⁰ Мухин В.В. Указ. соч. — С. 214.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ОСТРОУМОВ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Иван Григорьевич Остроумов родился 2 августа 1861 г. в с. Усолье Соликамского уезда Пермской губернии. Его дед, Иван Яковлевич Прощекальников, тогда еще дьячок Новоусольской Николаевской церкви, 14 февраля 1804 г. обвенчался с дочерью бывшего священника с. Булатова Александрой Поповой¹. 22 января 1825 г. в семье дьякона Воскресенской церкви г. Соликамска Прощекальникова родился отец Ивана Григорьевича, будущий протоиерей Григорий Остроумов².

После окончания Соликамского духовного училища, Григорий Иванович поступил в Пермскую духовную семинарию. Еще в училище за свои выдающиеся способности, с благословения архиепископа Аркадия, он получил фамилию Остроумов³. Окончив курс духовной семинарии в 1846 г. с аттестатом 1-го разряда и званием студента, 7 августа 1846 г. Григорий Остроумов был посвящен в сан священника сначала к Ленвинской Свято-Троицкой церкви Соликамского уезда, а в декабре т.г. к Ново-Усольскому Спасо-Преображенскому собору, где служил с 1846 по 1863 гг. Семья Григория Ивановича и Марии Александровны (предположительно, в девичестве Пономаревой) была многодетной. В 1871 г. в ней росли дети: Андрей 19 лет, Владимир 13 лет, Иван 10 лет, Николай 1 год, Мария 11 лет, Алевтина 8 лет и Клавдия (умерла 6 месяцев)⁴. Старшая дочь Лидия, вероятно, к этому времени вышла замуж, т.к. в списках детей, проживающих с родителями, ее уже нет. Атмосфера, царившая в родительском доме, оказала на Ивана Григорьевича большое влияние. В семье редко говорили, что надо делать, а чего не надо, но дети видели, что в домашних традициях во главе нравственных принципов стоит порядочность — принцип, согласно которому, в любых жизненных обстоятельствах ты должен поступать так, чтобы потом этого не стыдиться.

Детство и юность Иван Григорьевич провел в Перми, где учился в духовном училище, окончив его в 1876 г. «по 1 разряду со свидетельством». После этого он четыре года обучался в Пермской духовной семинарии. Иван Григорьевич писал: «Мне пришлось заведовать семинарской подпольной библиотекой с 1878 по 1880 гг., храня ее у себя на квартире»⁵. Квартиру эту семина-

рист Иван Остроумов делил с другом детства и двоюродным братом Григорием Витальевичем Хлопиным⁶. В хранимой ими нелегальной семинарской библиотеке были не только художественные, но и политические произведения. На эти годы приходятся и первые печатные опыты И. Остроумова, опубликованные в мае 1879 г. в «Отечественных записках». Тогда еще семинарист, Остроумов написал шумевшую статью на речь ректора семинарии архиепископа Иакова, воспроизведя со стенографической точностью предполагаемую «программу исправительной деятельности» в стенах Пермской семинарии⁷.

После выхода из семинарии Иван Григорьевич поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, «словом был весьма далек от естествознания и всяких музеев, которыми увлекался впоследствии»⁸. В Ярославле в начале 1883 г. он был арестован за революционную деятельность и «исключен на два года с высылкой на родину за произведенные в лицее беспорядки». До Перми Ивана Остроумова сопровождали два жандарма. Жандармский пристав отвез арестанта к родителям и сдал под расписку матери.

Семья протоиерея Григория Ивановича Остроумова жила в Перми в собственном доме на углу Екатерининской, 160 и Екатеринбургской (ныне ул. Свердловской), 46⁹. Сидеть без дела Иван Григорьевич не хотел. Совместно с друзьями он начал редактировать и издавать подпольную литературно-общественную газету «Школа», печатаемую на гектографе для учащихся средних учебных заведений города, и помещал в ней политические статьи. С марта по август 1883 г. было выпущено десять номеров газеты. Многие заметки были написаны Остроумовым под разными псевдонимами (один из них — Андрей Жилка). 4 декабря 1883 г. за свою деятельность он вновь был арестован, четыре с половиной месяца находился в пермской тюрьме. По дате разгрома членов кружка их стали называть «Пермскими декабристами». Чувствуя свою вину перед матерью за доставленные ей переживания, Иван Григорьевич в тюрьме написал для нее небольшое стихотворение, объясняющее причину своих поступков. Мария Александровна поняла и простила сына, однако свидание с ним ей было разрешено только через два месяца.

С 1884 по 1888 гг. он числился пермским корреспондентом «Волжского вестника» (Казань), в 1885—1886 гг. сотрудничал с «Екатеринбургской неделей», где печатал свои «Заметки пермяка».

16 августа 1885 г. «потомственный почетный гражданин» И.Г. Остроумов обвенчался в Петро-Павловском соборе Перми с дочерью пермского купца Василия Васильевича Котомина, Надеждой¹⁰. Надежда Васильевна родилась в нашем городе 2 июня 1866 г.¹¹ В конце 1886 г. Иван Григорьевич занял место секретаря редакции «Екатеринбургской недели». Его заметки печатались в российских и местных изданиях, таких как «Записки УОЛЕ», «Ирбитский ярмарочный листок», а также в «Памятных книжках Пермской губернии». В это же время Остроумов работал над изданием «Справочной книги по г. Екатеринбург» для приехавших на выставку в 1887 г. Позднее, по поручению городского головы Екатеринбурга И.И. Симанова, он издает двухтомное справочное издание «Город Екатеринбург». В первом томе была напечатана статья Остроумова «Результаты однодневной переписи г. Екатеринбурга в 1886 г.» (с диаграммами). Второй том «по недоразумению» в свет не вышел (остались только два контрольных экземпляра)¹².

23 января 1888 г. в Екатеринбурге в семье Остроумовых родилась дочь Надежда, (в будущем педагог)¹³, а 17 сентября 1890 г. — сын Всеволод (в будущем юрист)¹⁴. Вследствие «репрессий со стороны губернской администрации», отец семейства вынужден был уйти из редакции. «Пришлось сильно нуждаться». Чтобы прокормить семью, в начале 1890-х гг. он организовал фирму по торговле старыми книгами «Букинист».

Благодаря ходатайству А.Е. Рейнтбота, бывшего в то время управляющим Пермской казенной палатой, с января 1893 г. до декабря 1905 г. Иван Григорьевич занимал в ней посты от помощника бухгалтера до начальника III отделения. В Перми Иван Григорьевич активно занимался общественной деятельностью, являлся членом ряда научных организаций: Ученой архивной комиссии, экономического отделения Русского технического общества, Губернского статистического комитета; был хранителем музея УОЛЕ и, наконец, хранителем Пермского научно-промышленного музея (в Научно-промышленном музее и Губернском статистическом комитете — он избран почетным членом).

Семья Остроумовых жила в Перми в собственном доме по улице Оханской (ныне Газеты «Звезда»), 35¹⁵. В этом доме в 1900 г. у Остроумовых ночевала бывшая проездом в Перми «бабушка русской революции» — Е.К. Брешко-Брешковская. Иван Григорьевич вспоминал: «Когда стемнело, через кухню прошла старая, но очень бодрая женщина в верхнем костюме крестьянки и в мужских сапогах. Мы переговорили, я узнал, что она намерена побывать на некоторых заводах Урала, чтобы поагитировать среди рабочих»¹⁶.

Так получилось, что приезд «бабушки» совпал с приездом в Пермь Н.К. Михайловского. Желавших пообщаться с Михайловским было так много, что Иван Григорьевич предложил для встречи свою дачу в Нижней Курье, «помещавшуюся в стороне от дороги и имеющую обширную террасу». Собрались человек шестьдесят. Н.В. Мешков привез с собой запас закусок. За разговорами день прошел незаметно, вечером все вернулись в Пермь. На другой день пермяки в честь приезда Михайловского устроили в загородном помещении торжественный обед «с речами, посвященными памяти выдающихся русских писателей»¹⁷. Благодаря такой встрече, устроенной Михайловскому в Перми, И.Г. Остроумов и Д.Н. Мамин-Сибиряк наконец примирились. В декабре 1901 г. в Санкт-Петербурге Иван Григорьевич в редакции Михайловского встретился с Д.Н. Маминим-Сибиряком и позднее написал об этой встрече: «Мы всегда с ним были литературными противниками по отношению к городам Перми и Екатеринбург... Однако, после оживленного чествования Михайловского в Перми, Мамин признался мне, что он отказывается от мнения, что Пермь — это только чиновничья выдумка и даже для примирения (ссора происходила лишь в печати) пригласил меня на другой день к себе, что я и сделал»¹⁸.

5 февраля 1898 г. умерла горячо любимая Иваном Григорьевичем мама, Мария Александровна. Похоронили ее на территории Успенского женского монастыря, в «ограде, около Успенского храма». А 27 сентября 1901 г. «в 3 часа пополудни умер настоятель церкви градо-Пермского Успенского женского монастыря, протоиерей Григорий Иоаннович Остроумов». Иван Григорьевич до последнего часа не отходил от больного отца, надеясь на чудо. Похоронили о. Григория Остроумова на том же монастырском кладбище, «по правую сторону алтаря»¹⁹.

К сожалению, как говорят в народе, «беда не приходит одна»: вскоре семья Остроумовых распалась. Дочь Надежда осталась жить с матерью, в ее новой семье с Иваном Сергеевичем Сиговым и их дочерью Милицей; а сын Всеволод — с отцом (дочь Надежда через 60 лет напишет: «Так мирным путем произошел раздел нашей семьи»²⁰).

Еще в июне 1898 г. Иван Остроумов отправил «представление в Киевское дворянское депутатское собрание»²¹. В 1904 г., наконец, пришло известие из Киева: «19 апреля 1904 г. определением Правительствующего сената № 1418 Остроумовы: Иван, сын Григория Иоаннова, с женой Надеждою и детьми Всеволодом и Надеждою, внесен в 3 часть родословной книги дворян Киевской губернии»²².

Жизнь продолжалась. Работа для Ивана Григорьевича всегда была лучшим лекарством. В Пермскую казенную палату к Ивану Григорьевичу часто приходили ходоки от крестьян со своими просьбами, и он никому в помощи не отказывал. 3 октября 1904 г. крестьяне Рождественской волости Оханского уезда на волостном сходе единогласно решили выразить «искреннюю благодарность за ходатайство (по делу о переводе денег, внесенных по ошибке бывшему землевладельцу в счет выкупного долга. — Н.К.) и пожелать г. Остроумову доброго здоровья на многие лета»²³. 27 сентября 1905 г. в Пермь прибыли уполномоченные бывших удельных крестьян Оханского уезда, Змиевской волости, деревни Пьянки: Лука и Матвей Федоровичи Кустовы и сельский староста Петр Савельевич Кустов, чтобы «по долгу совести» лично выразить благодарность «господину начальнику отделения Пермской казенной палаты Остроумову» за помощь в решении вопроса с выкупными платежами за землю и возвращении из казны «излишне уплаченных» денег²⁴. Иван Григорьевич вспоминал: «Кто направил крестьян ко мне, я до сих пор не знаю. Положение их было, поистине, трагическим... Я набросал краткое обращение на имя царя. Кустовы оба, видно, настолько измотались в своих мытарствах по розыску правды-справедливости, что выслушав написанное мною, не могли удержать слез. ...Когда же наконец в конце лета 1905 г. переплату возвратили, Кустовы ...вручили мне узелок с медными деньгами, говоря, что хотели собрать 100 рублей, но насобирали только 97 рублей с копейками»²⁵. Никаких отказов принять деньги крестьяне не слушали.

В декабре 1905 г. за участие в революционных событиях коллежский асессор И.Г. Остроумов, награжденный в 1898 г. за «отлично-усердную службу орденом святого Станислава 3 степени»²⁶, со службы в Пермской казенной палате был уволен «как недопустимо вредный в политическом отношении». Продав в Перми дом и имущество (личная краеведческая библиотека за символическую плату была передана в собственность Музея)²⁷, Иван Григорьевич уехал в Гродно для работы в казенной палате.

Первые годы после отъезда Павел Николаевич Серебренников часто писал Остроумову, рассказывая о том, как идут дела в пермском музее²⁸. По просьбе местной интеллигенции Остроумов занялся организацией в Гродно образовательного музея, был членом правления публичной библиотеки. До сих пор в Гродненской областной научной библиотеке им. Е.Ф. Карского хранится каталог, составленный Иваном Григорьевичем²⁹. В Гродно

Иван Григорьевич женился во второй раз. Его женой стала врач Людмила Степановна Завьялова, работавшая в амбулатории Красного Креста на детском приеме. Людмила Степановна с 1892 по 1899 гг. преподавала в Пермском епархиальном женском училище русский язык. В 1912 г. окончила Санкт-Петербургский женский медицинский институт. С началом первой мировой войны Иван Григорьевич вместе с учреждением был эвакуирован в Слоним, а затем в Курск. Людмила Степановна работала в госпиталях и до 1916 г. на санитарных поездах.

Октябрьская революция 1917 года застала Остроумовых в Тамбове. Здесь в их семье появилась дочь Вера³⁰. «Из служащего казенной палаты я сделался архивариусом ГубОНО»³¹, — писал Иван Григорьевич. Во время борьбы новой власти с чиновниками-саботажниками, оказался арестованным ЧК и Остроумов, несколько месяцев он провел в концлагере³². В Тамбове Иван Григорьевич вступил в члены РКП(б), был избран председателем партийной ячейки, занимался организацией в Тамбове краеведческого общеобразовательного музея. Здесь в 1919 г. он в последний раз виделся со своей дочерью Надеждой. И сегодня местные историки вспоминают о его деятельности: «В Тамбове в июне 1920 г. было создано «Общество истории, археологии и этнографии Тамбовского края», которым руководили И.М. Катаев, И.Г. Остроумов и П.Н. Черменский»³³.

В 1921 г. его рекомендовали в Москву для работы в Наркомпросе помощником заведующего сметным подотделом. «Это был уже довольно пожилой человек, сохранивший внешне замашки старого интеллигента. Он по-прежнему был безукоризненно честным и исполнительным по службе. Сослуживцам было известно, что он сын священника, старый народоволец, служил в царских учреждениях, резок в суждениях. Им не было известно о его революционном прошлом, огромной культурно-общественной работе»³⁴. На работу Ивану Григорьевичу приходилось добираться пешком, т.к. трамвай работал только для рабочих. Жена заведовала детским домом, жили они в служебной комнате при детском доме. При капитальной чистке партии и Иван Григорьевич, и его жена были исключены из партии, «как лица, чуждые рабочему классу». Этого решения они не стали обжаловать. В конце лета 1923 г. Остроумовы переехали в Уфу. Людмила Степановна заведовала детской поликлиникой, а Иван Григорьевич, по предложению заведующего Главнаукой Башкирской республики, занимался организацией центрального музея Башкирии из остатков разрушенного бывшего губернского музея³⁵.

В Пермь Иван Григорьевич с семьей вернулся в 1925 г. и занял должность хранителя краеведческого музея. Он был избран заместителем председателя Пермского общества краеведения, редактировал все издаваемые музеем материалы. Первое время семья Остроумовых «из трех человек пользуется квартирой в музее»³⁶, по адресу ул. Трудовая (Орджоникидзе-Монастырская), 12. Людмила Степановна заведовала детской поликлиникой № 1.

В 1928 г. общественность Перми отметила 40-летний юбилей краеведческой деятельности Ивана Григорьевича Остроумова. Первая поздравительная телеграмма была от Президента Всесоюзной Академии Наук академика А.П. Карпинского: «Сердечно приветствую Ивана Григорьевича Остроумова, прекрасного работника в просветительском культурном учреждении»³⁷. По случаю юбилея краеведческое общество возбудило ходатайство о присвоении И.Г. Остроумову звания «Героя труда» и персональной пенсии³⁸. А вскоре на музей со страниц прессы обрушилась критика в укрывании среди музейных кадров «букета бывших», и в числе жертв оказался И.Г. Остроумов³⁹.

Последние годы своей жизни Иван Григорьевич прожил в квартире по ул. Луначарского, 58. Выйдя на пенсию, он продолжал свою краеведческую деятельность. В июне 1930 г. был избран членом-корреспондентом Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вел переписку с музеями. Музеем А.П. Чехова в Москве передал на хранение письмо В.Г. Короленко. «Собственноручное письмо Пешкова-Горького от 30 мая 1930 г., 16 книг и 8 брошюр» — передал в дар Пермской библиотеке им. А.М. Горького⁴⁰.

За все годы им опубликовано множество работ по истории, археологии и этнографии края. Этнографическая карта Пермской губернии, составленная И.Г. Остроумовым, удостоилась на первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге в 1893 г. малой серебряной медали (после выставки медаль исчезла). В 1891 г. в Екатеринбурге вышла «Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии, составленная И.Г. Остроумовым». На экземпляре этой книги, хранящейся в отделе краеведения Пермской краевой библиотеки им. А.М. Горького, рукою Ивана Григорьевича сделана надпись: «Почтенному автору трудов по изучению Пермской губернии Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву от автора, в знак уважения. 12 января 1892 г.».

Остроумовым составлен «Краткий путеводитель по Пермскому научно-промышленному музею»; он был ответственным за выпуск «Отчетов за 1901—1904 гг.» и «Материалов по изучению Пермского края» (первые три выпуска), сделал множество докладов.

Газета «Звезда» сообщила о его смерти: «8 февраля 1939 г. умер известный пермский краевед Иван Григорьевич Остроумов. В завещании он оставил Пермскому музею свою хорошо подобранную библиотеку, в которой находится около 100 томов краеведческой литературы». Прощались с Иваном Григорьевичем 12 февраля в час дня в усадьбе мединститута по адресу: ул. К.Маркса, 13⁴¹.

В 1986 г. на вечере в Государственном архиве Пермской области, посвященном 125-летию со дня рождения замечательно-го пермяка, члены клуба «Пермский краевед» воссоздали многие страницы этой интереснейшей судьбы⁴². В Пермском краевом архиве хранится личный фонд И.Г. Остроумова, он содержит интересные краеведческие документы, не опубликованные до настоящего времени.

Иван Григорьевич прожил яркую, насыщенную событиями и встречами с интересными людьми жизнь. Конечно, он был человеком «с характером»: никогда не шел на компромиссы, боролся за справедливость, открыто говорил и отстаивал правду. До самой последней минуты И.Г. Остроумов работал над изучением родного Пермского края, был полон идей и планов и, конечно же, заслужил право на уважение и память своих земляков.

---

¹ ГАПК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 250а. Л. 6 об.

² Там же. Д. 299. Л. 12об.

³ *Знаменский А.*, священник. Протоиерей Григорий Иоаннович Остроумов // ПЕВ. — 1901. — № 21, неофиц. — С. 545.

⁴ ГАПК. Ф. 412. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁵ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 95. Л. 5.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 95. Л. 7.

⁸ ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

⁹ *Минеев Г.И.* Полный адрес домовладельцев губернского г. Перми. — Пермь, 1886. — С. 41.

¹⁰ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 331. Л. 73об-74.

¹¹ Там же. Д. 307. Л. 24об-25.

¹² ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 129. Л. 3об.

¹³ ГАПК. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 429. Л. 13.

¹⁴ ГАПК. Ф. 38. Оп. 6. Д. 69. Л. 3.

¹⁵ Весь город Пермь. — Пермь: Издание Н.С. Какорина. — 1903. — С. 606.

¹⁶ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 95. Л. 75.

¹⁷ Там же. Л. 79.

¹⁸ Там же. Л. 81, 82.

¹⁹ *Знаменский А.*, священник. Протоиерей Григорий Иоаннович Остроумов // ПЕВ. — 1901. — № 21, неофиц. — С. 545.

²⁰ ГАПК. Ф. р-926. Оп. 1. Д. 429. Л. 13об.

²¹ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 582. Л. 8.

²² Список дворян Киевской губернии. — Киев, 1906. — С. 191.

²³ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об.

²⁴ Там же. Л. 1, 2.

²⁵ Там же. Д. 95. Л. 67.

²⁶ ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 582. Л. 14об-15.

²⁷ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 95. Д. 94.

²⁸ Там же. Д. 3. Л. 4.

²⁹ Каталог Гродненской публичной библиотеки / сост. И.Г. Остроумов. — Гродно, 1908. — 173 с.

³⁰ ГАПК. Ф. р-132. Оп. 1. Д. 1035. Л. 3, 9.

³¹ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 95. Л. 117.

³² Там же. Л. 118.

³³ *Акиншин А.Н.* Трагедия краеведов: (по следам архива КГБ) // Русская провинция: заметки краеведов. — Воронеж, 1992. — С. 212.

³⁴ ГАПК. Ф. р-3. Оп. 8. Д. 126. Л. 13.

³⁵ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 95. Л. 135, 136.

³⁶ ГАПК. Ф. р-484. Оп. 3. Д. 10. Л. 3.

³⁷ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 111. Л. 103.

³⁸ ГАПК. Ф. р-120. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

³⁹ *Харитонов Е.Д., Серова С.В.* Пермский областной краеведческий музей. — Пермь, 1990. — С. 40.

⁴⁰ ГАПК. Ф. р-72. Оп. 1. Д. 22. Л. 6, 7.

⁴¹ Звезда. — 1939. — 11 февр. — С. 4.

⁴² *Быстрых Т.* Судьба вольнодумца: (краеведы в поиске) // Вечерняя Пермь. — 1986. — 5 нояб. — С. 3.

РОМАН Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ИМЕНИННИК»

Роман «Именинник» написан через пять лет после выхода в свет самого известного и самого «екатеринбургского» романа писателя «Приваловские миллионы». Впервые он был опубликован в 1888 г. в журнале «Наблюдатель» (№ 1-4). Первое отдельное издание вышло в Москве в 1902 г. Роман вошел в собрание сочинений писателя 1912 года, выпущенное в трех томах в Санкт-Петербурге. Издательство «Товарищество А.Ф.Маркса» выпустило в 1915—1917 гг. самое полное на сегодняшний день собрание сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в 12-ти томах, в десятый том этого издания был включен роман «Именинник». В 1948—1951 гг. опубликовано собрание сочинений под редакцией Е.А. Боголюбова в Свердловском областном государственном издательстве, роман вошел в четвертый том. Последнее отдельное издание романа «Именинник» было подготовлено и осуществлено в 1989 г. И.А. Дергачевым в Пермском книжном издательстве.

Романы «Бурный поток» (1886), «Именинник» (1888), «Падающие звезды», «Без названия» (1894) созданы в поздний период творчества писателя. В литературном процессе 1880—1890 гг. перед писателями встает проблема «опустошения личности», и каждый старается в своем творчестве определить круг ее решения. У Мамина-Сибиряка, по справедливому наблюдению И.А. Дергачева, «главное внимание было сосредоточено на том, чтобы доказать читателю, как обстоятельства и обстановка жизни выдвигают на первый план заданную функцию человека: необходимость играть ту или иную роль» (1). Все персонажи романа «Бурный поток» подтверждают продиктованное временем положение о личине, скрывающей истинную индивидуальность. Главный герой романа «Именинник» Павел Васильевич Сажин кончает жизнь самоубийством, когда осознает призрачность своего существования и невозможность что-либо изменить. Персонажи романа «Падающие звезды» в силу профессии часто вынуждены прятать истинное лицо, и только в финале карьеры рассуждают о необходимости сохранения правдивых чувств. Роман «Без названия» воспроизводит жизненные заблуждения и дает рецепт возможного их преодоления.

Произведения Мамина с первых художественных опытов отличаются драматичностью повествования. В последних романах драматический элемент становится основополагающим. Уг-

лубляется психологизм произведений Мамина-Сибиряка позднего периода. Маминскому типу повествования свойственен «психологизм состояний, а не процессов» (1, с. 158). Необходимость правдиво отражать социальные процессы, происходящие в действительности, заставляет писателя ставить своих персонажей перед проблемой выбора. «Человек у Мамина все время выбирает» (1, с. 186), потому что в реальности того времени перед людьми встает необходимость выбора целесообразных реакций на отдельные вехи жизни. Далее в литературе постоянная проблема выбора будет стоять перед персонажами М. Шолохова и Ю. Бондарева.

Отдельных исследований по роману «Именинник» практически нет. Он упоминается в ряде публикаций, касающихся «романов об интеллигенции» (2, 3, 4). В издании 1989 г., во вступительной статье, И.А. Дергачев называет «Именинник» «психологическим романом» (5), исследует историю создания произведения, говорит о прототипах персонажей. Однако все романы писателя являются психологическими, точнее, нравственно-психологическими, поскольку Мамин сознательно развивал именно это направление русской романистики: в центре повествования эпических произведений, созданных на Урале и в Петербурге, молодые люди, только начинающие самостоятельную жизнь, или находящиеся в ситуации выбора (Сергей Привалов и Вера Бахарева, Лушенька, Нюрочка и Васенька, Устенка, Окся, Бэтси, Анна Злобина и другие). Тема романа «Именинник» намечена, как обычно для маминского творчества, в очерках и рассказах («Наши», «На рубеже Азии», «Отрадное явление»).

В каждом произведении Мамин исследует живую жизнь. В рассказе «Отрадное явление» Катя говорит: «Я живу». Работа в сельской школе для нее становится смыслом существования. Она как носитель культурных знаний является единственным источником любой информации для мальчишек и девчонок, которые каждый день видят только ежедневные заботы родителей, и сами с детских лет заняты тяжелым сельскохозяйственным трудом. Школа превращается в центр всех событий. Здесь делаются географические открытия, изобретения человечества приобретают вторую жизнь в сознании маленьких учеников. Персонифицированный автор романа «Черты из жизни Пепко» выводит принципы, которым сам Мамин-Сибиряк следует всю жизнь: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот где настоящая жизнь и настоящее счастье» (6). Анна Злобина в финале романа «Именинник» повторяет: «Мне хочется жить», «стоит жить!»

В романе «Именинник» автор исследует проблему глубокого психологического кризиса и представляет свой вариант разрешения основным персонажем внутреннего конфликта. Отзвуки романа и художественная разработка данной проблемы продолжатся у А.П. Чехова в пьесах («Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня»), которые появились после издания маминского романа. В середине XX века у А. Вампилова в «Утиной охоте» тот же конфликт и аналогичное разрешение его. Драматизм повествования и динамичность романов Д.Н. Мамина-Сибиряка отмечались в литературоведении неоднократно (7, 8). Появление пьес, развивающих проблематику и тематику маминского художественного мира, подтверждает выводы исследователей. Драматургический контекст творчества писателя проявляется в прозе генетически заложенными замыслами пьес. Подробный материал об этом был представлен на выставке «Мамин и театр» в Доме-музее писателя в 2007 году (9). Роман «Именинник» при внешне небольшой сюжетно-событийной основе позволил писателю сосредоточиться на тщательном исследовании проблем социально-психологического плана, так как сюжеты романов Мамина-Сибиряка воспроизводят «механику отношений человека и процессы жизни общества» (1, с. 139). Драматургичность повествования проявляется в диалогах, внешних реакциях персонажей. Авторские вкрапления и оценки становятся ремарками. Текст Мамина представляет собой почти готовый киносценарий или драму для театра. Описания сцен, где Марфа Петровна подслушивает разговор Пружинкина с Аней, или ту, где Аня отмалчивается и уходит от вопросов Мешковой о матери, наполнены драматичностью и чувствами персонажей.

«Именинами» в либерально-демократической печати того времени называлась организация земского самоуправления. События романа Мамина-Сибиряка точно воспроизводят картину земского самоуправления в Перми. Прототипом Сажина И.А. Дергачев считает известного пермского деятеля Дмитрия Дмитриевича Смышляева. Провинциальное самоуправление воспроизводится автором как типическое. Тип, представленный образом Сажина, применим к любой российской провинции. «Мамин-Сибиряк рассматривал типическое как проявление внутреннего закона существования, которое заметнее... в кризисной ситуации, позволяющей полностью выявиться сути человека. Поэтому у него тип всегда предстает в виде яркой индивидуальности» (1, с. 42) — это утверждение И.А. Дергачева распространяется на все творчество писателя, в том числе, и на рассматриваемый нами роман. «Кризисной ситуацией» для Сажина является невозможность использования в полной мере

собственных творческих сил; и выход из кризиса, предложенный Маминим, страшен и полон пророчества. Тип персонажа, подобный Сажину, далее в творчестве Мамина-Сибиряка не встречается, потому что в жизни таких типов больше не было. Усиливался контроль правительства над земскими учреждениями. В российской действительности обнаруживались ростки новых явлений. Типы позднего творчества Мамина прекрасно представлены и проанализированы в статье Л.М. Слобожаниновой (10). Проблема влияния социальной среды на нравственные основы человека сохраняется и продолжает волновать писателя. В 1900-е годы Маминим не создано ни одного романа. Это было свойством литературной ситуации того времени, продиктованным особенностями действительной жизни (возрождение очерковой прозы и отсутствие эпических событий). Новые типы и новые явления русской реальности исследовал Мамин-Сибиряк, но точка зрения на человека и точное воспроизведение жизни не менялись.

Персонажи романа «Именинник», как и все маминские персонажи отличаются скульптурной завершенностью и выразительностью: Анна Злобина («злобинская барышня»), Пружинкин, вся дружеская компания Сажина («общество молодого Мохова») — офицер Белашеев, чиновник Куткевич, библиотекарь Щипцов, доктор Вертепов, «зоологический сад» генеральши Мешковой (Ханов — «дядя» Мешковой, докторша Глюкозова, барышня Клейнгауз, «нигилисты» Петров и Ефимов, учитель гимназии Курносов, «молоденькая девушка по фамилии Володина»). Ни один персонаж нельзя назвать эпизодическим: все — яркие индивидуальности и все основательно выписаны, самодостаточны, неповторимы и завершены не только в портретной, но и психологической обрисовке. Во многом персонажи Мамина-Сибиряка, как у Л. Толстого, «ни хороши, ни плохи» — они просто люди. Даже генеральша Мешкова при всей своей пустоте добродушна и мила, и по-своему заслуживает счастья. «Ветхий мир» старообрядчества представлен в романе экономкой Сажина Василисой Ивановной и Марфой Петровной Злобиной. С этим миром в роман вливается и старинное добротное представление о жизни. Даже злобинский дом имеет свой образ надежности и прочности жизненных устоев: «Нынче таких хороших домов не строят, чтобы каждый гвоздь сидел барином, а прочные бревна «не знали веку»; «...испокон веку: пахло мятой, мускусом, ладаном и старомодными цветами, вроде гераней, жасмина и мускуса». Но и в «этом раскольничьем гнезде бьется теперь та же мысль, которая ...не дает спать». В водоворот событий и страстей вовлечены все без исключения персона-

жи романа: представители разных сословий, образов жизни. Мамин верно схватил и отобразил ситуацию, сложившуюся на переломе столетий. Каждый персонаж романа переживает целую драму. «Раскольников гнездо» Марфы Петровны утрачивает былую мощь, когда в нем поселяется «павлин с опереньем» Куткевич. Сам Куткевич перестает быть подающим надежды чиновником. Окунев и прочие, примкнувшие к выдворенному из земства Сажину, никому не нужны, у них нет интереса к женщинам, а значит, и к продолжению рода. Тему распада домашних и семейных устоев рубежа веков исследовал и А.П. Чехов в пьесе «Три сестры».

Центральной фигурой романа, безусловно, является Павел Васильевич Сажин — «купеческий сын, получил образование в университете, ездил куда-то за границу». Он — «именинник», председатель правления земского собрания. «Это был худой, высокий господин с длинным безжизненным лицом и вялыми движениями, ...держал себя очень рассеянно и со стороны мог показаться просто чудачком. Но зато говорил Сажин замечательно хорошо: просто, находчиво, остроумно, с тем захватывающим огоньком, который действовал на слушателей неотразимо». Персонажем, объединяющим все остальные и связывающим между собой различные проблемно-тематические узлы, является Егор Андреевич Пружинкин. «...Он проходил в залу с улыбающимся довольным лицом... Окладистая седая борода придавала ему необыкновенно степенный вид, а небольшие серые глаза смотрели умненько и, вместе с тем, добродушно. Издали его можно было принять за церковного старосту». Не случайно, именно его настоящие именины описаны в романе. Пружинкин выполняет самые разнообразные поручения, остается возле покинутого всеми Сажина, сохраняет верность своей Теребиловке. «Теребиловка являлась для Мохова чем-то вроде помойной ямы, а там, в больших каменных домах, шла своя привилегированная жизнь, свои интересы и свои мысли. При одном имени Теребиловки мужчины иронически улыбались и пожимали плечами, а дамы приходили в ужас и отмахивались руками». Кутерьма и разговоры вокруг «настоящих вопросов» отвлекают всех персонажей романа от решения реальных проблем провинциального городка. Пружинкин «крутится как белка в колесе», а «настоящего дела нет». «Проекты лежали в забросе, а Мохов со всех сторон обкладывался навозом все плотнее и плотнее». Действенными шагами и реализованными планами становятся газета «Моховский Листок» и школа, открытая в Дрекольном Мысу Теребиловки. Работа начальной школы в отдаленном районе города, где жи-

вут самые бедные и пропащие люди Мохова — единственное воплощенное «маленькое доброе дело», случившееся за пять лет пребывания Сажина в кресле председателя земского собрания. Но его живое участие в школьной деятельности закончилось торжественным словом на открытии земской школы.

Мамин-Сибиряк по-своему трактует тему красоты. Он вносит уральский колорит в образы inferнальных красоток (Половодова из «Приваловских миллионов», Раиса Павловна из «Горного гнезда», Мешкова из «Именинника»). Притягательность этих персонажей более земная, более реалистическая, чем у аналогичных персонажей Достоевского, но свою роковую роль в жизни главного героя они играют безупречно. Сажин, поддавшись «минутной вспышке», из-за «рокового поступка» Софьи Сергеевны не смог реализовать настоящее нахлынувшее чувство. Интрижка с генеральшей стала общеизвестной. «Пустая бабенка», бывшая когда-то «молоденькой эксцентричной девушкой, не имевшей ни роду, ни племени», расстроила счастье двух любящих людей. Да и сам Сажин не смог бы обманывать Аню Злобину, полюбившую его со всей силой чистого девичьего сердца. Образ девичьей чистоты в романах Мамин-Сибиряка всегда рядом с образами роковых красоток, на примере которых проигрывается возможный вариант развития судьбы юной героини. Выбор между роковой красоткой и непорочной девицей ставит главного героя в ту же проблемную ситуацию, что и выбор судьбы. Мамин по-своему обыгрывает ситуацию героя «на randevу», характерную для тургеневских персонажей и в целом для русской литературы 1860-х годов. Борьба за личное счастье утратила для Сажина смысл — он боится оказаться несостоятельным перед Анной («всякая борьба напрасна»). Главный персонаж романа «Именинник» не захотел уподобляться живому мертвецу, никому не нужному «балаболу и краснобаю», не захотел тратить силы на «войну мышей и лягушек» и предпочел реальную смерть призрачной жизни.

Сюжет романа «Именинник» получает дополнительное стилистическое воплощение. В тексте неоднократно упоминается слово, вынесенное в заглавие романа. В заключительной части произведения сам Сажин рассуждает о никчемности «трагических людей» или «именинников». Мамин использует прием двойничества (Пружинкин — Сажин), на что прямо указано в тексте. «Именинник» Сажин оказывается краснобаем, слова которого не подтверждаются делами. «Общественный человек» Пружинкин необходим всем именно для дела: «Жить только для себя, в свое

брюхо — он не мог и считал теперешние «дела» за пустяки, которыми занимался так, пока, в ожидании того настоящего, к которому тяготел душой». Пружинкин для Теребиловки составлял все: «и юристконсульт, и комиссионер, и — главное — тот «нужный человек», без которого хоть пропадай. В сношениях Теребиловки с городом возникала целая масса недоразумений, и Пружинкин являлся примиряющим элементом». На протяжении всего повествования читатель вместе с персонажами ожидает чего-то важного: «конца темноте», «настоящего дела».

В тексте Мамина нет длинных описательных картин, пейзажи лаконичны, но очень эмоциональны. Они действительно дополняют настроение персонажей: «В окна смотрело уже апрельское солнце», или: «Аллея кончилась, и нужно было возвращаться. Зачем такие счастливые аллеи всегда слишком короткие и не продолжают до бесконечности...» В финале романа писатель вновь возвращает своих героев в ту же аллею. Символическая картина светящихся напротив друг друга окон домов Сажина и Злобиных также подает надежду на возможность достижимости счастья. Но свет в окнах гаснет: у Сажина навсегда — по его собственной воле. Анна зажигает огоньки в комнатах дома, построенного в Теребиловке на месте избышки Пружинкина. Анна Ивановна уходит от «фальши, лжи и обмана» родительского дома в народные учительницы и вместе с Володиной продолжает «маленькое доброе дело» в теребиловской школе. В этом состоит ее «маленькая правда» и тихое счастье быть нужной другим людям.

Мамин-Сибиряк в своем романном творчестве аккумулирует опыт писателей предыдущих поколений и открывает новые горизонты для писателей последующих поколений. «Закрученность сюжетов», свойственная современным писателям и сознательно реализуемая (а во многом надуманная) ими в своих текстах, органично вплетается в романы Мамина самой жизнью. Драматургическое начало в прозе сегодня считается обязательным атрибутом — без него роман не будет романом. Выразительность и кинематографичность текстов Мамина-Сибиряка уже никто не оспаривает. Не случайно на Свердловской киностудии планируется снимать фильм по роману «Дикое счастье». Текст романа «Именинник» интересно прочитать и просто для того, чтобы еще раз приобщиться к яркому и сочному языку писателя. Масса поговорок, ярких образных сравнений и метафор, метких просторечных выражений обрушивается на читателя. В этой яркости проявляется неповторимый стиль Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Справедливы слова о том, что «маминский роман опережал время, ставя такие проблемы и обнаруживая такие способы их решения, которые станут предметом обсуждения философии и литературы в начале XX века» (1, с. 277). Роман «Именинник» актуален в современном мире. Мамин рассматривает философские вопросы бытия и смысла жизни на очевидном, бытийном уровне, который ближе всего к реальности и межличностным отношениям в обществе. Маминский голос вливается в полифоническую многогранность художественного исследования судьбы и предназначения интеллигенции, и любого человека, который ощущает ответственность и причастность к происходящему вокруг, в целом мире. Следует отметить, что активный социальный пафос и стремление к деятельному участию в жизни поколения и страны, личная заинтересованность автора в судьбе других людей становятся неотъемлемой чертой литературы Урала в целом. Повышенный интерес к социальной проблематике позволяет выявить региональные особенности литературы Урала и ее самоидентификацию в общероссийском литературном процессе.

1. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870—1890-х годов. — Новосибирск, 2005. — С. 192.
2. История русского романа в 2-х томах. — М.;Л., 1964. — Т. 2. — С. 489.
3. Андрианова З.А. Интеллигенция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880 — 90 годов. — Минск, 1962. — 76 с.
4. Плотникова А.И. О некоторых жанровых особенностях романов Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литературные направления и стили. — М., 1976. — С. 265-275.
5. Дергачев И.А. Звено в цепи // Мамин-Сибиряк Д.Н. Именинник. — Пермь, 1989. — С. 3. Текст романа цитируется по данному изданию.
6. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. — Петербург: Изд-во «Товарищество А.Ф. Маркса», 1915—1917. — Т. 2. — С. 512.
7. Шпаковская Е.А. «Золотопромышленники» Д.Н. Мамина-Сибиряка: поэтика драматургии // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры УрГУ 1995—1996. — Екатеринбург, 1997. — С. 40-53.
8. Щенникова Л.П. Драматургическое начало в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений в 20-ти тт. — Т. 3. — Екатеринбург, 2007. — С. 987-990. Работа над собранием сочинений продолжается, в настоящее время изданы три тома.
9. Галеева Р.С., Крякунова Н.П. Д.Н. Мамин-Сибиряк и театр: путеводитель по выставке. — Екатеринбург, 2007. — С. 62-63.
10. Слобожанинова Л.М. Мамин, которого знаем мало, или Российские типы позднего Мамина: (о рассказах Д.Н. Мамина-Сибиряка начала XX века) // Урал. — 2007. — № 11. — С. 191-198.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА И РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Возникшие в результате Великих реформ земства должны были улучшать местное хозяйство и стабилизировать политическую обстановку в стране, связанную с освобождением крестьян от крепостной зависимости. К функциям земских учреждений относились: забота о народном продовольствии и ветеринарии, медицинская помощь населению, содействие развитию народного начального образования и общественного призрения, развитие взаимного земского страхования, строительство и благоустройство дорог, открытие ярмарок, содействие промыслам, торговле и промышленности, раскладка государственных сборов, квартирной повинности, содержание земской полиции и пожарной части¹. Успешная реализация земствами данных функций оказалась неотделённой от необходимости распространения аграрной грамотности на подведомственных территориях.

Открытое поздно — в 1870 году — Пермское земство довольно быстро стало одним из лучших в России. Современники оценивали состав Пермского земства как «*мужицкий*» из-за преобладания в нём недворянского элемента. Пермская уездная земская управа была открыта 16 мая 1870 г., губернская — 11 августа того же года. Председателем первой был избран М.И. Любимов, второй — Д.Д. Смышляев. Членами управы были избраны три купца и один крестьянин. 21 июня 1870 г. в здании Благородного собрания было открыто первое земское собрание, на котором председательствовал А.Н. Всеволожский.

Благодаря деятельности земств, в Прикамье стали распространяться образование, просвещение, в быт внедрялись новые прогрессивные элементы. Несмотря на развитый промышленный сектор, основными отраслями экономики Прикамья оставались земледелие и животноводство. Органы земского самоуправления губернии выбрали путь интенсификации сельского хозяйства, внедрения агрономических достижений, улучшения техники крестьянского хозяйства и широкого знакомства населения с основами рационального земледелия. Так, в 1883 г. в губернии были введены первые в России должности земских агрономических смотрителей, в обязанности которых входило распространение улучшенных семян, новых сельскохозяйственных машин и обо-

рудования, устройство сельскохозяйственных выставок и школ, организация образцовых ферм. Инициатива создания данной агрономической организации принадлежала директору Красноуфимского реального училища Н.А. Соковнину.

Николай Александрович Соковнин (1841—1893) по праву может считаться основателем аграрного образования в Пермской губернии. Он закончил естественный факультет Киевского университета. С 1865 по 1869 г. работал учителем математики Симферопольской, Одесской, Николаевской гимназий. В Николаеве Соковнин женился на дочери участника обороны Севастополя Любови Львовне Ернгамышевой. В 1869 г. был инспектором народных училищ во Владимире, в 1870-м назначен окружным инспектором Московского учебного округа. На этой должности Соковнин предложил российским земствам способ улучшения материального обеспечения сельских школ. Назначение для училищ сумм по земским сметам он находил не совсем надёжным средством и признавал необходимым связать школы с жизнью народа, с его благосостоянием и улучшением сельского хозяйства. Для этого он предлагал следующее: каждое училище должно иметь полезные и недоступные для мелких крестьянских хозяйств по цене сельскохозяйственные орудия и машины, которые бы удовлетворяли потребности населения за определенную плату, что обеспечивало бы существование училищ. Как пример Соковнин приводил использование при школах машины для сортировки семян, которая, по приведенному им расчету, окупалась бы в течение года. Деятельный инспектор нашёл даже фабриканта земледельческих орудий и машин, который был готов снабжать училища в кредит на сумму до двадцати тысяч рублей единовременно, но при гарантии уплаты этой суммы. «Полное и деятельное посредничество, пока дело не окрепнет и не получит поддержки в народе», Соковнин брал на себя, предлагая адресовать все заявки в Москву, в канцелярию попечителя учебного округа. Тридцатилетний Соковнин в 1872 г. выпустил книгу «Популярный курс начальных оснований земледелия».

С 26 января 1880 г. до 1 сентября 1889 г. Соковнин проработал на посту директора Красноуфимского реального училища (открытого 1 июля 1875 года). Из обычного 6-классного реального училища он создал первое в России промышленное, в состав которого вошли 6-классное реальное и два 4-классных средних технических училища: горнозаводское и сельскохозяйственное. При училище действовала ферма. Занятия на ней проходили с 4 июня по 7 августа под личным руководством директора. Ученики участвовали в пахоте и других видах обработки земли, посевах озимых, сенокосе,

уборке, постройке молотильного сарая, помещения для парового двигателя, глинобитных постройках, собирали и ставили паровую машину, конные приводы и др., наблюдали за развитием растений, изучали вредных насекомых, проводили эксперименты по замачиванию льна, геодезические работы: съёмку участков фермы и нивелировку. Например, научились рационально использовать лошадей при пароконном приводе (обходиться двумя). Кроме образовательного значения, ферма приносила доход.

Ученики изучали следующие культуры: рожь обыкновенную, рожь альпийскую, овёс пробштейнский, овёс австралийский, овёс обыкновенный, лён псковский, горчицу белую, горчицу чёрную, рапс яровой, картофель обыкновенный, картофель «Белая роза», картофель кормовой, коноплю обыкновенную, коноплю гигантскую, кормовые травы (тимopheевку) и т.д. — всего 64 сорта растений. Оборудование фермы составляли: веялки Эккерта, дисковая борона Ранфаля, конные грабли, сортировка для льна, соломо-резка, веялка для клевера, жнея-сенокосилка, точило, локомобиль с паровиком в 3 силы, сеноворошилка, земляной бурав, конная молотилка с приводом, окучник Эккерта, плуг Эккерта, почвоглубитель и запашник его же, плуги Рансона, корнерезка Бенталя, борона Говарда, кочкорезы и лугорезы и т.д. Большой заслугой фермы в 80-е гг. было распространение молотилок, преодоление предубеждений местных крестьян, что машины портят солому. Сеялок тогда крестьяне ещё боялись².

Выпускники Соковнина сыграли большую роль в борьбе с вредными насекомыми. Именно для этого были введены агрономические смотрители в губернии. И лишь во вторую очередь, с целью улучшения сельского хозяйства вообще. Первыми смотрителями были ученики Соковнина: Воронин, Колосов, Кунгурцев, Скачков. Каждому полагался необходимый инвентарь: микроскопы, эккеры, двойные лупы, походные фонари, землемерные цепи, баулы, скальпели, книги, например, «Настольная книга для русских хозяев».

Позже, при ферме Соковнин основал башкирскую низшую сельскохозяйственную школу. В последние годы жизни Соковнин был директором Костромских промышленных училищ. На этом посту он и скончался. Его сын работал преподавателем сельского хозяйства в технических классах Красноуфимского промышленного училища³.

Кроме Соковнина, Красноуфимское земство подарило губернии видных общественных деятелей, много сделавших для развития сельского хозяйства в губернии — Варгина Владимира Николаевича (1866—1936 гг.) — с 1889 по 1899 годы — земского

уездного агронома; Скалозубова Николая Лукича (1861—1915 гг.) — земского статистика в Красноуфимске с 1886 по 1893 г. Плодом его работы в Красноуфимском земстве стали изданные в Казани в 1890—1894 гг. «Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии», «Кустарные промыслы в Красноуфимском уезде» и другие.

Средством наглядного ознакомления населения с рациональным ведением сельского хозяйства служили агрономические фермы и опытно-показательные поля. В 1880-е гг. на III съезде агрономических смотрителей губернии было признано, что «метод наглядного обучения крестьян разумному ведению хозяйства является единственно целесообразным».

Обучение крестьян приносило свои плоды. Наиболее передовые из них сами проводили опыты. Крестьяне Кунгурского уезда экспериментировали с морожеными озимыми: могут ли они в случае выпадения снега ожить и восстановиться? Результат эксперимента был положительным, что имело большое значение в условиях малоснежных зим⁴.

Самым первым учебным заведением в Перми, имеющим отношение к сельскому хозяйству, стала школа ветеринарных фельдшеров, открывшаяся осенью 1872 г. вместе с амбулаторной лечебницей для домашних животных. В свете развития животноводства в губернии данное событие носило весьма важный характер. Однако ветеринарных кадров в губернии остро не хватало.

К ветеринарии прикамские крестьяне относились особенно недоверчиво. Они неохотно шли к ветеринарам, скрывали болезни скота и точное количество его, боясь повышения налогов⁵. Всё это имело место в то время, когда борьба эпизоотиями была одной из трудоёмких задач земства, например в 1887 г. с чумой. Был объявлен карантин⁶. Данные меры не находили понимания среди местных жителей, которые воспринимали их как досадные помехи. Ямщики сопротивлялись осмотру экипажей⁷. Крестьяне подделывали документы об отсутствии заболеваний у скота, разрешения, полученные у ветеринара⁸. Чтобы исключить подобные ситуации, и требовалась популяризация ветеринарии, преодоление крестьянской косности в этом вопросе.

При губернском земстве была разработана первая программа преподавания сельского хозяйства при народных школах в рамках четвёртого учебного года, состоящая из следующих разделов: 1). Почва и подпочва. Строение. Виды. 2). Обработка почв. Вспашка, бороньба, прикатывание, обработка пара. 3). Удобрение почв. Плодородие, богатство и истощение почв.

Навоз. Удобрение торфом, болотными кочками, компостом, фосфоритом, костной мукой. Известкование. 4). Возделывание зерновых хлебов. 5). Возделывание картофеля. 6). Полевое травосеяние. 7). Луговоеводство. 8). Скотоводство. 9). Вредные животные. 10). Лесоводство⁹.

Уездные земства проявляли большую самостоятельность в оказании помощи деревне. В Пермском уезде земство содержало 10 опытных школьных хозяйств. Ежегодно на них ассигновалось 300 р., которые распределялись учительским советом¹⁰. Статистическая деятельность земств немало способствовала улучшению губернской экономики. Статистическое бюро при губернском земстве стало работать в 1876 г. В 1880 г. бюро закончило описание трёх уездов губернии — Верхотурского, Красноуфимского и Шадринского, и на этой основе выпустило в свет обработанные ведущим агрономом Пермского земства Е.И. Краснопёровым «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии». Отделение текущей сельскохозяйственной статистики было учреждено в 1889 г. Статистические сведения также способствовали накоплению аграрных знаний.

Обо всех начинаниях в сфере деятельности земств, достижениях аграрных наук в целом, сообщал выходивший с 1870 г. «Сборник Пермского земства», который в начале XX в. сменила «Пермская земская неделя». Эти периодические издания служили источником информации как для земских деятелей в уездах, так и для крестьян, использующих передовые методы хозяйствования.

Роль агрономического просветителя выполняла также и газета «Пермские губернские ведомости», публиковавшая самые разнообразные рекомендации. Из этих публикаций можно было получить сведения о способах приготовления корма для скота из овощной ботвы и крапивы посредством силосования, об устройстве простейших силосов в ямах и на открытом воздухе, о выращивании индюшек на основе советов известного птицевода П.Н. Елагина, о борьбе с вредными насекомыми, о необходимости орошения лугов и т.д.¹¹ Газета публиковала также материалы о состоянии озимей, погоде, оценки мирового урожая хлебов, известия о книжных новинках в области сельского хозяйства. Например, осенью 1899 г. Пермские ведомости сообщали о выходе брошюры Д. Карамзина «Вредные насекомые для сада, огорода, и орangerей и способы их истребления»¹².

Аграрное просветительство шло также через музейную деятельность. Постоянно Пермское уездное земство заботилось о научно-промышленном музее. В ряде уездов устраивались художественные просветительские выставки.

В практическом осуществлении всех этих полезных дел активно участвовала земская интеллигенция: учителя, врачи, агрономы, статистики. На рубеже XIX — XX вв. влияние интеллигенции на принимаемые земскими собраниями решения прослеживается более чётко. Первоначально культурническая деятельность интеллигенции заключалась в распространении знаний общего и специального (сельскохозяйственного) характера, которое не выходило за рамки традиционной системы ценностей крестьянского населения и в большей мере напоминало вариант расширения его кругозора. С 90-х гг. XIX в. отчётливо проявляется тенденция воздействия на крестьянское миропонимание с целью изменить традиционную систему ценностей, преодолеть косность и консерватизм восприятия, противопоставить невежеству в крестьянской среде иные духовные ценности. Основным путём решения этой задачи была просветительская работа.

Например, необходимо было просвещать крестьян по поводу травосеяния, с целью развития кормовой базы. Невежественные крестьяне не просто не понимали пользу травосеяния, но и считали его вредным¹³. Для того чтобы исключить подобные ситуации, нужно было воздействовать на крестьянскую психологию.

Кадры, занимавшиеся распространением сельскохозяйственных знаний, получали образование в средних и высших сельскохозяйственных учебных заведениях других губерний в столичных, и за границей. Ряд губернских сельскохозяйственных деятелей заканчивал Петровскую (в советское время — Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию. Курс обучения в ней не был ограничен конкретными сроками и ориентировался на практическую работу в земских учреждениях и помещичьих имениях. В учебном процессе сочетались академические занятия, селекционная работа и практика ведения сельского хозяйства.

Успехи в земской деятельности были достигнуты во многом благодаря людям, стоящим у руководства земским движением края. Первое десятилетие существования земства (1870—1880) прошло под знаком энергии и организаторских способностей Д.Д. Смышляева (1828—1893). Не имея сельскохозяйственного образования, Смышляев как никто понимал значение его развития в крае. Он фактически создал страховое дело в губернии, положил начало статистическим исследованиям края. При нём начал издаваться «Сборник Пермского земства». Хлопотал Смышляев и об открытии учительской семинарии сельскохозяйственного типа.

Инициатива создания экономического общества, открывшегося уже после смерти Смышляева, также принадлежала ему. Многим начинаниям Смышляева оказывал всестороннюю поддержку пермский губернатор Н.Е. Андреевский.

Успехи Пермского земства получили общероссийскую известность. Но против руководителя Пермского земства выступила оппозиция, которой удалось вынудить Д.Д. Смышляева досрочно уйти в отставку в 1879 г., используя недостатки, допущенные им в ремонте Сибирского тракта, а также его личную горячность и несдержанность (Дм. Дм. публично дал пощечину члену губернской земской управы И.И. Васильеву).

Земская деятельность была особенно успешной при условии сотрудничества с государственной властью, т.е. с губернаторами, в том числе и в вопросах распространения сельскохозяйственных знаний. Взаимоотношения органов земского самоуправления с губернаторами зависели напрямую от личности и политических взглядов последних.

Н.Е. Андреевский — губернатор в 1871—1878 гг. — активно сотрудничал с земствами, практически не препятствуя их начинаниям. Современники считали, что в Перми сложился редкий для России альянс административной власти и органов местного самоуправления, основанный на взаимном доверии и уважении. Способствовал успешной деятельности земств и губернатор В.А. Енакиев (1878—1882). А.К. Анастасьев (1882—1884), отмечая положительную роль земства в развитии аграрной сферы и просвещения, с раздражением говорил о проявлении антагонизма к правительственной власти, желании земств выйти из-под контроля в деле народного образования. В.В. Лукошков (1885—1892) сотрудничал с земствами по вопросу открытия в Екатеринбурге научно-промышленной выставки, демонстрирующей достижения Пермского края (1887). Губернатор инициировал земские учреждения на выделение средств для организации посещений выставки выборными от волостей всех уездов губернии и прикрепление к ним специальных служащих для объяснений при осмотре экспонатов. После неурожая, вместе с губернским земством губернатор организовывал помощь голодающим уездам зерном и деньгами, а также организаций закупок хлеба в других регионах. Содействовал В.В. Лукошков и развитию кустарных промыслов, как условию, помогающему населению пережить неурожайные годы. Д.Г. Арсеньев (1897—1903) находился в нормальных рабочих отношениях с земствами, не стесняя положенной им по закону свободы. Он способствовал открытию бактериологической лаборатории, книжного склада, Дома трудолюбия, народной столовой-чайной и других полезных учреждений.

На основании вышесказанного можно выделить следующие пути распространения пермскими земствами аграрных знаний:

- работа агрономических смотрителей, агрономов и их помощников;
- создание сельскохозяйственных школ и отделений при школах;
- организация курсов для учительских кадров;
- организация курсов для крестьян;
- проведение сельскохозяйственных выставок;
- организация опытных агрономических и животноводческих станций;
- основание различных обществ, имеющих целью улучшение местной экономики;
- участие в финансировании обучения сельскохозяйственных специалистов в России и за границей;
- публикация в местной земской и другой печати;
- музейная деятельность.

Решающую роль в распространении аграрных знаний в губернии сыграла земская интеллигенция, в силу социального происхождения очень близкая к нуждам и чаяниям сельскохозяйственных производителей. В рамках своей экономической деятельности земства также работали в тандеме с местной государственной властью, что обеспечивало наибольший успех всем начинаниям.

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2 собр. XXXIX. № 40457.

² ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 534. Л. 35-48.

³ ПГВ. — 1893. — № 14. — С.57-58.

⁴ Там же. — № 44. — С. 455.

⁵ ПГВ. — 1899. — № 177. — С. 3.

⁶ ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 36. Л. 16-17.

⁷ Там же. Л. 52.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ ПГВ. — 1893. — № 104. — С. 547.

¹⁰ ПГВ. — 1899. — № 93. — С.3.

¹¹ ПГВ. — 1893. — № 22. — С.92; № 26. — С. 107; № 28. — С.115; № 47. — С.467; № 50. — С. 479.

¹² ПГВ. — 1899. — № 196. — С. 3.

¹³ Там же. — № 157. — С. 3.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ОТДЫХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ В ПЕРМИ КОНЦА XIX ВЕКА

Город Пермь в конце XIX века — культурный центр со сложившейся системой отдыха и развлечений. В нем сохранялось разделение на культуру элит и масс, высших слоев общества и низов. Вместе с тем «век прогресса» ломал постоянство образа жизни и привычек, стирал сословные границы и кастовые интересы. Традиционная культура вступала в конфликт с веяниями современности.

Общедоступный характер носили традиционные виды развлечений. Самыми традиционными из них были карты и вино, гостехождение и кабаки. Приметы «конца века» — спячка, хандра и меланхолия — не знали сословных барьеров. В литературе их окрестили определением «чеховская скука». «Жители же играли в карты, — вспоминал свое учительство в Брянске В.В. Розанов. — Это я узнал, всосавшись в жизнь городка. Все играли — сильно, ярко, рискованно, играли и проигрывали и выигрывали... женщины постоянно пили чай. Этот чай являлся в середине дня, утром и вечером и еще всякий раз, если кто-нибудь приходил в гости. А в гости ходили постоянно друг к другу целыми семьями... вообще же городок жил не склеивающейся, рассыпчатой жизнью. Жил лениво, праздно»¹.

«В городе не было никаких культурных развлечений, — сравниваем с описанием Перми, оставленным В.С. Верхоланцевым. — По вечерам обычно собирались в гости друг к другу, где мужчины играли в карты, а женщины рассуждали о детях, нарядах, прислуге и кухне и перемывали косточки своим близким»². Городские элиты собирались в клубы — Благородное, Общественное, офицерское и другие собрания, — но и там самым распространенным времяпрепровождением была карточная игра. У низов также были свои клубы «по интересам», их роль выполняли близлежащие кабаки.

О «классе рабочих мастеровых» пресса рассуждала: «В большинстве этот класс населения безграмотен, и если сходит он в воскресный день в церковь, то уже больше не знает за какое бы дело приняться и невольно идет за “соткой” с тем, чтобы напиться среди такой же своей братии, а на завтра опять засесть за тот труд, который его кормит и поит и это изо дня в день, из года в год»³.

В 1895 году в крае была введена казенная продажа вина, по всей губернии заводились общества попечения о народной трезвости и открывались чайные, где силились отвлечь население от кабаков и трактиров. Но проблема пьянства и кабацких сборищ не снималась, «дело трезвости» тормозилось потреблением браги, а винные лавки продолжали существовать и приносить едва ли не больше вреда, чем прежние вольные кабаки.

Нравы окраин города вызвали беспокойство, поскольку город разрастался за счет окраин и пригородов, прибывающих на заработки и переселенцев. Заметка «Слудские нравы» на страницах «Пермских губернских ведомостей» свидетельствовала: «Эта окраина нашего города издавна приобрела довольно печальную известность, как место постоянных драк и различного рода дебоширств. Процветанию этих “искусств” одно время способствовали: отдаленность Слудки от центра города, скученность ее населения (преимущественно рабочие), обилие кабаков и недостаточность полиции. Последние два недостатка теперь уже устранены; “кружала”, в которых принималось под заклад что угодно, заменены ограниченным числом винных лавок, а в увеличенный штат полиции вошли даже верховые стражники. Но, несмотря на эти меры, прежний “дух” в слудчанах держится крепко. Драки в особенности в праздники, здесь до того обычное явление, что заставляют обывателей встrepнуться только в тех случаях, когда кого-нибудь из буянов увозят в больницу; выбитые же зубы, свороченный нос и другие благоприобретенные украшения физиономий проходят незамеченными. Наступающая зима внесет в слудскую жизнь еще больше шума. Начинается работа на судостроительных заводах по ремонту и постройке пароходов; население заметно увеличилось, а кроме того сюда переселилась вся голытьба, работающая во время навигации на пристанях»⁴.

Беспросветное существование низов пытались скрасить различные просветительские и благотворительные общества, путем организации библиотек, народных театров, а также чтений со «световыми картинками». Отдохновение приносили ставшие традиционными праздники.

Губернская столица широко отмечала сезонные праздники. Среди традиционных зимних забав — горы и катания на санях. Горки строились на рыночных площадях. На санях катались по центральным улицам города, зимой — по Сибирской, на Масленицу выбирали проспект. Кататься сюда приезжали не только обыватели Перми, но и Мотовилихи и окрестных сел и деревень.

Молодежь делала города из снега и брала их с бою. Катание обычно заканчивалось в прощенный день при первом ударе соборного колокола к вечерне, когда большинство ехало в собор.

На Масленицу и Пасху на рыночных площадях Перми появлялись балаганы. Первые такие балаганы ставились на Сенном рынке, потом в «Козьем загоне», на Дровяной площади и прочих местах.

Балаган явление многоликое, так называли кукольные театры, представления чудес и диковинок, цирковые аттракционы, выступления бродячих артистов в садах, на ярмарках и просто городских улицах. О том, как бурно протекало гуляние на городской площади XIX века А.Ф. Некрылова пишет: «Здесь русские традиционные ледяные горы или качели мирно соседствовали с балаганом, где итальянские заезжие комедианты разыгрывали пантомимы-арлекинады; старинные наигрыши владимирских рожечников перебивались звуками многочисленных шарманок; ярославский вожак с ученым медведем выступал бок о бок с демонстрировавшим свои фокусы китайцем; отставной солдат-раешник старался перекричать балаганного деда-зазывалу; тут же Петрушка отбивал зрителей у балагана с учеными канарейками, а кабинет восковых фигур соперничал с куклами, разыгрывавшими «Доктора Фауста»⁵.

Неповторимый колорит празднику придавала разнообразная реклама, громкие зазывы торговцев, раешных дедов, всевозможные плакаты, афиши и вывески «одна чудеснее другой». «Лакомства продавались и на переносных лотках, и в ларях, и в розвальнях. Первое место, конечно, занимали пресловутые семечки и кедровые орешки, тут же продавались фисташки, грецкие орехи, изюм, чернослив, стручки и всяких видов пряники»⁶. Так А.В. Лейферт вспоминал о балаганах на Марсовом поле в Петербурге. Какие праздничные развлечения проходили на пермских площадях мы узнаем из старых газет и архивных документов, их атмосферу позволяют воссоздать многочисленные свидетельства деятелей культуры рубежа веков — воспоминания Ф. Шаляпина, А. Бенуа, Вс. Мейерхольда, устроителей крупнейших балаганов А.В. Лейферта, А.Я. Алексеева-Яковлева, Д.С. Альперова и др. Процессы, которые протекали в народной развлекательной культуре, были аналогичны для столиц и провинциальных городов.

На пермских базарах выступали поводитильщики с учеными медведями, устраивались кукольные и акробатические представления; деды-балагуры зазывали публику на раешные зрелища и

карусели. М. Осоргин вспоминал: «Слева от центрального входа стояла карусель с лошадами и беседками. Хозяиничал тут мужик в солдатской гимнастерке и с деревянной ногой. Оторвав желающим прокатиться билетика за гривенник, он закрывал на вертушку калиточку и шел внутрь круга крутить вручную механизм, меняя пластинки в патефоне. Нехилым мальчишкам он позволял иногда крутить карусель за бесплатное удовольствие»⁷.

«Персидские подданные», «настоящие китайцы», саратовские или иркутские мещане обустроивались в Перми со своими парусиновыми балаганами. Такими сообщения пестрила пресса, подтверждения тому мы находим в архивах Городской управы. Цирки, музеи диковинок и зверинцы строили собственные досчатые помещения, размещались в арендованных домах и квартирах. Балаган совершенствовался, сливаясь с балагурством эстрадных обзрений и клоунских реприз. Балконные деды-зазывалы уступали свое место на площадях и в летних садах клоунам, жонглерам, исполнителям куплетов и шансонеток; раек и панораму — сменяли «волшебные фонари» и ярмарочный кинематограф. Вторгался новый век и все мешал на городских улицах.

Весенний калейдоскоп увеселений открывала масленица. Масленица в любой год отмечалась в Перми широко и раздольно — гуляниями и катаниями, устройством эстрад и балаганов. В 1899 году хроникер писал: «Последние три дня сырной недели, благодаря теплой погоде, прошли в городе очень оживленно; гуляющих и катающихся по Сибирской ул. и в особенности на проспекте было очень много. На особо устроенных эстрадах по проспекту, на углу Екатерининской ул., пел хор песенников солдат местного гарнизона, а на углу Покровской играл оркестр воспитанников убежища бедных детей. Троекников было особенно много. Балаган г. Камбаровый «фантазия» привлек за эти дни немало народа на свои представления, в особенности в последний день «по дешевке». В городском театре за всю неделю перебивалась также масса публики. Сборы на последних оперных спектаклях были полные. Наконец, каток, против театра, привлек, особенно в последний, воскресный день, очень много молодежи. В 4 часа дня на соборе, а затем и во всех церквях города, раздался благовест колокола к вечерне, и народ массами двинулся — кто по домам, а некоторые прямо к вечерне»⁸.

В Перми «конец века» — дикий, неподходящий звук, он здесь не чувствуется, замечал фелъетонист, здесь нас отшвыривает лет на полтора назад. Масса жизни — вот характеристика масляной недели. «По необъятному количеству троек и всяких

других выездов, по необозримым толпам народа на проспекте, Сибирской, у “петрушки”, по массе катавшихся в Муллы, пестрым коврам, цветам, расписным дугам, — наконец, по давке и непроходимости в театре и у театрального здания — по всему этому можно вполне уверенно судить о том, что волна веселья захлестывает пермяка неудержимо, стихийно, окончательно. Весельем пропитывается, кажется, самый воздух, и оставаться равнодушным наблюдателем этого колоссального людского движения невозможно»⁹.

Если основной достопримечательностью зимних народных гуляний были ряжение на Святках, катальные горы, прогулки на санях, то на весенних праздниках их заменяли карусели, вертепы, панорамы. «На Пасхе качались на веревочных и круглых качелях (каруселях). На каруселях, т.е. деревянных лошадях вокруг столба, не стеснялись вместе с детьми кататься иногда и весьма почтенных лет и веса папаша», — писал современник тех дней В.С. Верхоланцев. В Троицу многолюдные гуляния устраивались за Кунгурской улицей, «между Сибирским трактом и опушкой леса». «Здесь ставились карусели и качели, играла музыка, продавались в парусиновых балаганах кедровые орехи, фуксинные пряники-коньки, конфеты, мармелад, сахарные, маковые плитки, сбитень, брага, квас, травник, домашнее пиво, кислые щи и т.п.»¹⁰.

Весной оживала камская набережная. Пермь имела свою специфику, она была своеобразной пароходной «державой». Зимой Пермь жила театром, а летом, как известно, навигацией. С открытием навигации начинала бурлить жизнь на Каме. Народная столовая из зимнего помещения переходила в переселенческий барак на берегу Камы и становилась популярным местом времяпрепровождения низов; активизировались железнодорожные и пароходные буфеты.

С первых чисел мая начинались катания на пароходах. Однако куда дешевле пароходной прогулки оказывалась возможность просто покататься на лодке по реке. Вот одна из зарисовок майского сезона 1897 года: «1-го мая вечером на противоположном берегу Камы была масса огоньков от разложенных там костров. Лодки с пассажирами и музыкой, вроде гармонии, и песнями то и дело сновали по Каме. Разъезжали и разводили костры горожане, встречающие лето. Таких же “маевщиков” много заметно было и на речке Егошихе, за городом»¹¹.

В конце XIX века в Перми еще не существовало своего яхт-клуба или никаких либо иных обществ и кружков водного спорта.

На Каме масса катальщиков на лодках, замечал корреспондент, у пристаней — лодок, но «это все посудины, наверное, еще эпохи достопамятных ушкуйников».

«Ни одной правильной, рационально устроенной лодки в Перми не встретишь; руль, парус, хорошие весла — здесь редкая вещь, — продолжал он. — Плоскодонки в виде лоханок, “долбенки и душегобки” — вот здешняя лодочная “справа”. Неподвижность, инертность и умственная разрозненность местного общества сказались, между прочим, и в этом деле. Будь иначе — в Перми существовал бы яхт-клуб, школа плавания, гребной и парусный спорт, гонки и проч. ...Трудно даже сказать: катаются ли на лодках в Перми; на них только *переезжают* за Каму и бродят-бродят, околавая на вербе груши, играя на гармониках, гитарах, болтая всякий вздор и непременно с пением — изображая великих певцов и певиц. Живут на реке, и плавать не умеют, весло в руках не умеют держать, смотрят на парус, как на диковинку»¹².

В начале мая в Перми открывались летние сады, и городская развлекательная культура сосредоточивалась в городских садах.

Самым крупным летним увеселительным садом был сад за бульваром или сад Общественного собрания. Среди других — театральный, «Козий загон», тюремный, Гоголевский и др. Имелся сад при театре в Мотовилихе. Состояние садов было разным, разной была их популярность среди публики различных сословий.

«Козий загон» размещался в небольшом сквере на берегу Камы. Попытки изменить его облик и облагородить предпринималось неоднократно. В 1897 году он был огражден решеткой, построены бревенчатые временные помещения. Здесь проходили гуляния, демонстрировался фонограф, устраивались театрально-балаганные представления, в воскресные дни играл оркестр военной музыки, было много гуляющей публики.

Несмотря на камский берег и живописный вид, открывающийся с него, «Козий загон» являлся не самым престижным местом отдыха горожан. Его описание на период рубежа веков дает живописную картину. «Я люблю иногда вечерком заглянуть в так называемый “Козий загон”, — писал корреспондент. — Порядочная пермская публика обыкновенно избегает это место, предоставляя его в распоряжение плебса, и благодаря этому “Козий загон” живет своей самобытной жизнью.

Обыкновенными его посетителями являются: рабочие, золотородцы и милые, но падшие создания, “малютки”, как нежно величают их пермские извозчики.

Весь этот люд чувствует себя в “Козьем загоне”, как дома, и располагается совершенно по-домашнему: садится в группы на лавках, на земле, закусывают воблой, яйцами, ведут громкие разговоры, запивая их водкой. Пирожники бойко торгуют здесь своим сомнительным товаром»¹³.

Каждый сад имел свою специфику. Как правило, вход в городские сады был бесплатным (порой плата устанавливалась во время организации платных гуляний). Общественное, или прежде Купеческое собрание, арендовавшее сад за бульваром, обязано было выполнять определенные условия. Одним из главных служил бесплатный вход в сад для всех желающих, а не только членов и посетителей клуба. Общественное собрание содержало оркестр музыки и устраивало для публики музыкальные вечера. В марте 1883 года Совет Старшин клуба в обращении к Городской управе констатировал, что во время летних музыкальных сезонов в саду собиралось много публики, «и между прочим часто и даже каждый раз бывало много пьяных из простого звания, которые, не стесняясь присутствия дам и детей, ругались между собой неприличными словами, а иногда бывали драки, что производило весьма неприятное впечатление на остальную публику и в особенности на детей»¹⁴. Вследствие чего Совет Старшин Купеческого клуба предложил отделить прилегающее к т.н. вокзалу место решеткой и назначить плату за вход на музыкальные вечера. Городская дума в своем постановлении от 12 апреля 1883 года разрешила клубу устройство трех платных вечеров в неделю, с условием, что в остальное время вечера будут проводиться бесплатные¹⁵. Цена первоначально назначалась 10 копеек, в дальнейшем поднялась до 20 копеек. Однако доходы от устройства платных музыкальных вечеров не покрывали убытков, которые терпело Общественное собрание, «вечера с платой за вход не достигли ожидаемого»; публика посещала сад преимущественно в бесплатные дни. Совет Старшин Общественного собрания обращался в Городскую думу с ходатайством о разрешении назначать все вечера платными, однако в решении от 12 февраля 1892 года дума отклонила эту просьбу. В дальнейшем клуб имел право назначать ограниченное число платных музыкальных вечеров и гуляний в сезон. Городская дума осталась при своем мнении: «во время летнего сезона гуляние в саду должно быть всегда и для всех желающих бесплатное»¹⁶.

«Веселящаяся Пермь», «город зрелищ» — очень распространенные определения Перми в конце века, причем зрелищ, как замечал хроникер, «преимущественно даровых».

Сады — это гуляния, музыка, лотереи. Общественное собрание в саду за бульваром отдавало свои помещения под различные увеселения. Здесь проходили гастроли знаменитых артистов и приезжали театральные труппы, проводились народные гуляния с организацией лотерей, выступали гимнасты, обособивались балаганщики, вскоре все внимание отвлечет кинематограф. В Перми каждое лето гостила оперетка, чаще всего малороссийская; приметой времени стали другие театральные труппы, которые привозили входящую в моду пантомиму или современный танец. В саду играл оркестр военной музыки, публика наполняла все аллеи и дорожки сала живым потоком. Впрочем, все сады привлекали публику музыкой, театральными постановками, чайно-фруктовыми буфетами.

Летние увеселительные сады играли большую роль в жизни российских городов, в провинции они и вовсе являлись средоточием городской жизни. Об этом красноречиво писал А. Болотов еще в начале XIX века. О пребывании своем в Кенигсберге он замечал, что летом все находят прибежище в садах. «Ходят в них купцы, ходят хорошие мещане, ходят студенты, а иногда и мастеровые. Словом, вход в них, кроме самой подлости, никому не возбранен, и всякий имеет свободу в них сидеть, или гулять, или забавляться разными играми»¹⁷. А. Куприн описывал типичный городской сад рубежа веков: «Там играл военный оркестр, по дорожкам, шаркая ногами, ходили тоненькие местные барышни в розовом и голубом, без шляпок, а за ними увивались с непринужденным смехом, заложив руку за борт кителя, с белыми фуражками набекрень, местные писцы, телеграфисты и акцизники»¹⁸.

Вот и слово «фланер» укореняется в нашем языке и образе жизни. Фельетон «Фланерские наброски» в «Пермских губернских ведомостях» свидетельствовал: «Вся жизнь Перми сосредоточена теперь на бульваре. Больше, по-видимому, некуда и незачем ходить. Жрецы музыкального искусства должны обожать пермяков, потому что пермяки обожают музыку. В этом, между прочим, можно наглядно убедиться, фланируя по бульвару. Два момента управляют здесь движением гуляющей публики. Лишь только оркестр готовится играть — к “ракушке” буквально прилипает вся масса публики, образуя плотную непроницаемую стену; водворяется “музыкальное внимание”, заражающее просто “лес и горы”; на аллеях — хоть шаром покати; кончила музыка — и сразу весь сад, все закоулки, словно огромная, прорвавшая плотину волна, наводняет народ»¹⁹.

Но вот несколько поднадоевшие забавы — катания и дачный отдых, спектакли и сады — отодвигались на второй план. Летом в Пермь приезжал цирк.

Рассматриваемый период — время популярности цирка. Цирк пока единственное поистине всенародное зрелище, посещаемое людьми всякого социального статуса, необыкновенно распространенное в конце века. Цирковые представления проходили в Перми на рыночных площадях и ярмарках в цирках-шапито. Постоянное деревянное здание цирка было возведено на Екатерининской улице, затем новое — на Дровяной площади. Крупные гастролирующие цирки строили временные балаганы за бульваром и Сибирской заставой. Среди первых известных цирковых трупп и артистов, посетивших Пермь, — цирк М. Труцци в 1884 году; в 1896 году побывал Владимир Дуров, в дальнейшем Анатолий Дуров, цирк Малюгина, Лара, Бен-Саида, вновь Труцци и пр.

Особенно памятным для пермяков оказался 1897 год. Летом Пермь посетил цирк Н.К. Боровского, построив временный балаган у Сибирской заставы, против здания губернского земства. На Екатерининской расположился зверинец и театр г-на Эйгуса. Там же обосновался музей восковых фигур г. Боцва. В саду Общественного собрания выступали польские гимнасты. В конце лета заехал факир Бен-Али-Бей и давал представления в Летнем театре загородного сада. Как писал тогда журналист: «Уж и ругать мы будем цирк, и возмущаться будем этими “низменными развлечениями”, и... ходить туда будем — клещами не оторвешь. ...и то сказать — проголодался пермяк. Опера и опера — слишком много оперы. Надо “проветриться” хоть после сезона»²⁰.

Цирк в то время стремительно менялся, обогащаясь новыми спортивными номерами, новыми жанрами клоунады и дрессировки животных. Большим успехом продолжали пользоваться конные номера. Цирком Н.К. Боровского был даже открыт импровизированный ипподром за городом и организованы скачки, собравшие массу народу. На арене цирка выступала труппа африканцев-дагомейцев, со своими «дикими» упражнениями «с саблями, ножами, барабанами», вводя моду на колониальную экзотику. Вместе с тем гвоздем сезона оказалась русско-швейцарская и французская борьба. В Пермь приехали известные атлеты А.Д. Горец, П.Ф. Крылов, С.И. Елисеев, они состязались с местными атлетами, например, грузчиками с камских пристаней. Вызовы любителям практиковались в цирках и привлекали еще больше народу.

Именно цирк заполнил в последние годы уходящего столетия необходимую нишу в системе городских развлечений, развлечений предназначенных прежде всего для низов и средних слоев городских обывателей. На конец XIX века в целом приходится значительное распространение всевозможных видов массовой культуры — народных театров, цирков, эстрадных представлений. Сюда добавлялись разнообразные антрепризы, пантомима, увеселительные сады, лотереи, ресторанные дивертисменты, кафе-шантаны, наконец, кинематограф, и картина получалась захватывающе пестрой.

Развлечений с каждым годом становилось все больше. В весенне-летний сезон 1899 года в Перми обосновываются многочисленные балаганы. Весной это балаган г. Камбаровой («персидской подданной») и гимнастический балаган японца Сиотаро («японского подданного») ²¹. В летнем саду выступал профессор-иллюзионист, магнетизер и спирит Белехине, демонстрируя волшеббно-медиумическое иллюзионное и таинственное представление и спиритические сеансы «КОНЕЦ ВЕКА».

Летом «новостью сезона» стало фантастическое представление «Всемирно известной труппы Настоящих китайцев». В городском саду массу народа собрал «физик» П. Деринг, показывавший «туманные» и синемаграфические картины. В конце августа давал сеансы «известный путешественник по Китаю, Японии, Индии, Афганистану, Персии и Бухаре, знаменитый артист чревовещатель, придворный престиджитатор» Иоганн Штраус.

Сентябрьская афиша спешила объявить следующего гастролера. В Пермь прибывал некий Зарецкий, имитатор и трансформатор, который давал концерт в трех отделениях, в зале Общественного собрания. В октябре открылись гастроли Музея-паноптикума Ф. Фець — по Торговой улице, в доме Гаврилова.

Современники признавались, что в городе наблюдался разгар «сезона зрелищ и увеселений»; «словно магнитом в Пермь тянет всяких увеселителей», «в Перми нет отбоя от зрелищ», «с каждым годом летом их больше», «напропалую веселящийся город», «гастрольный город»... Действительно «небольшой город, прекрасно содержащий, вечно сытно кормящий дорогую оперу — интереснейший город для антрепренеров. А вне оперного сезона он не обижает и других: цирки, концерты, гуляния, частные спектакли. Пермь тратит в год больше 100 000 руб. на зрелища. Это — хорошие, внушительные деньги. Актеры те прямо с каким-то благоговением говорят о Перми: редкий город, чудная публика. ... В Казани нет того, что у нас: оперетка, цирк, карти-

ны Деринга, китайцы, канатоходцы и др. “артисты” в “загоне”, фонографы, затем свои — любительские спектакли, танцевальные вечера, велосипедные гонки... Сколько оркестров гроыхает ежевечерне: в саду Общественного собрания, в оперетке, в “Благородске”, в цирке... Столица да и только!»²².

Балаганов в конце века понаехал видимо-невидимо. Вместе с тем Пермь вновь посетил настоящий цирк — цирк Альберта Сура.

Место под постройку цирка было уступлено городом на Дровяной площади, около загородного сада. Афиша гласила: Известный европейский цирк Сурь. На Дровяной площади. ПЕРВОЕ БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

В последующем большое клоунское комическое, спорт-атлетическое, помпезное и прочие представления — громко провозглашались афишами, однако цирк Альберта Сура оказался действительно лучшим из всех, что посещали Пермь. Цирк продемонстрировал образцы грациозной верховой езды. На арене выступали известные по всей России музыкальные комики — русский квинтет семейства Юрова, Курашова, Косовского и Шадского, «любимцы Санкт-Петербургской, Московской, Одесской, Харьковской» публики. Историк русского цирка Ю. Дмитриев подтверждает, что в конце века получает распространение жанр музыкальной клоунады, причем не все артисты играли кафешантанские вещицы, но исполняли классику и народный репертуар. В цирке А. Сура показывали входящую в моду пантомиму — «Мазепа», «Цыганская царица», «Обманутый негр», «Иезуиты», «Флик-Флок, или Два парижских мошенника» и др.

Однако более всего вновь привлекла «пресловутая борьба». Среди публики любителей атлетики больше чем нужно — сетовали современники. На арене выступали знаменитый атлет Г. Злобин, борцы брата Азон, а также местные силачи Я.И. Овчинников, И.Т. Гилев и др.

В цирке стояла жара и духота от огромного скопления народа, в другой день — дождь как из ведра, добрый хозяин собаку не выгонит из дому, в цирке с его полотняною крышею лужи воды и грязи, но цирк переполнен публикою. Публика удивлялась сама себе. Чего было больше в цирке в понедельник: воды или людей, замечали корреспонденты, во всяком случае, было много и той, и другой, а представление напоминало пресловутую пантомиму «цирк под водою». «Верно будет также сказать, что представление на этот раз давал не цирк публике, а публика цирку: наполнение цирка публикою под шум проливного дождя каза-

лось до того невероятным самим артиста цирка, что они думали сидеть дома и пришли в цирк уже последними... “Вот город!” — восклицали они. “В жизни ничего подобного не видели!”»²³.

На арене цирка состязались «знаменитый» рабочий-пермяк Овчинников с цирковым атлетом младшим Азоном. Последний через минуту уже лежал на арене. «Уважил!» — восклицала пресса. В следующей борьбе Овчинников сразился с «большой силой в атлетическом мире» Злобиным, борьба закончилась в ничью. Шума, свиста и хлопков было более чем достаточно. Со Злобиным изъявляли желание сражаться курчатовский пристав Е. Филимонов, местный мясник В.Д. Якутов, председатель пермского атлетического клуба, любитель И.Т. Гилев. На одном из очередных состязаний И.Т. Гилев «положил» Злобина!

«Симпатии большинства публики всегда на стороне своего (если борется свой — пермяк — с цирковым атлетом) и в особенности неистовствует “галерка”. По окончании борьбы, как бы она ни окончилась, обязательно поднимается невообразимый шум и гвалт. Свист, аплодисменты, стук — все сливается и нельзя разобрать, кого публика приветствует, а кого провожает свистом»²⁴.

Посетившие Пермь цирки ввели моду на борьбу и дали начало организации в городе атлетических кружков. В 1897 г. возникло Пермское общество велосипедистов, а в 1899 г. оно поставило вопрос о своем преобразовании в «Пермское общество любителей физического спорта», чтобы уделять равное внимание всем видам спорта, в том числе атлетике.

Увлечение спортом приобретает в тот период почти всенародный размах, захватывая самые разные слои общества. Доступнее становится велосипедный спорт, хотя его, конечно, нельзя назвать массовым развлечением. Цены на велосипеды снижались, но медленно. За престижные английские марки отдавали все еще до 250 рублей, велосипед американской фирмы можно было купить уже за 40 рублей. Велосипедное общество Перми насчитывало в конце века до 45 человек, но любителей, безусловно, было больше; они не торопились вступать в общество, так как это было сопряжено с членскими взносами.

Летом 1899 г. в загородном саду за бульваром открывается велодром. Летом и осенью велосипедисты разворачиваются, круг общества расширяется, на велосипедах, свидетельствует печать того времени, ездят «положительно все возрасты». На велодроме устраивались гонки при многочисленной публике и под звуки музыки оркестра; каждое воскресенье проходили гуляния. Гуля-

ния были организованы бесплатные, от этого порой наблюдалась давка и теснота, в связи с тем, для удобства публики предполагалось устроить особые места на 400-500 человек. На гуляниях демонстрировалась фигурная езда велосипедистов, проходили состязания атлетов. Об одном из очередных гуляний пресса свидетельствовала, что даже крыши соседних домов были усеяны зрителями. При этом неизвестно, какой вид спорта больше привлекал публику — велосипедный или атлетический. Увлечение атлетикой наблюдалось небывалое.

Автор статьи «Гимнастический спорт в Перми» на страницах пермских ведомостей размышлял, что борьба атлетов на арене известных цирков с местными силачами вызвала подражание в пермяках, «начиная с уличных мальчишек, извозчиков и мастеровых и кончая более культурными слоями нашего общества». «Борьба постепенно, путем естественного развития, перешла в гимнастический спорт, вещь полезную, без сомнения, “в наш нервный век”, но только при рациональном пользовании им»²⁵. Публицист высказал мысль о необходимости организации атлетического общества или кружка, а то любителей гимнастики уже привозят в Александровскую больницу, предприниматели же все удовлетворяют и удовлетворяют спрос на гири, гантели и прочие тяжести. Между тем интерес к тяжелой атлетике с годами только усиливался, и атлетические кружки в Перми не замедлили появиться, среди них кружки К. Павлова, И.Т. Гилева и др.²⁶.

Спорт ныне в моде, констатировали современники. «Но отсюда еще вывод: “некуда” больше идти, нет семейно-общественных отношений, и идут... на улицу — на вокзал, велодром, на парходные рубки...»²⁷.

Вскоре в Перми появится еще одно массовое зрелище, чуть не затмившее все другие виды развлечений. Таким зрелищем будет кинематограф.

Впервые кино в Перми было показано в частном доме В. Ковальского по Сибирской улице в 1896 году, тогда же когда состоялась его премьера в столицах и других городах России. Киносеансы привлекли немногочисленную избранную публику, заинтересованную технической новинкой. Однако вскоре буржуазия разочаровалась в несовершенной технической безделнице, и кинематограф спасли владельцы передвижных балаганов и музеев-паноптикумов, которые расценили «изобретение века» как «диковинку» и стали демонстрировать ее на потеху народа.

Рассматриваемый нами период — это период балаганного кино. Существуют, однако, споры, можем ли мы называть ранний российский кинематограф «ярмарочным» или «балаганным»? Возможен ли был такой способ существования зрелищной культуры на огромной территории, где большая часть мест труднодоступна и большая часть времени лежит снег.

Между тем анализ культурной ситуации в Перми подтверждает тот факт, что кинематограф демонстрировали первоначально именно владельцы балаганов — музей восковых фигур Боцва, «физик» П. Деринг, музей Ф. Фець и др. Кинематограф в российской провинции являлся бродячим, странствующим или, если привычнее звучит для русской культуры слово, передвижным. Запас фильмов у заезжих демонстраторов был невелик, и приходилось постоянно переезжать с места на место. Между тем площадки для демонстрации кинематографа были не только весенне-летнего ассортимента, в зимнее время балаганчики выступали в частных домах или общественных клубах. Кинематограф еще редкость, он как бы «пристраивался» к традиционным народным развлечениям. Просветительское сообщество в это время еще пока упорно демонстрировало «туманные картины» на «народных чтениях».

Одно из мест демонстрации кинематографа — все те же увеселительные сады. Афиша анонсировала: «Во вновь открытом летнем театре Общественного собрания, начиная с субботы, 31 июля, известный физик П.В. Деринг будет иметь честь дать в первый раз в Перми несколько популярно-научных представлений со своими громадными движущимися оптическими картинами, известными как самые лучшие в России. ...В заключение каждого представления показаны будут живые фотографии посредством кинематографа новейшей системы, устроенного по особому заказу физика Деринга в Лондоне»²⁸.

Между прочими «физиком» П. Дерингом демонстрировались картины «Дело Дрейфуса во Франции», «Эпизоды из Испано-Американской войны», «Знаменитая северная экспедиция д-ра Ф. Нансена», «Чудеса Индии», «Празднества в Тулоне и в Париже в честь прибытия русской эскадры в октябре месяце 1893 г.», «Китайские игры цветов» и пр. Картины постоянно менялись, их сюжеты были актуальны, отвечали современным интересам горожан, освещали злободневные мировые события — «и все это при полных жизни движениях».

Цены объявлялись уменьшенные или «общедоступные», устраивались благотворительные сеансы или сеансы для детей бесплатно. Публики на представлениях было очень много, она заблаговременно массами толпилась у кассы, в театре делалось душно сидеть. «Курьезно вела себя простая масса, которая смотрит картины жадно, с притаенным дыханием: публика неоднократно порывается аплодировать г. Дерингу, а с галерки не дают “разойтись” и кричат: “дайте-же слушать!...” Точно шум действует на зрение, а не на слух»²⁹.

Пермская публика заражалась представлениями «движущейся фотографии», необычностью и свежестью зрелища кинематографа, награждая иллюзиониста «несмолкаемыми аплодисментами». Кинематограф приобщал зрителей не только к современным техническим новинкам, но становился настоящим окном в мир для городского обывателя, источником разнообразнейших сведений об окружающем. Именно такие аттракционы стали давать «полный сбор». Новая забава входит в моду и теснит прежние театральные-музыкальные привязанности пермяков.

Новые увлечения распространяются очень быстро, горожане готовы «выбирать от жизни все, что она может дать». Даже у современников поневоле срывался вопрос: откуда столько народа и... денег? А главное чем и почему влекли провинциалов разнообразные зрелища, в изобилии предлагавшиеся временем «конца века»?

Балаганно-цирковые представления устраивались для разношерстной, главным образом демократической публики, но подобные забавы прекрасно посещали люди обеспеченные. В этом можно увидеть один из показателей социальной мобильности, «подвижности» разных слоев населения, размывания социальных граней. «Балом» культурных предпочтений все более начинает править средний класс. Именно с ним было связано зарождение массовой культуры. У массового зрителя имелись достаточные средства и время, чтобы посещать различные увеселения, и у него были на этот счет свои запросы. Сейчас это были балаган и цирк, потом зритель хлынет в синематограф и на спортивные состязания. Новая городская культура отвечала коммерческим интересам и веяниям моды, но и предлагала публике более разнообразные и динамичные, соответствующие ритмам современности развлечения. Накануне наступления XX века российская провинция переживала изменения, связанные с характером и образом жизни горожан, повышением уровня их культурных предпочтений.

¹ Цит. по: Сукач В.Г. Жизнь В.В. Розанова как она есть // Москва. — 1992. — № 1. — С. 109.

² *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь, 1994. — С. 174.

³ ПГВ. — 1896. — 19 нояб. (№ 247).

⁴ ПГВ. — 1899. — 31 окт. (№ 235).

⁵ *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. — Л., 1988. — С. 37.

⁶ *Лейферт А.В.* Балаганы. — Пг., 1922. — С. 71.

⁷ Цит. по: *Сулейманов Г.* Солёные уши: очерки пермского обывателя // Ретроспектива. — 2007. — № 1. — С. 41.

⁸ ПГВ. — 1899. — 2 марта (№ 47).

⁹ Пермский карнавал // ПГВ. — 1899. — 3 марта (№ 48).

¹⁰ *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. — Пермь, 1994. — С. 171-172.

¹¹ ПГВ. — 1897. — 3 мая (№ 96).

¹² Учитесь плавать — спасайте утопающих // ПГВ. — 1897. — 13 июня (№ 126).

¹³ ПГВ. — 1899. — 25 июля (№ 158).

¹⁴ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 34. Л. 7-8, 21.

¹⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 46, 58-59.

¹⁷ *Болотов А.* Увеселительные сады. Письмо 72-е [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/bolotov_at/02.html

¹⁸ *Куприн А.И.* Сочинения в двух томах. — Т. 2. — М., 1981. — С. 235.

¹⁹ Фланерские наброски // ПГВ. — 1896. — 28 июля (№ 160).

²⁰ Хроника // ПГВ. — 1897. — 23 марта (№ 67).

²¹ См: ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 225, 227-229, 232, 235.

²² ПГВ. — 1899. — 16 авг. (№ 175).

²³ Там же. — 25 авг. (№ 183).

²⁴ Там же. — 7 сент. (№ 193).

²⁵ Гимнастический спорт в Перми // ПГВ. — 1899. — 17 янв. (№ 13).

²⁶ См. подробнее: Страницы истории тяжелоатлетического спорта в Перми // Ретроспектива. — 2009. — № 5.

²⁷ ПГВ. — 1899. — 13 июня (№ 124).

²⁸ Там же. — 27 июля (№ 159).

²⁹ Там же.

Н.В. Краснопёрова

ПЕРМСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЕЛОСИПЕДИСТОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ

Онегин нынешнего века
Сбрил кудри, снял изящный плед,
В долг приобрел велосипед,
И, в шутовской костюм одет,
Гарцует по арене трека.
С.А. Ильин.

В конце XIX в. велосипедная лихорадка, охватившая Европу и Америку, перекинулась в Россию. В 1882 г. в Петербурге возникло первое общество велосипедистов¹, следом подобные общества появляются и в других городах. В июле 1883 г. в Москве было проведено первое официальное состязание велосипедистов². По данным, опубликованным на страницах журнала «Циклист», в 1897 г. в России было официально зарегистрировано 91 велосипедное общество³. Центром велосипедной жизни Урала стал Екатеринбург. 11 июля 1886 г. — дата официального создания Екатеринбургского общества велосипедистов-любителей⁴.

«Пермские губернские ведомости» писали: «Начало велоспорту в Перми дал Ф.И. Яковлев, соорудивший в 1887 г. своими руками первый велосипед «паук» на веревочных шинах по образцу, виденному им на Екатеринбургской выставке. С 1888 по 1892 гг. в Перми было не более шести-семи велосипедов. Лишь с изобретением пневматических шин, число их стало увеличиваться и достигло к 1895 г. двадцати штук⁵.

В архиве новостей из истории велосипедного спорта в России за 1895 г. нашлось упоминание о наших земляках: «Все больше и больше растет интерес к велосипеду. Высокая цена заграничных машин и отсутствие отечественного производства их побуждает приверженцев нового вида передвижения и спорта изготавливать их своими силами. Сами мастерили велосипеды уральцы. Житель села Спасского Пермской губернии М. Серебренников приобрел велосипед работы мастера-самоучки пермяка Яковлева. За исключением цепи и шин, машина была сделана из местных материалов. Весила она два пуда. И на этом двухпудовом велосипеде Серебренников совершил поездку из Кунгура в Москву»⁶.

Кем же был этот пермский мастер-самоучка? Фаддеем Ивановичем Яковлевым значился «сельским обывателем Мотовилихинского завода»⁷. Позже семья купила собственный дом по адресу Разгуляй, д. 13⁸. Фаддея Ивановича стали именовать «пермским мещанином». В 1904 г. он служил мастером котельного цеха главных мастерских пермской железной дороги⁹. Известно, что он был членом комитета пермского общества велосипедистов-любителей в 1900, 1904 и 1905 гг.

В 1896 г. у велосипедистов Перми возникло желание объединиться. В 1897 г. был утвержден проект устава Пермского общества велосипедистов-любителей. Эмблемой его стало велосипедное колесо с крыльями¹⁰. 22 февраля 1898 г. общество было открыто. Руководство его работой осуществлял комитет.

Первым председателем пермского общества велосипедистов-любителей стал преподаватель математики, будущий профессор К.А. Торопов. Константин Александрович был сыном священника, родился в Пермской губернии. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета со степенью «кандидат математических наук». С 1886 по 1900 гг. преподавал в различных учебных заведениях Перми (мужская гимназия, Алексеевское реальное училище, Мариинская женская гимназия). В 1887 г. в типографии губернской земской управы была напечатана работа «О приведении гиперэллиптических интегралов к эллиптическим. Исследование К. Торопова, преподавателя Пермской гимназии». В 1894 г. в Перми опубликовал свою работу «Краткий курс тригонометрии». С 1910 г. работал в Оренбурге. Предложенный им метод решения треугольников вошел в полный курс тригонометрии С.И. Новоселова под названием «Общий принцип Торопова решения треугольников». В 1919 г. стал первым профессором Оренбургского института народного образования (ныне педагогический университет). Умер в 1933 г.¹¹

В 1899 г. было решено устроить велодром. В городском общественном саду был выделен участок земли для его устройства. Окружность трека определили в полверсты (1 верста = 1.07 километра), при ширине дорожки 7 аршин (1 аршин = 71 см). Были устроены и виражи. Средства на устройства и содержание велодрома собирали по добровольной подписке членов общества велосипедистов-любителей. Впоследствии деньги были возвращены вкладчикам из суммы членских взносов. Членский взнос составлял 3 руб., для учащихся — 2 руб.¹²

2 июня 1899 г. общее собрание членов общества велосипедистов-любителей приняло «от подрядчика Татарина вновь устроенный велодром», который, по отзывам местных спортсме-

нов, был «очень удобен для катания»¹³. Открытие его было намечено на 6 часов вечера 7 июня 1899 г.¹⁴ Пермский поэт Сергей Андреевич Ильин написал об этом событии стихотворении «На велодром»:

«...Сегодня должен пермский трек
Свое отпраздновать открытие.
Какое зрелище в наш век,
Какое важное событие!...»

Любопытно, что открытие велодрома в Екатеринбурге состоялось только через 14 лет после открытия в этом городе общества велосипедистов-любителей, 3 сентября 1900 г.

В конце июня 1899 г. на заседании правления общества был «окончательно отредактирован проект нового устава, по которому общество велосипедистов любителей преобразовывается в общеспортивное общество с велосипедною ездой как часть». Число членов пермского общества велосипедистов стремительно увеличивалось. «В члены общества поступают и учатся езде на велосипеде положительно «все возрасты». Катающихся и публики на велодроме ежедневно много»¹⁵. В первый год существования состав общества увеличился на 20 человек. Были организованы общественные прогулки, положено начало библиотеке общества, выработан значок.

Вот как описывали газеты одну из таких прогулок: «В воскресенье в 4 часа дня члены местного общества велосипедистов-любителей собрались на велодроме, где с группы велосипедистов было снято несколько фотографических снимков. Затем велосипедисты в стройном порядке направились по Сибирскому тракту на прогулку, сделав конец в 10 верст... В 9 часов экскурсанты вернулись в город»¹⁶. «Раньше на велосипед смотрели как на забаву молодежи, игрушку, — теперь же велосипед завоевал себе полное право гражданства во всех классах общества, служа для одних исключительно спортом, для других — приятным и полезным удовольствием, для третьих — удобным и дешевым способом передвижения, для четвертых — одним из полезнейших видов гимнастики» и т.д.

«...Велосипедная езда,
Ее счастливые условия
Вот панацея, господа,
Для поправления здоровья!
Ты болен? Мрачен от забот?
Велосипед тебя спасет...»
С.А. Ильин.

Велосипед привлекал на свою сторону все новых и новых приверженцев. Городское общество признало необходимость устройства павильона и трибуны на велодроме, и исправление трека. Газеты пестрели предложениями о продаже велосипедов. В Перми велосипеды знаменитых фирм «Гумбер», московской фабрики «Дукс» (владелец Ю.А. Меллер), рижской фабрики «Россия» (владелец А.А. Лейтнер) и запчасти к ним продавали в магазинах Давыдова Петра Федоровича по адресу ул. Сибирская, дом Любимовой; Рифман Абрама Исаевича по адресу ул. Торговая (Советская), дом Третьяковой; фирмой «Зингер К» по адресу ул. Сибирская, дом Аксенова и в магазине Ходаковского Степана Александровича по адресу ул. Торговая (Советская), дом Иртеговой¹⁷.

В мае 1900 г. «Пермские губернские ведомости» писали о том, что «Его императорское Высочество Великий князь Сергей Михайлович удостоил Пермское общество велосипедистов-любителей принятием звания почетного председателя общества»¹⁸. Надо отметить, что Великий князь Сергей Михайлович был почетным председателем и Санкт-Петербургского общества велосипедной езды. Его трудами была осуществлена первая гонка Москва — Санкт-Петербург в 1895 г. Великий князь не гнушался принимать личное участие в велосипедных гонках.

В 1900 г. членом комитета общества велосипедистов инженером Александром Степановичем Коневым был составлен проект павильона, предположенного построить на пермском велодроме¹⁹. 25 мая 1900 г. «Пермские губернские ведомости» описывали выстроенный павильон: «Новое здание довольно красиво и удобно. Трибуна длиной по фасаду 16 саж. (1 сажень = 2.13 м. — *Н.К.*), пять рядов удобных скамеек на 300 человек зрителей. Перед трибунами 18 лож и кресла для почетных гостей. В средней части здания большой павильон для членов общества»²⁰. Годичным собранием общества, состоявшимся 12 марта 1900 г., в почетные члены избран Владимир Евграфович Тупицын, «пожертвовавший обществу два велосипеда». Председателем общества остался К.А. Торопов. Избраны в командоры — А.Н. Скугарев, вице-командором — В.А. Трифонов, секретарем Н.П. Калашников, казначеем М.Л. Пельзанд. Члены и кандидаты: И.И. Ткаль, А.С. Конев, А.П. Гаврилов, А.Е. Тупицын, Г.Ф. Супрунов, Ф.И. Яковлев, В.В. Белорусов и М.О. Круповес²¹. 21 мая 1900 г. на пермском велодроме состоялось открытие велосипедного сезона и первый день соревнований. Наибольший интерес представляли заезды за «почетный приз открытия (большой золотой

жетон)» на дистанцию 3 версты, заезд для новичков — 1 верста и «заезд для ездоков II класса» — 2 версты²². Приз открытия — «изящной работы золотой эмалированный жетон» — выиграл А.И. Ветринский, проехавший 3 версты с результатом 5 минут 20 секунд. В заезде для новичков первый приз достался К.Н. Кашину. В заезде «для ездоков II класса» победил Н.А. Козьмин. 11 июня 1900 г., в воскресенье общество велосипедистов «устроило шоссейную гонку за д. Фролово (12 верст) и обратно». Участниками гонки отмечалось плохое качество пермских дорог, множественные глубокие колеи. Победителем шоссейной гонки с результатом 7 часов 15 минут стал А.И. Ветринский. Второе место занял Бобров (результат 7 часов 44j минуты), третье — Бажуков (результат 7 часов 46 минут), четвертым был Н.А. Козьмин²³. Пермский чемпион Александр Иванович Ветринский служил в пермском казначействе кассиром 2-го разряда, чина не имел²⁴. Спортивный характер помог ему сделать служебную карьеру. В 1911 г. Александр Иванович имел в том же казначействе чин губернского секретаря, числился бухгалтером 1-го разряда. Проживал пермский чемпион на углу улиц Обвинской (25-го Октября) и Б. Ямской в доме Вейнштейн²⁵. Сведения о составе общества за 1901—1903 гг. для «Адрес-календарей Пермской губернии» представлены не были.

В 1904 г. велосипедная эйфория в Перми захватывала всё новых и новых людей. Конечно, эти поклонники велосипеда в абсолютном большинстве были из состоятельных семей. Они предлагали правлению общества не только планы мероприятий, но и материальные средства. Почетными членами общества были много сделавшие для развития велосипеда в Перми бывший губернатором до 1903 г., почетный гражданин нашего города Дмитрий Гаврилович Арсеньев; Владимир Дмитриевич Кувшинский, Иван Альфонсович Поклевский-Козелл, Иван Николаевич Суслин, Константин Александрович Торопов и Владимир Евграфович Тупицин²⁶. Председателем общества был избран потомственный почетный гражданин, личный дворянин Владимир Дмитриевич Кувшинский, проживавший в собственном доме № 30 по ул. Петропавловской²⁷. Кроме обязанностей председателя общества велосипедистов-любителей, Кувшинский был инспектором Пермского общества спасения на водах, директором губернского детского приюта, одним из издателей газеты «Пермский край», управляющим машиностроительного и сталелитейного завода М.И. Любимова, агентом Ярославско-Костромского земельного банка. Функции секретаря и казначея общества велосипедистов совме-

щал служащий губернского правления, надворный советник Иван Игнатъевич Ткаль, живший в доме № 29/31 Ромашевой Е.В. на углу улиц Вознесенской (Луначарского) и Обвинской (25-го Октября)²⁸. Командором был избран Валерий Александрович Трифонов, вице-командором — А.И. Ветринский. Членами комитета: преподаватель гимназии Виктор Юрьевич Кинги, счетный чиновник контрольной палаты Федор Полиевктович Колобов, главный инженер-электрик управления пермского почтово-телеграфного округа коллежский асессор Александр Степанович Конев, агент страхового общества «Надежда» купец Григорий Федорович Супрунов, делопроизводитель второго отделения губернского правления, он же смотритель типографии коллежский регистратор Адам Николаевич Цишевский и мастер Фаддей Иванович Яковлев. Действительные члены общества (кроме указанных выше): Асонов А.Е, Беш Н.К., Бороздич К.С., Булдаков Д.Д., Дрогин Н.Г., Ержакевич В.А., Жежеро В.Н., Ждахин Н.А., Жолнин К.П., Завьялов Г.С., Кондратьев А.П., Краузе Ф.В., Кудряшев А.И., Колесников С.Л., Коган И.М., Лаптев К.П., Матвеев Н.Н., Макаров Н.В., Назаров А.П., Стерлинг П.К., Супрунов Г.Ф., Шалыгин В.А.²⁹ В документах Государственного архива Пермского края нашлось упоминание только о трех женщинах — членах общества велосипедистов-любителей. Это Вершинина Клавдия Андреевна, Кондратьева Анна Акимовна и Цишевская Софья Николаевна³⁰.

Из-за участившихся несчастных случаев, связанных с велосипедистами, 10 ноября 1904 г. городская дума приняла постановление «О порядке езды на велосипедах по городским улицам». Каждый велосипедист должен был иметь удостоверение от общества велосипедистов «в умении пользоваться велосипедом и знак с номером от городской управы». Для получения такого удостоверения нужно было пройти испытания на велодроме в установленные дни и часы³¹. Знак обязательно должен быть прикреплен у седла. Езда на велосипеде по городским садам и бульварам, а также по уличным панелям воспрещалась. На загородный бульвар и сад постановление не распространялось³². Срок договора общества с общественным собранием и городской управой на аренду участка земли под велодромом закончился в 1907 г. 11 июня 1908 г. городская дума сдала обществу велосипедистов участок земли под велодромом мерою 3095 кв. сажень бесплатно и без определенного срока действия. При этом было выражено пожелание, «чтобы велодром по согласованию был предоставляем для устройства детских игр и т.п. надобностей города»³³. Свободный вход для детей на

велодром должен быть обеспечен с улиц Сибирской и Садовой (Революции)³⁴. В «Адрес-календарях» с 1907 по 1909 гг. сведений о членах общества нет. Известно, что в 1910 г. общество велосипедистов возглавлял счетный чиновник Пермской железной дороги Николай Михайлович Демин³⁵.

Относительный взлет велосипедного спорта в России вскоре сменился упадком. Способствовали этому дороговизна велосипедов и появление автомобилей. Все меньше проводилось соревнований велосипедистов. 2 мая 1913 г. в Пермскую городскую управу обращается правление общества содействия физическому воспитанию детей. Оно просит управу «предоставить право пользования существующим велодромом для игр учащихся детей в футбол, городки и мяч с целью укрепления здоровья детей». Для этого правление общества приобрело «городки и принадлежности игры в футбол для шести команд»³⁶. Пермская общественность обращает внимание управы: «К стыду нашему, нужно признаться, что в некоторых учебных заведениях г. Перми нет даже гимнастики и нет вообще занятий спортом»³⁷. Учитывая то, что «в последнее время общество велосипедистов слабо проявляет свою жизнедеятельность», малочисленно³⁸, 12 февраля 1914 г. городская управа постановила «место под общую площадку для игр и физических упражнений учащихся всех средних учебных заведений ... отвести велодром»³⁹. Уже в мае 1914 г. общество велосипедистов было уведомлено «о прекращении на будущее время пользования местом для велодрома»⁴⁰. Известен последний состав комитета пермского общества велосипедистов любителей в 1917 г.: председатель — купец Ф.А. Тимкин (с 1913 г.), командор — А.П. Назаров, вице-командор — И.А. Сычугов, секретарь — А.Б. Симановский. Члены комитета: Б.М. Рутман, В.М. Каган, Б.Ф. Наседкин, А.Ф. Ольшевский, Г.М. Овладеев, А.П. Вавилов, казначей М.В. Черепанов⁴¹.

По постановлению пермской городской думы от 15 апреля 1915 г. участок, занятый велодромом, был передан обществу «Пермский речной яхт-клуб» «для спортивных надобностей, с прирезкой к нему части свободной земли. В участке 3360 кв. сажень. На участке — трек для велосипедной езды и деревянный павильон с местами для зрителей». Участок этот находился в 1-й части г. Перми по ул. Садовой (Революции). Граничил «с южной стороны с означенной Садовой, с северо-западной — с городским общественным садом, с восточной стороны — усадьбами частных владельцев»⁴².

В наши дни велосипед вновь стал весьма популярен. Пермь все чаще выбирают его как средство передвижения. Велосипед не требует заправки топливом, не создает выхлопных газов, более мобилен и часто позволяет добраться на работу быстрее, чем автомобиль. Огромный выбор горных, шоссейных, городских велосипедов дает возможность выбрать модель по интересам и потребностям. Езда на велосипеде — это спорт и здоровье. Он останется популярным всегда.

¹ Степанов П.И. (Калашников). Велосипедный спорт: справочник за 1882—1958 гг. — М., 1959. — С. 3.

² Там же. С. 7.

³ Мятлев А. По России необъятной покати велосипед // ProVelo. — 2009. — № 1-2. — С. 112.

⁴ Микитюк В.П. Екатеринбургское общество велосипедистов-любителей и любителей физического развития // Екатеринбург: энциклопедия. — Екатеринбург, 2002. — С. 210.

⁵ ПГВ. — 1900. — № 55. — С. 3.

⁶ Степанов П.И. (Калашников). Велосипедный спорт: справочник за 1882—1958 гг. — М., 1959. — С. 21-22.

⁷ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 893а. Л. 17об-18.

⁸ Весь город Пермь на 1904 г. — Пермь: Изд. Н.С. Какорина, 1903. — С. 573.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ ГАПК. Ф. р-3. Оп. 6. Д. 720. Л. 1-2.

¹¹ Игнатушина И.В. Константин Александрович Торопов: (к 150-летию со дня рождения) // Вестник ОГУ. — 2010. — Сент. — № 9 (115). — С. 160-161.

¹² Гладышев В.Ф. Первые велосипедисты // Историческая справка: Загородный Сад — Парк Горького. Сайт www.parkperm.ru/istoriya.

¹³ ПГВ. — 1899. — № 117. — С. 3.

¹⁴ Там же. — № 119. — С. 1.

¹⁵ Там же. — № 136. — С. 2.

¹⁶ Там же. — № 132. — С. 3.

¹⁷ Весь город Пермь на 1904 г. — Пермь: Изд. Н.С. Какорина, 1903. — С. 469.

¹⁸ ПГВ. — 1900. — № 110. — С. 3.

¹⁹ Там же. — № 49. — С. 3.

²⁰ Там же. — № 109. — С. 3.

²¹ Там же. — № 58. — С. 3.

²² Там же. — № 108. — С. 3.

²³ Там же. — № 125. — С. 3.

²⁴ Весь город Пермь на 1904 г. — Пермь: Изд. Н.С. Какорина, 1903. — С. 94.

²⁵ Вся Пермь на 1911 г. — Пермь: Изд. И.И. Мацкевича, 1911. — С. 43.

²⁶ Весь город Пермь на 1904 г. — Пермь: Изд. Н.С. Какорина, 1903. — С. 336.

²⁷ Там же. — С. 587.

²⁸ Там же. — С. 550.

²⁹ Весь город Пермь на 1904 г. — Изд. Н.С. Какорина, 1903. — С. 337-338.

³⁰ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 3-3об.

³¹ ПГВ. — 1905. — № 81. — С. 3.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Е.П. Субботин

ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА СМЫШЛЯЕВА (РУССКИХ) — СЕСТРА ДМИТРИЯ ДМИТРИЕВИЧА СМЫШЛЯЕВА (ПО ЗАПИСЯМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

При работе над книгой «Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора» (на месте которого ныне находится зоопарк) мое внимание привлекла личность Афанасия Емельяновича Русских. Впервые это имя встретилось в книге В.В. Голубцова «Пермский некрополь»:

«РУССКИХ Афанасий Емельянович, обер-гиттен-фервалтер 8-го класса, род. 28 декабря 1778; скончался 13 августа 1838 года. (А.Д.)», что указывает на погребение его на интересующем нас некрополе [1].

В Государственном архиве Пермского края (ГАПК) удалось обнаружить документ о его кончине:

«Отставной обер-гиттен-фервалтер Афанасий Емельянов Русский [так в тексте. — Е.С.]; скончался — 15 августа 1836 года, 58 лет, от паралича. Соборно, градское кладбище» [2].

Женой Афанасия Емельяновича была Евпраксия Васильевна Русских. В документах она фигурирует в качестве вдовы обер-гиттен-фервалтера в 1836 и 1859 годах [3].

В 1828 г. их дочь — Александра Афанасьевна — заключила брак с К.А. Брезгуном:

«Жених — Пермского батальона военных кантонистов, майор Киприян Алексеев Брезгун; невеста — обер-гиттен-фервалтера Афанасия Русских дочь, девица Александра, оба 1-м браком. Брак — 4 ноября 1828 г. Поручитель — военных кантонистов подполковник Николай Додкевич» [4].

Сын Афанасия Емельяновича и Евпраксии Васильевны Русских, Александр Афанасьевич, 15 апреля 1836 года в Пермском Петропавловском соборе заключил брак с Т.Д. Смышляевой:

«Жених — служащий в Пермской Казенной Палате, пермской винный пристав, губернский секретарь Александр Афанасьев

³² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 7об.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ Там же. Ф. р-3. Оп. 6. Д. 720. Л. 4.

³⁵ Адрес-Календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 г. — Пермь, 1909. — С. 197.

³⁶ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 17.

³⁷ Там же. Л. 44.

³⁸ Там же. Л. 19об.

³⁹ Там же. Л. 30.

⁴⁰ Там же. Л. 42.

⁴¹ Адрес-Календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1917 г. — Пермь, 1916. — С. 35.

⁴² ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 56.

Русских, 26 лет, холост; невеста — девица Татьяна Дмитриева, 16 лет, дочь пермского купца Дмитрия Емельянова Смышляева. Поручители: Пермского Губернского Правления, ассессор, надворный советник Киприян Алексеев сын Брезгун, Пермской Казенной палаты советник, коллежский ассессор Николай Николаев Травинский, ординатор Пермского военного госпиталя лекарь Лев Крыжановский, подполковник Н. Булашев» [5].

В метрических книгах обнаружены записи о смерти супругов Русских — Татьяны Дмитриевны и Александра Афанасьевича:

а) **«Пермской Казенной палаты, уездного казначея Александра Афанасьева Русских, жена Татьяна Дмитриева. Скончалась — 24 (погребение — 26) июля 1838 года, 18 лет, от чахотки; соборно» [6].**

б) **«Титулярный советник Александр Афанасьев Русских. Скончался — 16 (погребение — 19) ноября 1839 г., 32 лет, от чахотки. Погребение [на] кладбище при Кафедральном соборе» [7].**

Приведенные данные метрических книг позволяют установить наличие родственных связей двух родов: Смышляевых и Русских. Таким образом, в научный оборот вводится имя Смышляевой Татьяны Дмитриевны, родной сестры Дмитрия Дмитриевича Смышляева, биография которого является для нас предметом постоянного пристального изучения.

Имя Татьяны Дмитриевны Смышляевой не включено в самый полный на сегодняшний день библиографический указатель «Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828—1893)» [8]. Не найдем мы этого имени и в «Хронике Дома Смышляевых», составитель которой также стремился подробно учесть все факты из биографии Д.Д. Смышляева [9].

Поскольку муж Татьяны Дмитриевны — Александр Афанасьевич Русских, скончавшийся на год позже её, похоронен на кладбище Кафедрального собора, где покоится и его отец, — можно с большой вероятностью предположить, что на этом же кладбище похоронена и сама Татьяна Дмитриевна.

Таким образом, на данном кладбище, кроме **Солодовникова Ивана Матвеевича** (за его сыном, Павлом Ивановичем Солодовниковым, была замужем родная сестра Д.Д. Смышляева Феодора Дмитриевна) [10]; жены Дмитрия Дмитриевича Смышляева **Марии Петровны Смышляевой** (здесь захоронена урна с ее прахом); погребены также другие родственники Смышляевым: **Русских Афанасий Емельянович, Русских Александр Афанасьевич и Русских Татьяна Дмитриевна** (урожденная Смышляева).

---

1. *Голубцов В.В.* Пермский некрополь. — Пермь, 2002. — С. 92.

Обер-гиттен-фервальтер — горный чин, соответствующий майору (военный сухопутный чин) и коллежскому ассесору (гражданский чин).

2. Метрическая книга Градо-Пермского Петро-Павловского собора на 1836 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 91. Л. 134об.).

3. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 91. Л. 137об.; ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 264. Л. 10об.-11.

4. Метрическая книга Пермской Рождество-Богородицкой церкви на 1828 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 60. Л. 36об.).

5. Метрическая книга Градо-Пермского Петро-Павловского собора на 1836 год (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 91. Л. 119).

6. Метрическая книга Пермского Петропавловского собора на 1838 год (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 87. Л. 88об.-89).

7. Метрическая книга Петропавловского собора на 1839 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 93. Л. 188об.-189).

8. Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828—1893): библиогр. указатель / сост. Т.И. Быстрых // Смышляевский сборник. — Пермь, 2009. — Вып. 1. — С. 5-195.

9. *Дылдин В.А.* Хроника Дома Смышляева. 1800—1917 // Свидетель века: Дом Смышляева в Перми: к 180-летию Д.Д. Смышляева. — 2-е изд. — Пермь, 2008. — С. 7-118.

10. *Субботин Е.П.* Солодовниковы — родственники Смышляевым // Смышляевский сборник. — Пермь, 2009. — Вып. 1. — С. 240-243.

Д.Д. Смышляев
ЕЖЕГОДНИКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Многие губернские и областные Статистические Комитеты издают ежегодники, под различными названиями: «Календарей», «Памятных книжек», «Справочных книжек», «Адрес-Календарей» и т.д.

В Пермской губернии первая «Памятная книжка» была издана на 1863 год, но не Статистическим комитетом, а при Пермском губернском правлении, редактором неофициальной части Пермских губернских ведомостей Самуилом Самуиловичем Пенном. Судя по тому, что на титульном листке напечатано: «год первый», следует заключить, что издание «Памятных книжек» продолжалось или предполагалось к продолжению в следующие годы, но осуществилось оно или нет, неизвестно; по крайней мере, мне не случилось видеть других книжек за шестидесятые годы, кроме вышеупомянутой, да и эта сохранилась в моей библиотеке как редкость и в числе других книг принесена в дар Статистическому комитету.

Затем в библиотеку Комитета поступили от меня же две книжки «Пермского Адрес-Календаря» на 1878 и 1879 годы. На титульном листе последней из них напечатано: «Второе издание выйдет к 1 января 1880 года, вместе с справочными сведениями и приложением карты Верхотурского уезда». Обещанного второго издания в библиотеке Комитета не имеется, и осуществилось ли оно, мне неизвестно.

На 1880 год издана «Памятная книжка Пермской губернии». На 1881 год «Адрес-Календарь Пермской губернии». На 1883, 1884, 1885, 1886 и 1887 годы «Календари Пермской губернии». На 1888, 1889 и 1890 годы «Памятные книжки с Адрес-Календарем».

С истечением года, на который изданы, все эти альманахи различных наименований, как преимущественно справочные книжки, заменяясь новыми, теряют интерес, бросаются и становятся с годами библиографической редкостью, а между тем они заключают в себе много данных и статей, интересных не только для человека, серьезно изучающего край, но и вообще для всякого просвещенного человека; поэтому считаю не лишним сообщить краткий обзор содержания вышепоименованных ежегодников Пермской губернии.

Первая «Памятная книжка на 1863 год» была издана, как выше сказано, Губернским правлением, под редакцией г. Пенна. Самуил Самуилович — англичанин по рождению, воспитанник русского университета, оригинал по жизни и привычкам, был, сколь-

ко я помню, одним из тех добросовестных работников, которые не трубят о своих трудах, делая порученное им дело без шума, спокойно, не умея делать его иначе. Такие качества его сказались и на составленной им первой «Памятной книжке Пермской губернии». Любопытно, что могло быть напечатано в этой первой попытке дать жителям Пермской губернии издание, которое бы заключало в себе и все необходимые в обыденной практической деятельности справочные сведения и знакомило бы с краем. Вот ее содержание:

1. Краткое описание пасхального креста из уральских цветных камней, на серебряном пьедестале в 17 фун[тов] 79 золотн[и-ков] (работы петербургского фабриканта Сазикова), принесенного в дар пермскому кафедральному собору жителями города Перми, в память уничтожения крепостного права. С рисунком.

2. Материалы для топографии Пермской губернии. Статья офицера генерального штаба (ныне генерал-лейтенанта) Адольфа Ивановича Мозеля, автора известного «Статистического и географического описания Пермской губернии».

3. Летопись Петропавловского собора, протоиерея Сапожникова.

4. Весьма любопытная и прекрасно составленная статья редактора Самуила Самуиловича Пенна: «Материалы для истории Пермского края и исторические данные о крае до введения в нем воеводского управления» и «Список пермских наместников, их товарищей, стольников, дьяков и воевод».

5. Сведения о торговле и оборотах Ирбитской ярмарки в 1860 и 1861 годах и прочем.

6. Статистическое обозрение Пермской губернии за 1861 год.

7. Справочные сведения: а) для учащихся в пермской гимназии, б) положение об облегчении пермским чиновникам способов к воспитанию их детей; в) правила для приема воспитанников в пермскую духовную семинарию; г) положение об училищах военного ведомства; д) положение о женских училищах ведомства министерства народного просвещения, Высочайше утвержденное в виде опыта на три года; е) прием почтовой корреспонденции; ж) правила о почтовых марках.

Затем на 1878 год издан был, также губернским правлением, «Адрес-календарь», представляющий один список лиц, служащих в губернии, без каких-либо других сведений о крае.

В 1879 году, уже во второй половине его, издан был впервые Пермским статистическим комитетом «Пермский Адрес-Календарь», в котором, к списку служащих лиц, присоединены сведения о главнейших торговцах и ремесленниках в городах Перми и

Екатеринбурге и административное деление Пермской губернии. При книге приложен план города Перми, с показанием на нем опустошений, причиненных летними пожарами 1879 года. С этого года издание ежегодников переходит окончательно на Статистический комитет, который издал:

На 1880 год «Памятную книжку Пермской губернии» под редакцией секретаря комитета Гасабова¹, в которой, кроме Адрес-Календаря и статистических сведений, прилагаемых ко всеподданнейшему отчету помещены статьи: а) Статистическо-этнографический очерк губернии со списком всех существующих в ней инородческих селений, б) Краткая характеристика некоторых заводов Пермской губернии, по сведениям до 1875 года включительно, в) Заговоры, причитания, песни, пословицы и поговорки, записанные в Сергинской волости Пермского уезда учителем *В.А. Поповым* и г) Заметки и очерки о северном крае Чердынского уезда, *И. Варапая*.

На 1881 год Комитет издал «Адрес-Календарь», состоящий из одного списка служащих в губернии лиц.

Затем, в пятилетие 1883—1887 г., Комитет издал «Календарь Пермской губернии», первые четыре книжки которого вышли под редакцией секретаря Комитета Р.Н. Рума², а последняя в сотрудничестве с вновь назначенным и.д. секретаря А.И. Прозоровским³. С 1883 года и по настоящее время ежегодники Комитета начинаются церковным месяцесловом. Кроме обычных статистических сведений, в помянутых пяти календарях помещены следующие статьи.

В 1883 году: а) полковника *Н.М. Палатникова*: Сведения о вскрытии и замерзании р. Камы за 66 лет (1817—1882), с двумя графическими изображениями; б) Очерк естественных и производительных сил губернии и экономическая деятельность ее населения; в) *А. Дмитриева*. Историко-археологические очерки Чердынского края (по поводу столетия Пермской губернии); г) священника *Спасского*: Собрание слов, употребляемых простонародьем, а частию и средним сословием в г. Соликамске и его окрестностях; *С. (Д. Смышляев)*: Из материалов по истории г. Перми. I. Публичные библиотеки. II. Типографии. III. Первые школы. IV. Мужская гимназия и реальное училище. V. Врачебная часть в Перми в период наместничества. VI. Городские головы в течении первого полувека существования Перми (1781—1832). VII. Взгляд современника на выгоды местности, избранной для учреждения города. Первые жители. Первые городские выборы. Городские головы в период наместничества. Организация городского общества и права его. Открытие общей и шестигласной дум.

VIII. Постройка дома для городского магистрата. Трактиры, герберги⁴ и харчевни. Пастьба скота. Содержание прорубей. IX. Из деятельности приказа общественного призрения.

В 1884 году: а) Карл Федорович Модерах. С портретом. (Из «Пермского сборника» 1860 г. изд. Д.Д. Смышляева); б) *С. (Д. Смышляев)*. Из материалов к истории г. Перми. I. Городские доходы и расходы. II. Пожар в Перми 14 сентября 1842 г. III. Сведения о судоходстве по Пермской губернии за 1789—1795 годы. в) *Ф.А. Прядильщикова*: Летопись губернского города Перми (1781—1842) с примечаниями Д. Смышляева. г) *В. Волегова*: Материалы для истории Пугачевского бунта в Пермской губернии. I. Рассказ Верховоланцева о Пугачеве. II. Распоряжения местных властей к прекращению мятежа и известия (?). III. Тресвятское село или нынешняя Елабуга во время Пугачева. д) Открытие в г. Ирбити памятника Екатерине II. [е)] Минеральные воды Пермской губернии. В конце книги приложены, изданные Д.Д. Смышляевым, два плана города Перми: 1) сочиненный по указу Пермского наместнического правления и 2) Высочайше подтвержденный марта 21 дня 1823 года.

В 1885 году: а) О горнозаводских товариществах и деятельности их в 1882 году. б) *Е. Красноперова*: Ссудо-сберегательные товарищества Пермской губернии, по отчетам за 1883 год. в) *А. Зырянова*: Крестьянское движение в Шадринском уезде, Пермской губернии в 1843 г. Очерк по документам и свидетельствам очевидцев. (Из журн. «Древняя и Новая Россия»). г) Гора Благодать. Заметка, составленная преимущественно по статьям Н.К. Чупина. С рисунками, изображающими гору Благодать. д) Памятник Императрице Екатерине II в г. Ирбити. С рисунком памятника.

В 1886 году: а) Годы основания горных заводов Пермской губернии. б) *Р-а*. Температура в различных местностях Пермской губернии. в) *С. Удинцева*. Очерк климата города Ирбити. г) *Р. Рума*. Состав населения Нижнетагильского завода. Биостатистический очерк. д) Андрей Никифорович Воронихин, строитель Казанского собора в С.-Петербурге, уроженец Пермской губернии.

В 1887 году: а) *Е. Янишевского*. Поездка на р. Чусовую. б) *В. Г-ля*. Поземельная собственность в Пермской губернии. С диаграммой. в) *Д. Смышляева*. Лжеучитель Мензелин. По архивным документам (из Вестника Археологического института).

Под редакцией А.И. Прозоровского:

В 1888 году: а) Метеорологические данные Пермской метеорологической станции за 1881—1886 гг. б) Опыты наблюдений над температурой воздуха и почвы в связи с ростом хлебов. в)

ИЗ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ Д.Д. СМЫШЛЯЕВА

Этот отрывок получен нами при следующем письме:

«В дополнение к только что напечатанному некрологу всем «пермякам» известного Дмитрия Дмитриевича Смышляева, мы, стоя к покойному очень близко и зная его в течение многих лет, считаем священным долгом сказать о покойном несколько слов и в то же время выразить его собственные слова...

...Покойный был с такой доброй и честной душой, что нам в своей жизни, тоже уже немолодой, редко доводилось видеть и знать людей, подобных покойному.

...При жизни еще своей покойный Дм. Дм. показал нам раз в памятной своей книжке сокровенную свою мысль, которую мы, следуя его завету, и не распространяли при его жизни. Он позволил нам снять копию с тех слов его, которые мы теперь считаем долгом привести буквально». *Ред.*

28 декабря 1875 г.

«Как жаль, что благоразумие не всегда вовремя приходит к человеку! Большею частью оно является тогда, когда все ошибки сделаны, чтобы попортить жизнь непоправимо, когда нет возврата с пути, по которому стремится человек — этот странник, неизвестно как являющийся в мире, неизвестно куда исходящий... «Ах, кабы, братцы, начать жить сначала!» — Да, хорошо бы это было, не так бы во многих обстоятельствах жизни я поступил, как поступил в действительности. Что было, того не воротишь, и на этом, конечно, можно бы было успокоиться... Но, к сожалению, не видно, сколько еще пути впереди и чрез какие места он проходит... Тем не проглядная, — и если бы не освещал его изредка луч надежды на то, что провидение, не раз избавлявшее меня от бед и напастей в такие минуты, когда я терялся, не зная, что предпринять, то не знаю, до чего доболела бы душа моя. Старость подкрадывается не так незаметно, как это бывает со многими счастливыми, и упадком сил и болезненными проявлениями, которых я до сих пор не знал, дает чувствовать необходимость запастись теплым, спокойным углом, вдали от шумной общественной жизни. Пора! И если бы осуществилось настоящее искреннее желание мое, как бы я был доволен и покоен! На что мне люди! Они не могут соприкоснуться в житейских отношениях без того, чтобы сознательно или без сознания не вредить друг другу. Я довольно терся между ними: сам вредил, мне вредили — пора уединиться. Лишь бы обеспечить себя на сколько-нибудь от материальных забот — и остаток жизни есть чем пополнить; у меня богатый запас воспоминаний; буду жить прошлым и размышлять о тщете человеческой жизни. Много, что проскользнуло мимо меня, к чему я соприкасался в силу обстоятельств, достойно, чтобы остановить на себе внимание.

В.Д. Белова. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. г) *А.И. Прозоровский.* Путешествие и пребывание Их Императорских Высочеств Государей Великих Князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича в лето 1887 года. С 7 рисунками.

В 1889 году: а) материалы для климатологии края. б) Враги и болезни растений по губернии в 1887 году. в) О числе слепых в губернии и выводы из его обследования. г) Обороты государственного банка в Крестовской ярмарке за 10 лет. д) *Е.И. Красноперова.* Памятные годы кустарной промышленности Пермской губернии, с 4 приложениями; е) Объяснительная записка Пермской губернской управы по проекту устава кустарно-промышленного банка имени Императора Александра II. ж) *В.А. Иконникова.* О происхождении Ирбитской ярмарки. з) Из трудов *Ф.А. Волегова* по истории Строгановых, с предисловием *А.А. Дмитриева.*

Памятная книжка на 1890 год заключала в себе, кроме обычных календарных и статистических сведений, статьи: а) Движение населения в Пермской губернии, по выводам за 1883—1888 гг. б) *А.И. Прозоровского:* Отхожие промыслы в Пермской губернии. в) *Н.К. Чупина.* О местах жительства и образе жизни Вогул. По Альквисту (из сборника Пермского земства). г) *И. Остроумов.* Курганы восточной части Ирбитского уезда.

Памятная книжка на 1891 год вышла под редакцией члена секретаря комитета Д.Д. Смышляева⁵. При ней — приложение, составляющее 2-й выпуск статей о Пермской губернии, напечатанных в Пермских Губернских Ведомостях.

Д.С.

Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. — Вып. 3. — Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1891. — С. 97-101.

Примечания от редактора.

¹ *Гасабов* Евгений Иванович (*Краеведы* I. С. 104-105).

² *Рума* Рауль Николаевич (1855—1909). (*Краеведы* I. С. 225-226).

³ *Прозоровский* Аполлон Иванович (1854—1901). (*Краеведы* I. С. 218-219).

⁴ *Герберги* (герберг) — буквальное воспроизведение с немецкого языка слова die Herberge — постоялый двор.

⁵ Д.Д. Смышляевым были подготовлены к изданию «Адрес-календари и памятные книжки Пермской губернии на 1891, 1892, 1893 и 1894 годы. Содержание Памятных книжек в этих изданиях раскрыто в первом выпуске «Смышляевского сборника» (Пермь, 2009. — С. 34-37).

«Есть люди, как будто бы созданные для того, чтобы вредить другим. Тяжело выносить их козни; трудно с ними бороться; — на их стороне сила, богатство... Но счастливы ли они? Есть ли действительное удовольствие в злобе? Случается ли им испытывать то ни с чем не сравнимое спокойное довольство собою, которое знакомо мне, когда после неприятностей и огорчений я обращаюсь к последним годам моей жизни, к моей общественной деятельности, на которую сыплется столько порицаний и клеветы, и в которой я не вижу ни одного пятна! Да, шесть лет моей земской службы безупречны вполне, я их отдал сполна общественным интересам; я заплатил ими мой долг родине; я выкупил ими заблуждения и увлечения предшествовавших лет. — Я не боюсь моих врагов и презираю их... Но бороться далее мне не под силу, и потому пора на отдых! Пора предоставить другим продолжать начатое... Но где этот теплый, спокойный уголок, в котором бы мне так хорошо было с моими воспоминаниями? Не знаю, но надеюсь, что мне в нем провидение не откажет... Буду же готовиться к отступлению — и ждать».

Пермские губернские ведомости. — 1893. — 20 нояб. (№ 93).

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

В первом выпуске «Смышляевского сборника» был опубликован очерк «Из воспоминаний о Д.Д. Смышляеве», подписанный инициалами: *Ф.М.*¹ Автор перепечатанного из «Пермских губернских ведомостей» очерка² рассказывал о знакомстве с Дмитрием Дмитриевичем Смышляевым, начавшемся в 1874 году, когда Смышляев был председателем губернской земской управы, а сам он — вольнослушателем Санкт-Петербургского университета.

Воспоминания, написанные прекрасным литературным языком, очень теплые и содержательные, настолько хороши, что мы по-прежнему рекомендуем их всем, кого интересует личность Д.Д. Смышляева и деятельность его на благо родного края. Тем более что составителям удалось расшифровать инициалы автора, и мы готовы представить его: это Федор Андреевич Мейер.

Уже вскоре после выхода «Смышляевского сборника» разгадка показалась вполне вероятной: я готовила к изданию сборник путевых записок «По Каме и Уралу», составленный Д.А. Красноперовым³, и обратила внимание на очерк Ф.А. Мейера «По Вишере»⁴, который был схож с нашими анонимными воспоминаниями не только авторским стилем, но и по содержанию: те же места, те же командировки по земским делам и пр.

В примечаниях к очерку в красноперовском сборнике я упомянула о возможной связи Мейера с Д.Д. Смышляевым, но это, конечно, требовало проверки. И вот доказательства найдены. Летом этого года заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина Н.Ф. Захарова, находясь в Петербурге, провела поиск в фондах Российской национальной библиотеки. Требовалось найти статью о пермских народных школах, написанную, якобы, нашим «Ф.М.» по заданию и инициативе Д.Д. Смышляева. Статья нашлась, и подписана она была уже не инициалами, а как положено: *Ф. Мейер*⁵.

Итак, автор воспоминаний о Д.Д. Смышляеве в «Пермских губернских ведомостях» — Федор Андреевич Мейер.

Он родился 24 апреля 1851 г. в г. Шадринске Пермской губернии, в семье потомственного дворянина. В 1870-е гг.

был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, но не окончил курса, возможно, в связи с отсутствием средств, а также по нездоровью. В 1882 г. поступил на государственную службу. Был секретарем Чердынского и Соликамского уездных по крестьянским делам присутствий, состоял в штате мировых судей Осинского уезда. С сентября 1893 г. работал в Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездных земствах, в 1895—1897 гг. являлся членом Чердынской земской управы. В течение многих лет возглавлял Пермское общество дворянской опеки.

Среди пермских деятелей на различных поприщах у Ф.А. Мейера было много однофамильцев. Так, некий Ф.А. Мейер служил в Управлении Уральской железной дороги, и эта путаница отразилась в единственной посвященной ему до настоящего времени статье краеведа Е.Н. Шумилова⁶. К железной дороге наш Ф.А. Мейер отношения не имел.

В 1898—1899 гг. Федор Андреевич публиковался в «Пермских губернских ведомостях», в основном, с очерками, написанными во время его многочисленных поездок по губернии. Журналистская деятельность его была недолгой, и об этом приходится сожалеть, поскольку он несомненно обладал литературным талантом.

В Государственном архиве Пермского края хранится «Дело Пермского окружного суда канцелярии председателя о службе бывшего мирового судьи 2-го участка Осинского округа Федора Андреевича Мейера»⁷, где есть его формулярные списки, представления на чины, различные заявления и записки, и пр. Он был на редкость добросовестным, инициативным и трудолюбивым работником, но не слишком честолюбивым, весьма небогатым, и недалеко продвинулся по служебной лестнице. В очерке воспоминаний о Д.Д. Смышляеве Ф.А. Мейер с благодарностью пишет о том, как Дмитрий Дмитриевич помог ему съездить на лечение в Пятигорск, на минеральные воды. Бесконечные болезни мучили его и все последующие годы, что видно из архивных документов. По-видимому, это помешало и в литературных трудах.

Ф.А. Мейер умер 8 декабря 1918 г. и был похоронен в Перми на Новом кладбище⁸.

Федор Андреевич Мейер оставил память о себе в пермской журналистике и литературе, а современные краеведы засвидетельствовали это, включив его очерки в сборник-хрестоматию

путевых записок и представив его биографическую справку вниманию слушателей научной конференции. А нам, исследователям жизни и деятельности Д.Д. Смышляева, были подарены Мейером воспоминания о нем. Жаль, что немногие современники Дмитрия Дмитриевича догадались это сделать!

---

¹ Из воспоминаний о Д.Д. Смышляеве // Смышляевский сборник. — Вып. 1. — Пермь, 2009. — С. 251-254. — Подпись: *Ф.М.*

² Из воспоминаний о Д.Д. Смышляеве // ПГВ. — 1908. — 11 нояб. (№ 246). — Подпись: *Ф.М.*

³ По Каме и Уралу: путевые записки XIX — начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2011. — 297 с.

⁴ Мейер Ф.А. По Вишере // ПГВ. — 1898. — № 5, 6, 7.

⁵ Мейер Ф. Народные школы Пермской губернии // Молва. — 1876. — 4 апр. (№ 14).

⁶ Шумилов Е.Н. Скромный представитель провинциальной печати: (некоторые биографические сведения о Ф.А. Мейере) // Журналистика и краеведение: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского и А.П. Гайдара. — Пермь, 2004. — С. 71-72.

⁷ ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 278.

⁸ Известия Пермского губисполкома. — 1918. — 11 дек.

ПИСЬМА Д.Д. СМЫШЛЯЕВА Н.А. ФИРСОВУ **1858—1893 ГГ.**

В конце 1850-х — начале 1860-х годов Пермь переживала один из самых интересных периодов в своей истории, прежде всего, в истории становления общественного самосознания, зарождения гражданского общества. Заметное оживление отчетливо проявилось в 1859 году. А.А. Дмитриев сообщает в своей «Летописи»: «Весь этот год, как и начало шестидесятых, был временем необыкновенного для Перми умственного оживления и стремления интеллигентных людей к полезной общественной деятельности»¹.

Стоит перечислить лишь самые заметные события, происходившие в культурной жизни Перми в эти годы: открытие первого женского училища, прогремевшие на всю Россию литературно-музыкальные вечера, появление публичных и бесплатных библиотек, открытие воскресных школ, благотворительные спектакли и концерты, и, наконец, выход в свет «Пермского сборника», ставшего образцом краеведческих пособий для издателей во многих губерниях.

Это время хорошо описано в литературе, ему посвящены научные монографии и популярные краеведческие очерки, десятки статей в периодической печати². И кто бы ни взялся описывать наиболее яркие события тех лет, не мог обойтись без упоминания двух самых заметных героев пермского «умственного оживления» — Дмитрия Дмитриевича Смышляева и Николая Алексеевича Фирсова. Совместная деятельность их была недолгой — около двух лет, а результаты этой слаженной работы вошли в историю навсегда.

Н.А. Фирсов появился в Перми в 1855 году в качестве выпускника Главного педагогического института в Петербурге, где он учился одновременно с Н.А. Добролюбовым и был не только знаком с ним, но и входил в студенческий кружок во главе с будущим критиком-демократом. В пермской гимназии, несмотря на отдаленность города от столиц, был хороший преподавательский коллектив — здесь работали и однокашники Фирсова, и выпускники Казанского университета. Не сложились отношения с директором гимназии, но в этом Фирсов не был одинок. Таким образом, Николай Алексеевич нашел себе в Перми и друзей, и собеседников, а вскоре получил возможность реализовать просветительские планы и намерения, горячо обсуждаемые в институтской среде.

К сожалению, неизвестно, когда именно и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с Дмитрием Дмитриевичем Смышляевым.

Д.Д. Смышляев в 1851 г. совершил свою первую заграничную поездку, имевшую для него «высокое образовательное значение». В поездке его сопровождали мартинист С.А. Маслов и профессор Московского университета Н.И. Анненков; тогда же он познакомился и подружился с М.Я. Киттары. И в дальнейшем, в течение всей жизни, образовывал себя сам. С 1854 г. уже печатался в «Записках Казанского экономического общества», участвовал в его заседаниях и выступал с докладами. И в то же время все эти годы работал, помогая отцу, Дмитрию Емельяновичу, в его предпринимательстве. В мае 1857 г. отец скончался, и Дмитрий Дмитриевич начал постепенно сворачивать его дела.

Судя по тому, что в августе 1857 г. Смышляев подал в Московский цензурный комитет прошение об издании «Пермского сборника», приложив к нему подробную программу будущей книги, эти планы вынашивались им давно, и к этому времени уже существовала группа единомышленников, на которых он рассчитывал.

Д.Д. Смышляеву в 1857 году — 29 лет, Н.А. Фирсову — 26.

«Пермский сборник» — самое значительное литературное предприятие, объединившее Д.Д. Смышляева и Н.А. Фирсова³. Особенно большую роль сыграло это издание в судьбе Николая Алексеевича: благодаря публикации в Сборнике и причастности к его редактированию, Фирсов приобрел известность в научных и просветительских кругах российского масштаба.

Из 27 представленных здесь писем Д.Д. Смышляева — 13 относятся к периоду работы над «Пермским сборником», так или иначе касаются этой темы, если не посвящены ей полностью. Этот факт делает настоящую публикацию интересной как для «широкого» читателя, так и для ученых-киевоведов.

Истории создания «Пермского сборника» посвящено множество исследований, это объясняется действительной значимостью издания и обилием серьезных рецензий по выходе его⁴.

Одним из «вечных» вопросов, занимающих книговедов советского и современного нам периода, является вопрос о распределении обязанностей в «тандеме», заявленном в «Объявлении о предпринимаемом издании «Пермский сборник», распространявшемся в виде листовки: «Авторы благоволят адресовать статьи свои, равно как и условия, буде пожелают предложить их, в Пермь, на имя издателя Дм. Дм. Смышляева или на имя ст. учителя гимназии Николая Алексеевича Фирсова, изъявившего готовность участвовать в трудах по редакции издания»⁵.

Признавая за Д.Д. Смышляевым роль организатора и издателя, многие ученые и краеведы отдавали первенство в составительской работе и редактировании — Н.А. Фирсову. Автору этих строк в 1990-е гг. также довелось внести свою лепту в такой пересмотр приоритетов, о чем пришлось сожалеть⁶.

Итог многолетней дискуссии подвела Нина Федоровна Аверина, ученый-книговед, автор монографии «История пермской книги»⁷.

Письма Д.Д. Смышляева в настоящей публикации подтверждают выводы Н. Ф. Авериной. Смышляев был не только издателем «Пермского сборника» — единственным руководителем и организатором работы по его подготовке, ответственным за выбор бумаги и шрифтов, за типографское исполнение, рекламирование, транспортировку и продажу готовых книг. Он занимался также формированием авторского коллектива, редактированием всех материалов, составлял макет и «держал корректуру», выплачивал авторам гонорар и нес перед ними ответственность за все недочеты, ошибки и опечатки. Разумеется, Н.А. Фирсов много сделал для подготовки к изданию книги, главным образом, первого тома. И все же это было именно участие в работе, а не личная ответственность за нее. Конечно, в письмах отражена далеко не вся проделанная работа, но достаточно для того, чтобы увидеть, как много поручений исполнял Николай Алексеевич: передать, известить, забрать, заплатить, поторопить, выслать и пр., и пр. Но прежде чем перечислить десятки людей, с которыми ему надлежало связаться, Смышляеву нужно было найти этих авторов, привлечь их к работе. А еще — продумать структуру, понять, что нужна именно та или иная статья, должна быть представлена конкретная тематика, различные виды документов. Какая характерная черта: Смышляеву нужен в книге библиографический список, может ли серьезное краеведческое издание обойтись без библиографии? Он обращается с просьбой к одному, другому — все обещают, и подводят. И, конечно, составляет список литературы сам.

Н.Ф. Аверина не однажды писала о том, как поразило ее увиденное в Свердловском областном архиве несоответствие интересных, но сырых, беспомощных текстов А.Н. Зырянова — и его прекрасных статей, доработанных, а проще сказать, переписанных Смышляевым. Все это — профессиональная редакторская работа, и в те годы в Перми, пожалуй, не было еще никого, способного стать таким редактором. Впрочем, и библиографов не было — Дмитрий Дмитриевич собственноручно и начинал всю нашу краеведческую библиографию.

Письма позволяют отметить еще один принцип его работы: заведомую нацеленность на самый высокий уровень своего издания. Например, о том, публиковать ли в Сборнике рискованные народные песни, Смышляев советовался с профессором Московского университета Ф.И. Буслаевым — филологом, лучшим в то время специалистом по фольклору. Ни больше, ни меньше.

Конечно, любые выводы, сделанные на основании писем одного человека, без ответов адресата, могут подвергаться сомнению. Но эти письма нельзя считать абсолютно односторонними: Смышляев цитирует здесь Фирсова, отвечает на его вопросы, комментирует высказывания, отчитывается о хлопотах по его делам, реагирует на его поступки и даже на его тон.

В декабре 1860 г. Н.А. Фирсов уехал в Казань, получив место учителя истории в гимназии и, вне штата, преподавателя в университете. Началась его профессиональная научная деятельность, последовательное продвижение по службе, неуклонный рост авторитета в научной среде.

В письмах Смышляева 1859—1860 гг. — все признаки «оттепели», такой значительной для становления гражданского общества в России «дореволюционной», и так похожей на современные нам «хрущевскую» и «перестроечную» оттепели. Столичные события, литературные новинки; имена, мелькающие на страницах «Современника» и «Свистка»: «Новый поэт», откупщик-публицист Кокорев, экономист Ламанский, неосторожно заявивший на диспуте в петербургском Пассаже, что общество «не созрело» еще публично обсуждать серьезные вопросы... Ощущение свежести, грядущих перемен, которым хочется поделиться с другом и сподвижником: «Это уже не та гласность, которая находит место в Русском дневнике!» (письмо № VIII).

«В настоящее время, когда Россия возрождается к новой жизни и когда весь мир устремил на нее полные ожидания очи, когда повсюду водворяется у нас благодетельная гласность, грустно истинному патриоту видеть, что нет такого сборника, где бы увековечивались все прекрасные явления русской жизни...»⁸ Крылатые добролюбовские слова о благодетельной гласности в это время повсюду, в том числе, кстати, и на страницах «Пермских губернских ведомостей».

Эта тема — также представляет особый интерес в письмах Д.Д. Смышляева: и тем, как откликнулась провинциальная интеллигенция на столичные события, и возможностью соотнести

наши впечатления от недавно пережитых подобных перемен и сравнить результаты этих перемен. Как тут не вспомнить любимого Смышляевым Н.А. Некрасова:

«...Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, бесгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
*«В настоящее время, когда...»*⁹

Разве можно было предположить, что спустя двадцать лет Дмитрий Дмитриевич Смышляев полностью разуверится в том, что одному, даже «с умом и талантом», удастся сделать что-то хорошее на управленческой стезе; приобретет горький опыт «первой земщины бойца», примет на себя обязанности Уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества, и до конца жизни будет мирно и одиноко заниматься краеведением.

А Николай Алексеевич Фирсов, чьи статьи о воспитании и народном образовании всегда вызывали бурю негодования у одних и горячий отклик у других, преемник А.П. Щапова и один из самых любимых молодых преподавателей в университете, спустя двадцать лет окажется в центре студенческих беспорядков, причем главным требованием взбунтовавшихся студентов будет как раз увольнение его от должности! Более того: Фирсову, обличавшему когда-то деспотизм Грацинского, преподнесут стеклографированную карикатуру с изображением его самого — в виде цепного пса, охраняющего негодные порядки в Казанском университете.

Н.А. Фирсов никогда не прерывал связей с Пермью, в том числе и научно-краеведческих: он являлся членом-корреспондентом Пермского статистического комитета, был избран почетным членом Пермской губернской ученой архивной комиссии. В 1891 г.

вышел в свет «Сборник статей о Пермской губернии» Д.Д. Смышляева, где он опубликовал материалы, в том числе, собранные при подготовке юбилейной «Записки» к 100-летию Перми. Описывая историю пермской мужской гимназии, Смышляев привел краткие справки о знаменитых выпускниках и преподавателях, в том числе, о Н.А. Фирсове.

«*Николай Алексеевич Фирсов*, получивший образование в главном педагогическом институте, назначен старшим учителем истории 5 сентября 1855 года, и оставался в этой должности до 1860 года, в котором перемещен в Казанский университет доцентом на кафедру русской истории; ныне заслуженный профессор того же университета. Николай Алексеевич принимал большое участие в умственной жизни города Перми и искал всякого случая возбудить в обществе интерес ко всему разумному и полезному. Его настоянием в педагогическом совете гимназии обязана своим началом пермская Мариинская школа 1-го разряда, что ныне Мариинская женская гимназия; он помогал мне советами и непосредственным трудом по изданию «Пермского Сборника»; содействовал устройству с благотворительными целями литературно-музыкальных вечеров, в зиму 1859—60 годов, привлекаявших большое количество публики, прежде проводившей свободное время за картами или развлекавшейся другими, еще менее полезными и похвальными увеселениями. Из трудов его, относящихся к Пермской губернии, напечатаны: в 1-й книжке «Пермского Сборника»: «Об открытии народных училищ в Пермской губернии» и в местных Губернских Ведомостях: «Пермская губернская гимназия» и «Спектакли в канцелярском училище в нынешние святки»; в Педагогическом вестнике: «О воспитании девиц в Пермской губернии». Кроме того, им изданы в Казани два сочинения, на получение ученой степени: «Положение инородцев в северо-восточной России, в Московском государстве» и «Инородческое население прежнего Казанского царства и колонизация закамских земель», заключающие интересные сведения для занимающихся историей Пермского края»¹⁰.

Переписка Д.Д. Смышляева с Н.А. Фирсовым продолжалась буквально до конца жизни Дмитрия Дмитриевича. Последнее письмо от Фирсова пришло накануне его смерти — 14 ноября 1893 года. 15 ноября хозяин дома, где Смышляев снимал квартиру, Н.Д. Топорков, сообщил Николаю Алексеевичу о печальном событии. Фирсов написал ответное письмо — в расчете на опубликование его в «Пермских губернских ведомостях», что и было Топорковым исполнено.

К сожалению, до настоящего времени у исследователей творчества Д.Д. Смышляева нет возможности опубликовать письма, адресованные ему. Архив Смышляева не найден, и не хочется думать, что он утерян навсегда. После смерти Дмитрия Дмитриевича архив перешел к его племяннице, Н.П. Солодовниковой (в замужестве Одуевской). Надежда Павловна добросовестно отнеслась к роли хранительницы: написала большой биографический очерк о Д.Д. Смышляеве¹¹, кое-что подготовила к публикации, внимательно следила за появлением статей, посвященных Дмитрию Дмитриевичу и немедленно выступала с опровержениями, замечая неточности. Н.П. Одуевская и сама сделала небольшое имя в уральской литературе, регулярно публикуя в местной печати свои стихи.

Из воспоминаний Н.П. Солодовниковой: «Из переписки [курсив мой. — Т.Б.] Дмитрия Дмитриевича видно, что многие туристы и ученые-исследователи, бывая проездом в Перми, посещали его одинокое жилище, находившееся на самой окраине города, вблизи нового кладбища. Смышляев занимал очень скромную квартиру. Главным украшением его комнаты были книги, размещенные на полках изящных книжных шкафов, и хорошие копии с картин художников преимущественно эпохи Возрождения. Нуждавшиеся в Смышляеве посетители всегда находили у него любезный прием, хотя времени для бесед у Дмитрия Дмитриевича было очень мало»¹². Остается только пожалеть о том, что эта уникальная переписка утеряна. После 1917 г. следы Надежды Павловны теряются, вместе с нею исчез архив Д.Д. Смышляева.

Письма Дмитрия Дмитриевича Смышляева сохранились в личных фондах многих его адресатов. К настоящему времени опубликованы подборки его писем к Федору Александровичу Теплоухову и Наркису Константиновичу Чупину.

Письма Ф.А. Теплоухову из родового фонда Теплоуховых в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) были подготовлены к публикации историком и архивистом Леоном Сергеевичем Кашихиным, всего 17 писем за 1879—1893 гг.¹³

Письма Н.К. Чупину из личного фонда Н.К. Чупина в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) подготовила к публикации Людмила Сергеевна Рафиенко, кандидат исторических наук, всего 32 письма за 1855—1881 гг.¹⁴

Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову в настоящей публикации были выявлены Л.С. Рафиенко в фондах Института русской литературы и искусства (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге (ИРЛИ) и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ).

На всех письмах Д.Д. Смышляева, хранящихся в ИРЛИ, есть штампы «Литературно-Театрального Музея», созданного в Перми П.С. Богословским.

Профессор Пермского университета, ученый-филолог, литературовед, фольклорист, один из организаторов литературного краеведения в России, Павел Степанович Богословский, в марте 1929 года издал листовку-обращение к общественности с просьбой сдавать для открывающегося при университете «историко-литературного и театрального музея» материалы «широкого литературного значения», связанные с местным краем — Уралом и Прикамьем. Музей разместился в круглом зале университета, в здании на улице Карла Маркса (Сибирской), в настоящее время это — педагогический университет. В 1932 году, когда П.С. Богословский переехал из Перми в Москву, в музее содержалось около 20 тысяч экспонатов. Несмотря на все хлопоты, ему не удалось передать музей в надежные руки, и дальнейшая судьба уникальной коллекции неизвестна¹⁵.

Помимо фондов ИРЛИ, документы со штампом «Литературно-Театрального Музея» сохранились и в личном фонде П.С. Богословского, после его смерти переданном в Государственный архив Пермской области (ныне ГАПК). Судя по всему, письма Смышляева были переданы Богословскому сыном Н.А. Фирсова, Н.Н. Фирсовым; таким образом они попали и в ИРЛИ.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится личный фонд Николая Николаевича Фирсова (1864—1934), историка, профессора Казанского университета (ф. 449, всего 217 ед. хр. за 1641—1933 гг.); в фонд включены также документы его отца, Николая Алексеевича Фирсова.

В подборку включено 27 писем Д.Д. Смышляева к Н.А. Фирсову за период с 22 мая 1858 г. по 1 мая 1893 г.

Письма публикуются по ксерокопиям, сделанным Л.С. Рафиенко, полностью, без купюр; с сохранением стиля, в основном, в современной орфографии. Даты написания указаны так, как у Д.Д. Смышляева, при этом, если в письме дата находится в конце текста, то она повторяется в начале письма в квадратных скобках.

Текст, в правильном прочтении которого нет уверенности, дается в квадратных скобках, так же раскрывается сокращение слов, сделанное Смышляевым. Если текст не удалось прочитать, это отмечено знаком: [нрзб] (неразборчиво). Все подчеркивания в тексте — сделаны Смышляевым.

Знаком || отмечен переход текста письма со страницы на страницу, таким образом, пользователи могут при необходимости сослаться на оригинал письма, с указанием номера листа в архивном деле.

К сожалению, трудно читаемый, мелкий почерк Д.Д. Смышляева не позволяет составителям дать полную гарантию в правильном прочтении текстов писем: возможны невольные искажения некоторых фамилий, инициалов и пр.

В примечаниях приведены сведения о сохранности писем, качестве текста, имеющих штампы, пометы, приписки и пр. Даются комментарии к содержанию писем.

К подборке писем Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову прилагается несколько разрозненных писем из разных архивных фондов, содержание которых, по мнению составителей, дополняет и поясняет представленную переписку.

Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову подготовлены к публикации С.В. Пигалевой.

Вступительная статья **Т.И. Быстрых**.

Примечания и комментарии к письмам сделаны: **Т.И. Быстрых, С.В. Пигалевой, Н.Ф. Захаровой, Е.П. Субботиним, А.В. Шиловым**.

Письма, включенные в «Дополнение», подготовлены к публикации **Т.И. Быстрых**.

В Приложении помещены «Указатель имен», включающий биографические справки об упоминаемых Смышляевым замечательных людях; и «Список периодических изданий», содержащий все встречающиеся в тексте названия газет и журналов (составлены **С.В. Пигалевой**).

Примечания.

¹ **Дмитриев А.А.** Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. С приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. — Пермь, 1889. — С. 253-254.

² **Вульфсон Г.Н.** Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. — Казань, 1974; **Рабинович Я.Б.** Ревнителю прав народных: очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х — начале 80-х годов XIX века. — Пермь, 1989; Краеведы и краеведческие организации Перми: библиограф. справочник / сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. — Пермь: Курсив, 2000. — 360 с.; **Корчагин П.А.** Пермское общество: губернская эпоха. — Пермь, 2009. — 125 с.

³ Пермский сборник: Повременное издание. — Книжка первая. — М.: В типографии Лазаревского института восточных языков, 1859. — 184+130+70+67 с.

Пермский сборник: Повременное издание. — Книжка вторая. — М.: В типографии Грачева и Комп., 1860. — 42+184+39+39+XXXVIII с.

⁴ Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. — Вып. 1. — Пермь, 2009. — 258 с.

⁵ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 382. Л. 1-2.

⁶ **Быстрых Т.И.** Н.А. Добролюбов и «Пермский сборник» // Вестник Смышляевских чтений. — Пермь, 1994. — Вып. 1. — С. 27-32; **Быстрых Т.И.** Пермский Добролюбов // Пермские новости. — 1998. — 29 янв.

⁷ **Аверина Н.Ф.** Провинциальный шедевр и его создатели // Смышляевский сборник. — Пермь, 2009. — Вып. 1. — С. 196-211.

⁸ **Добролюбов Н.А.** Русские в доблестях своих // Свисток. — 1859. — № 1.

⁹ **Некрасов Н.А.**, поэма «Недавние дни».

¹⁰ **Смышляев Д.Д.** Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 71-72.

¹¹ **Солодовникова Н.П.** Дмитрий Дмитриевич Смышляев: опыт биографического очерка // Свидетель века: Дом Смышляева в Перми: к 180-летию Д.Д. Смышляева. — 2-е изд. — Пермь, 2008. — С. 119-146.

¹² Там же. С. 138.

¹³ Письма Д.Д. Смышляева Ф.А. Теплоухову / подгот. к публикации Л.С. Кашихиным // Вестник Смышляевских чтений. — Пермь, 1994. — Вып. 1. — С. 5-16.

¹⁴ Письма Д.Д. Смышляева Н.К. Чупину (1855—1881) / подгот. к публикации Л.С. Рафиенко // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 2001. — Вып. 3. — С. 238-279.

¹⁵ **Кашихин Л.С.** По следам исчезнувшего музея // Отчий край: краевед. сб. 1975. — Пермь: Кн. изд-во, 1975. — С. 215-218.

I

[22 мая 1858 г.]

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Вы имеете в виду поездку по Пермской губернии. Позволяю себе надеяться, что, при других целях, Вы не забудете нашего и общего дела, — уверен, что Вы найдете и добрых сотрудников, и запасетесь, по мере возможности, и сырыми материалами, и обработанными статьями. Предоставляю Вам распорядиться в этом случае как за лучшее найдете, а я почту мою обязанностью по напечатании первой книжки «Пермского сборника» — свято выполнить Ваше предварительное условие с авторами.

Пользуюсь случаем уверить Вас в моем душевном к Вам уважении и преданности.

Ваш покорный слуга Д. Смышляев.

Пермь. 22 мая 1858.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 1.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 863».

«...Не забудете нашего общего дела...» — письмо относится к началу активной работы над «Пермским сборником». Н.А. Фирсов — член редакции Сборника.

II

Казань. 4 июня 1858.

Дело призывает меня на несколько дней в Москву, сердечно уважаемый Николай Алексеевич; завтра поутру я выезжаю и возвращусь в Пермь между 20 и 25 июня. Вероятно, в Перми уже Вас не застану, а потому чувствую потребность побеседовать с Вами о предметах различного характера, и прежде всего, конечно, о «Пермском сборнике».

Вот вам расчет по изданию его в четырех видах:

Расчет стоимости книжки в 30 листов, оттиснутой в 1000 экземплярах

63 стопы бумаги по 470 —	296 [рублей]
1 ст. обертки по 5 —	1,25 [рублей]
Печать по 9 с листа, за 30 лист. —	270 [рублей]
Почтовый расход и т. под. —	25 [рублей]
Переписка статей —	50 [рублей]
Авторам за статьи —	300 [рублей]
Разного расхода —	<u>47,75 [рублей]</u>
	всего 1000 р.

Стоимость экземпляра один рубль, а скидывая 300 экземпляров на залежь, подарки, комиссии и т.д., и разносим расход на 700 экземпляров, нельзя пустить книжки в продажу дешевле 143 к. ||

Расчет стоимости книжки в 30 листов, оттиснутой в 500 экземплярах

32 стопы бумаги, с оберткою	150 [рублей]
Печать по 7 р. с л., за 30 листов	210 [рублей]
	25
	50
	<u>300 [рублей]</u>
	735 [рублей]

Стоимость 167 к., а раскладывая расход на 400 экземпляров, нельзя пустить книжку в продажу дешевле 184 к.

Расчет стоимости четырёх книжек, по 20 листов в каждой:

3) На 1000 экземпляров полный расход 2800 р. сер[ебром]; таким образом годовое издание 4-х книжек будет стоить 260 к., а открыть подписку, скидывая на залежь и т[ому] под[обное] можно не дешевле как 372 к. за экземпляр из 4-х книжек.

4) на 500 экз. полный расчет 2044 р. 4 книжки обойдутся в 4 р., а подписку объявить нельзя дешевле 5 р. за экз.

Таким образом, самым выгодным расчетом представляется 3-й, основанный на подписке, и под[робно] надобно подумать о том: нельзя ли в самом деле обратить «Сборник» || в издание, состоящее из 4-х книжек в год и пустить в ход подписку. Поездка Ваша по губернии покажет: можем ли мы достаточно получить материалов для 80 печатных листов.

Примеч[ание]. Все четыре расчета только приблизительные, и расход на все положен самый высокий. Мы можем еще иметь некоторые льготы. Может быть, дозволит часть печатать бесплатно, может быть, с меня ничего не возьмут за доставку до Перми бумаги из Москвы, что может составить разницы в расходе по 50 к. на книгу и т[ому] под[обное]. Но зато нет в расчете расходов по редакции и иных, кот[орых] нельзя предвидеть.

Передайте г. Лейману¹, что если бы он был столько обязателен, что занялся бы исследованием настоящего состояния Обвинской породы лошадей, причин ее упадка и средств к ее восстановлению, то за разрешение подобной задачи я предлагаю ему 150 р. сер. Предмет этот был бы крайне полезен для 1-й книжки. Конечно, если только поездка в Питер не отвлечет г. Леймана от под[обного] исследования. ||

Хотело чрезвычайно общество Экон[омическое]² устроить это, но никого положительно здесь не нашел, все разъехались. А время уходит!

В Москве, вероятно, завербую «Путевые заметки» Вагнера³, а может и еще что-нибудь попадет под руку.

Бумага будет такая же, на какой печатают «Записки Казанского общества»⁴, и я нынче же приобрету в Москве 70 стоп и потребное на 1000 книжек количество обертки. Наружность «Атеней» мне очень нравится и может служить моделью для нашего «Сборника».

Лишь бы Его Превосходительство⁵ помог нам, тогда за успех, кажется, можно ручаться.

Не помню ведь я, как уехал со станции, расставшись с Вами. Экий Вы греховодник! Как Вы доехали? Видно, я думаю, дрыхнул до самого города?

Прощайте! Будьте здоровы и удачливы во всех Ваших начинаниях! Душевно преданный Вам Д. Смышляев.

Вашим сожителям — мой искренний поклон!

ИРЛИ, ф. 690, оп. 6, д. 108, л. 2 Зоб.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 864»; написано на бумаге со штемпелем «Фабрики Рейнеръ». (Клепиков С.А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. — М., 1959. — № 166 (1860—1861 гг.).)

¹ *Лейман Иван Петрович* — однокашник Н.А. Фирсова, выпускник Санкт-Петербургского педагогического института, преподаватель естествознания в Пермской мужской гимназии (с 1856), затем в Екатеринбургской мужской гимназии (с 1865). (Зверев А.В. Старейшее учебное заведение в Перми: к столетию Пермской мужской гимназии (1808—1908). — Пермь, 1908. — С. 212).

² Вольное экономическое общество — старейшее из ученых обществ России, самая первая общественная организация в Российской империи. Учреждено в 1765 г. в Санкт-Петербурге. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1-82, 1-4 доп. — СПб., 1890—1907. — Т. 7. — С. 137-138 (Далее — *Брокгауз*)).

³ *Вагнер Николай Петрович*, один из авторов «Пермского сборника».

⁴ Имеются ввиду «Записки Императорского Казанского экономического общества», издававшиеся в Казани в 1854—1861 гг.

⁵ *Его Превосходительство* — Огарев Константин Иванович (1819—1877), пермский губернатор в 1857—1860 гг. (*Брокгауз*. — Т. 21а. — С. 689; Пермские губернаторы: традиции и современность / под ред. И.К. Кирьянова, В.В. Мухина. — Пермь, 1997. — С. 98-100).

III

Пермь, 18 июля 1858.

Почтеннейший Николай Алексеевич! Писал Вам от 14 ч[исла] с[его] м[есяца] с нарочным от губернатора, следовавшим в Сергинский завод, но не уверен, что Вы получили письмо мое, ибо до сих пор не имею от Вас никаких уведомлений, а потому, не повторяя того, что уже было писано, скажу только, что Ваше присутствие здесь необходимо. Надобно приступить к изданию, печатать приглашение к участию в трудах его, и что надо обычно. Если Вас не задерживает болезнь, то ради Бога поспешите к нам, в богоспасаемую Пермь.

Фроловичу¹ задал губернатор ужаснейший нагоняй, однако же Фролович было успел уверить, || что переданное известие о том, что он хотел помешать «Сборнику» — чистейший вздор. К счастью нашему, из слова в слово подтвердил обвинение профессор Воронцов², здесь бывший и слышавший лично от Фроловича то самое, что он говорил Вам. Между прочим, я и в Москву уже писал об этом, и надеюсь, что слова мои без последствий не останутся. Вы, следовательно, ограждены со всех сторон и можете спокойно слышать в Вашей гавани здесь бунтующей бури, и без всякого трепета созерцать самого Эола³ с взъерошенными волосами и задавательным тоном, и, пожалуй, с орденом Святыя Анны 2 степени на шее...

Уведомите, ради Христа, когда Вы выедете из Ваших целебных || Ключей?

Передайте Василью Львовичу⁴ мой поклон, а от меня примите искреннее рукопожатие.

Всепокорнейше Ваш Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 45.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 862».

¹ *Фролович, Иван Фролович, Фролов* — здесь и далее: Грацинский Иван Фролович.

Д.Д. Смышляев о нем: «И.Ф. Грацинский — кандидат Казанского университета, назначенный, с должности инспектора симбирской гимназии, директором пермской, с 29 июня 1844 года, — тайный советник и кавалер орденов Станислава и Анны первой и Владимира второй степени. Уволен от должности директора 1 января 1884 года и назначен почетным попечителем гимназии. Город Пермь избрал его своим почетным гражданином; скончался 6 мая 1887 года, 88 лет от роду». (*Смышляев Д.Д.* Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 68).

Отчество Грацинского в письмах искажено Смышляевым по неизвестным причинам. Негативное отношение Смышляева к И.Ф. Грацинскому характерно для многих представителей пермской интеллигенции того времени. Так, Н.А. Добролюбов в 1856 г. в своем дневнике от 28 января изложил полученное им письмо от Н.А. Фирсова, начавшего работать в пермской гимназии: «Он же пишет о том, как принял его директор пермской гимназии, И.Ф. Грацинский. Человек этот, говорит он, очень недалек, но много о себе думает и распространяет ужас между учениками одним своим появлением. Мальчиков в гимназии секут немилосердно за то, например, что сходят с своего места... Обращение директора в таком роде. «Ваш предшественник был болван, — сказал он, — и я его уничтожу». Ученикам он говорит: «Ты что тут стоишь, дубина?.. А ты, болван, что не учишься?..» И т.п. Но этого мало: считая себя знатоком учености, он требовал, чтобы преподавание согласовалось с его идеями, и каждому новому преподавателю читает свои мысли о преподавании некоторых учебных предметов» (*Добролюбов Н.А. Собр. соч. — М., 1964. — Т. 8. — С. 495-496.*)

²Профессор Воронцов — личность не установленная.

³Речь идет об И.Ф. Грацинском. Эол — персонаж древнегреческой мифологии, полубог, самостоятельный властитель воздушной стихии. (Мифы народов мира. — В 2 т. — М., 1991—1992. — Т. 2. — С. 663).

⁴Василий Львович — здесь и далее: однокашник Н.А. Фирсова Соловьев Василий Львович, выпускник Санкт-Петербургского педагогического института, преподаватель словесности (с 1850 г.), затем инспектор Пермской мужской гимназии (с 1870 г.), директор Екатеринбургской гимназии (с 1875 г.). (*Зверев А.В. Старейшее учебное заведение в Перми: к столетию Пермской мужской гимназии (1808—1908). — Пермь, 1908. — С. 192, 196.*) Известно также, что младший учитель пермской гимназии Василий Соловьев с 25 августа 1857 г. был переведен из коллежских секретарей в титулярные советники. (ПГВ. 1860. 21 окт.).

IV

Екатеринбург, 11 августа 1858.

Час ночи.

Я ужасно утомился сегодня, целый день не бывал в квартире, но так как завтра, рано утром, выезжаю дальше, то, помня обещание Вам данное, сообщаю Вам о моих успехах в отношении «Сборника». Кунгур я проехал в час ночи, и потому Буевского¹ видеть не мог, а здесь кое-что приобрел.

Сегодняшний вечер подарил меня весьма теплыми впечатлениями, какие тем более отрадны, конечно, что редко повторяются. Я только что от Наркиса Константиновича Чупина². Рад я был встретить в нем того же человека, которого знаю года три тому: та же простая, бесхитростная душа, те же убеждения. Он взялся распространить программы «Сборника» между людьми, ему известными за полезных. От него я получил обещание дос-

тавить статью для нашего издания, «Минеральное царство Пермской губернии», которую он готовит куда-то в другое место. Объем ее около 3-х печатных листов.

Блинов³ живет где-то за 14 верст, на заводе; Фелкнер⁴ на даче, а потому не был у них, но пошлю из Ирбита программы. В уездные училища программы доставил. || Пожалуйста, всучите Палладию⁵ побольше программ: между попов есть оч[ень] дельные в нашей епархии; да уж и Александра Дмитриевича⁶ побеспокойте насчет рассылки по зрителям училищ.

Погода такая свинья, что Вы себе представить не можете. Благодаря ее подлому свинству, я лишен был удовольствия свидеться с людьми, кот[орые] могли быть нам полезны.

Читал у Чупина письма Мельникова (Андрея Печерского)⁷. Он издает, как Вам известно, альманах «Братчина», в память столетнего юбилея Казанского университета, и кроме того с 1859 года — газету: «Русский дневник», посвященную — как он выражается — внутреннему состоянию России. Последнее выражение не дов[ольно] ясно.

В Лейпциге Иван Головин⁸ издает русскую газету: «Стрела» — направления умеренно либерального, и потому будто бы он получил дозволение открыть на нее подписку и в России.

Гмелина «Сибирское путешествие»⁹ я нашел, но оно на немецком языке, и на русский перевода не было.

Из Стат[истического] Комитета¹⁰ члены объявлений еще не получали. Потрудитесь, пожалуйста, справиться, разос[ла]ны ли они?

Еще необходимо достать копию из канцелярии губернатора с представлением М[инистерства] Вн[утренних] Дел о нашем издании, ибо нужно знать: в каком смысле сделано представление. Федя¹¹ найдет пути, передайте ему только об этом.

Теплоухову¹², Волкову¹³ и Карнаухову¹⁴ Вы, вероятно, писали уже, надобно было изъявить желание наше принять их условие, буде они пришлют статьи свои.

В Билимбаихе доставили наше объявление в неск[ольких] экз[емплярах] Петру Сосипатровичу Шарину¹⁵.

Прощайте, любезнейший Николай Алексеевич! Желаю вам всех возм[ожных] благ.

Ваш Д. Смышляев.

P.S. Не найдете ли Вы возможность заглянуть в Стат[истический] Комитет? Если что-нибудь там отроете, то потрудитесь забрать без церемоний, для любопытства — дескать, а там увидим — что делать.

Р.Р.С. Буевскому, пожалуйста, потрудитесь послать программу и пригласить его к участию: у нас по отделу статистики пока ничего нет.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 67.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 887».

¹ *Буевский* Савва Петрович (1792—1879) — выпускник Вятской духовной семинарии, коллежский асессор, штатный смотритель Кунгурского уездного училища. Наряду со служебными обязанностями занимался научной и краеведческой деятельностью: изучал фольклор, историю, географию, статистику местного края. Его труды в 1840-х — 1850-х гг. были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета», «Пермских губернских ведомостях». (*Краеведы II*).

² *Чупин Наркис Константинович* (1824—1882) — уральский историк, географ, этнограф. Воспоминания о Н.К. Чупине опубликованы Смышляевым в «Сборнике статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891).

³ *Блинов* — личность не установлена. Возможно, имеется в виду Блинов М.В. — горный историк, первый директор Уральского горного училища в Екатеринбурге. Его сменил на этой должности Н.К. Чупин.

⁴ *Фелкнер* — личность не установлена. Возможно, имеется в виду Федор Иванович Фелькнер (1802—1877), с 1856 г. — главный начальник Уральских горных заводов, генерал-лейтенант. В 1863 г. вышел в отставку. Автор ряда статей, опубликованных в «Горном журнале». (Инженеры Урала: энциклопедия. — Екатеринбург, 2001. — С. 583; Русский биографический словарь. — Т.: Фабер-Цявловский. — М., 1999. — С. 45-46).

⁵ *Преосвященный Палладий*, см.: *Пьянков Павел Егорович*.

⁶ *Александр Дмитриевич* — здесь и далее: *Крупенин Александр Дмитриевич*. Д.Д. Смышляев так характеризует его в «Сборнике статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891. С. 71): «А.Д. Крупенин — старший учитель истории, с 3-го июля 1839 года, преподаватель отлично знавший свой предмет и излагавший его ученикам изустно...»

⁷ *Павел Иванович Мельников-Печерский* (1818—1883), известный русский писатель. В 1838—1839 гг. П.И. Мельников преподавал историю и статистику в пермской мужской гимназии, где учился Смышляев. Позднее опубликовал в журнале «Отечественные записки» (1839—1842) «Дорожные записки (на пути из Тамбовской губернии в Сибирь)», куда вошли интереснейшие воспоминания о Перми. Смышляев следил за творческой деятельностью П.И. Мельникова-Печерского, общался с ним, публиковался в его газете «Русский дневник». (*Аверина Н.Ф.* Не последняя спица...: краевед. очерк. — Пермь, 2010; По Каме и Уралу: путевые записки / сост. Д.А. Красноперов. — Пермь, 2011).

⁸ *Головин Иван Гаврилович* — публицист.

⁹ Вероятно, имеется в виду книга «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743» (Геттинген, 1751—1752. Т. 1-4 или СПб., 1770—1784. Ч. 1-4), автор — Иоганн Георг Гмелин (Johann Georg Gmelin, 1709—1755), профес-

сор, действительный член Петербургской Академии наук, натуралист академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733—1743). Русский перевод книги под названием «Путешествие по России для исследования трех царств естества» осуществлен в Санкт-Петербурге в 1771—1785, но только ч. 1-3, ч. 4 так и не вышла).

¹⁰ Пермский губернский статистический комитет образован в соответствии с указом от 20 декабря 1834 г. «Правила для Статистического отделения Совета Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях». Состоял в ведении Статистического комитета МВД, действовал под председательством губернатора. Занимался сбором и обработкой сведений о социально-экономическом состоянии губернии, подготовкой к изданию памятных книжек и адрес-календарей Пермской губернии. (*Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. — М.: Новое лит. обозрение, 2003; *Боброва Е.Е.* Из истории пермской статистики // Консультант. — Пермь, 2005. — № 2).

¹¹ *Федя* — личность не установлена.

¹² Имеется в виду *Теплоухов Александр Ефимович*.

¹³ *Волков* — личность не установлена.

¹⁴ *Карнаухов Николай Афанасьевич* — смотритель Чердынского уездного училища, автор статьи «Этнографические черты города Чердыни Пермской губернии», опубликованной в журнале «Отечественные записки» (СПб., 1848. Т. 57). (*Ганина М.А.* У истоков уральской фольклористики: собрание и публикация фольклора Пермской губернии в 1840—1850-е годы // Ученые зап. Пермского ун-та. — № 193: Литературоведение. — Пермь, 1968. — С. 284; *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале...: Учеб. пособие. — Пермь, 1992. — С. 32).

¹⁵ *Шарин Петр Сосипатрович* (1810—1869) — выпускник Санкт-Петербургской школы сельскохозяйственных и горнозаводских наук, в 1847—1864 гг. управляющий Билимбаевским округом Строганова. (*Голохвастова Н.В.* Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского имения в конце XVIII — первой половине XIX вв.: (На примере пермских вотчин Строгановых). — Пермь, 2004. — С. 245, 248; *Рогов Н.А.* Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. — Пермь, 1892. — С. 95, 101).

О Шарине упоминает в книге «Кама и Урал» Вас. Ив. Немирович-Данченко, рассказывая о том, как устраивались иногда судьбы талантливых крепостных мальчиков: «...Это заметил Петр Сосипатрович Шарин, ученик Вейсбаха во Фрейбурге. Шарин считался на Урале звездой первой величины. Он был прекрасный ученый, но о гуманности и понятия не имел, потому что в те жестокие времена о ней еще и слыхано не было. Граф Строганов тогда многих воспитывал на свой счет... Шарин и мальчика Воеводина, о котором я рассказываю, отправил в пермское уездное училище на счет Строганова; но, как сын простого рабочего, он дальше идти не мог и, окончив школу первым, должен был вернуться в Билимбаевский завод, помогая учителю местной школы...» (*Немирович-Данченко В.И.* Кама и Урал: (очерки и впечатления). — Ч. 2: Урал. — СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1904. — С. 126-127).

[...] Не имеете ли Вы под рукою сведений, любезнейший Николай Алексеевич, о том, что за библиотека существовала при канцелярском училище¹, когда и из каких источников она образовалась, и есть ли какие остатки ее в настоящее время? Мне бы весьма было нужно это знать, и сообщением помянутых сведений Вы бы крайне обязали.

Ваш покорнейший слуга Д.Смышляев.

P.S. Да не имеете ли Вы сведений, к какому времени Александр Дмитриевич приготовит обещанную им статью.

Ешевский² для первой книжки пишет статью: «О животных, по древним памятникам Пермской губернии». [...]

ИРЛИ. Ф. 680. Оп. 6. Д. 180. Л. 36.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 860». Начало письма отсутствует, место и дата написания не известны. Поскольку идет речь о «первой книжке», письмо отнесено в настоящей подборке к 1858 году. В первом томе «Пермского сборника» опубликована «Заметка о пермских древностях» С. Ешевского.

¹ История библиотеки при пермском училище детей канцелярских служителей такова. В 1830 г. президент Вольного экономического общества Н.С. Мордвинов выдвинул идею организации в каждой губернии публичных библиотек. Идея была поддержана Министерством внутренних дел, издавшим по этому поводу специальный указ. В 1832 г. пермский губернатор Г.К. Селастенник доложил в Министерство об открытии пермской публичной библиотеки. На деле в течение нескольких лет библиотека представляла собою только шкаф с книгами, находившийся в углу классной комнаты училища детей канцелярских служителей. Лишь в конце 1835 г. удалось найти средства и договориться о небольших пожертвованиях книг для библиотеки. 4 января 1836 года состоялось официальное открытие публичной библиотеки. Но это по-прежнему были несколько шкафов в здании училища, и библиотека никак не соответствовала своему названию. А после пожара 1842 года, когда сохранившиеся книги были сложены в помещении приказа общественного призрения, библиотека вообще не работала в течение двадцати лет. Фактически библиотека начала действовать лишь с 1863 г., когда по распоряжению губернатора А.Г. Лашкарева был создан комитет по управлению и подобраны ответственные работники. В 1913 г. в Перми торжественно отметили 50-летие Городской общественной библиотеки. Она является предшественницей современной краевой универсальной библиотеки, но Пермская областная, а затем краевая библиотека им. А.М. Горького отсчитывает свои юбилеи от 1836-го года. (*Седых Н.П.* Пермская городская общественная библиотека за 50-летний период ее существования (1863–1913). — Пермь, 1913; Краеведы и краеведческие организации Перми: библиограф. справочник / сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. — Пермь, 2000. — С. 320-322. (Далее — *Краеведы I*).

² **Ешевский Степан Васильевич**, историк.

Пермь. 20 февраля 1859.

Господину Николаю Алексеевичу Фирсову.

Милостивый государь!

Покорнейше Вас прошу на время моего отсутствия из Перми принять на себя заботы по редакции Пермского Сборника. На случай надобности, вы получили от меня узаконенную доверенность.

Считаю не лишним, чтобы не забылось переданное уже Вам на словах, просить Вас о следующем:

1) Писец Красноперов поступил в полное Ваше распоряжение. Листок расчетов у него есть, и потому потрудитесь вписывать ему своеручно каждую выдачу денег в жалование. На дом ему работы не давать. В случае неповиновения или пьянства можете обратиться с жалобой на него к Дмитрию Ивановичу [нрзб]. Если работа [перепишется], то пошлите его с прилагаемой при сем запискою к инспектору Попову. Он обещал дать для скопирования формулярный список доктора Граля¹.

2) Об указателе статей я просил Егора Петровича Мухачева². Он живет в Екатерининской улице, в доме Хромушиной. Пошлите к нему, или — если вздумаете — сами заверните, и он, я надеюсь, исполнит мою просьбу.

3) Теперь Красноперов переписывает статью Планера³ о заводах. По переписке тотчас же вышлите ее вместе || с черновой рукописью в Москву. Точно также и другие статьи высылайте без замедлений, и вместе с черновыми рукописями.

4) Потрудитесь написать Бунакову. Адрес его: в Вологду, Петру Федоровичу Бунакову, помощнику редактора Губернских Ведомостей. Напомните свящ[еннику] Ипполиту Слозцову⁴ (в Дедюхине) об обещанных им материалах для истории Чердынско-Соликамского края. Уведомите Александра Никифоровича Зырянова⁵ (в Иванищевском селе Шадр[инского] уезда) о получении песен, сказок и загадок, а также Е[го] Б[лагородие] Григорья Сергеевича Городского⁶ (в Красноуфимске) о том, что статья его будет напечатана во 2-й книжке Сборника.

5) Не замедлите Вашей статьею об училище, а также и Якова Ивановича⁸ попросите о том же.

6) Адрес мой: в Москву, в дом Коммерческой академии, профессору Киттары, с передачею мне.

Душевно уважающий Вас Д. Смышляев.

Р.С. Наркизу Константиновичу Чупину, в Екатеринбург (в д. Горнозаводской школы) напишите и попросите о скорейшей высылке обещанной им для первой книжки статьи: «О постепенном географическом обозрении П[ермской] губернии». Переписывать ее будет не нужно.

На расходы по редакции пока оставляю Вам сто рублей.

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 46-46 об.

Примечания.

¹ **Граль Федор Христофорович** — известный в Перми врач-филантроп, работал в 1797—1835 гг.

² **Мухачев Егор (Георгий) Петрович** (1822—1869) — выпускник Казанского университета, в 1862—1863 гг. преподавал физику и математику в Пермской мужской гимназии. Публиковал краеведческие работы в 1850-х — 1860-х гг. в «Пермских губернских ведомостях», «Журнале министерства внутренних дел». Один из авторов «Пермского сборника». (*Краеведы I*). Д.Д. Смышляев так характеризует его в «Сборнике статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891, с. 71): «Старший учитель математики, с 20 июля 1862 года, уволенный, по прошению, от службы в 1863 году. Егор Петрович, отличный знаток своего предмета и весьма умный человек, к сожалению, был подвержен обычной слабости русских людей, которым вышла «незадача» в жизни. Он сильно пил, может быть, вследствие этого, ослеп и умер в крайней бедности. В Губернских Ведомостях им помещены небезыңтересные для жителей города Перми заметки: в них он рассказывает историю разных зданий, предания старины, обычаи прежних и новых времен».

³ **Планер Дмитрий Иванович** — один из авторов «Пермского сборника».

⁴ **Словцов Ипполит Федорович** (1826—1883) — священник, краевед. Собирали церковно-исторические и статистические сведения о церквях Соликамского уезда, был членом-корреспондентом Пермского губернского статистического комитета. (*Краеведы I*. — С. 244-245).

⁵ **Зырянов Александр Никифорович** — краевед, основатель библиотеки в с. Иванищевском.

⁶ **Городской Григорий Сергеевич** — личность не установлена, его статьи в «Пермском сборнике» нет.

⁷ **Яков Иванович** — здесь и далее: Предтеченский Яков Иванович, однокашник и друг Н.А. Фирсова.

Д.Д. Смышляев так характеризует его: «Старший учитель латинского языка, воспитанник главного педагогического института, трагически окончивший свою жизнь в Екатеринбурге, на должности директора тамошней гимназии, от руки воспитанника. В Пермь определен на должность 25-го августа 1856 года, а в 1870 переведен в оренбургскую гимназию» (Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 72). Я.И. Предтеченский — автор большой публикации «О свадебных обрядах в г. Чердыни», растянувшейся на оба тома «Пермского сборника». Погиб в 1874 г. (*Аверина Н.Ф.* Провинциальный шедевр и его создатели: к 150-летию «Пермского сборника» // Смышляевский сборник. — Пермь, 2009. — С. 203-204).

VII

Москва. 31 марта 1859.

Многоуважаемый Николай Алексеевич!

Получил Ваше письмо от 19 марта, которым Вы весьма меня порадовали, обещая присылку статей Эйгера¹, Вашей и Предтеченского. Тогда изменится весь состав первой книжки, и я уверен, что она произведет благоприятнейший эффект в публике, что весьма важно для первой книжки всякого нового издания. Ради Христа, не медлите, высылайте все, что есть. Перевод Церренера² я отложу до следующих книжек; а теперь надобно показать, что у нас и местных материалов довольно. Печатание исторического отдела кончается и я с нетерпением жду Вашей статьи «о народном училище», чтобы тиснуть ее после древностей Ешевского. || Ваша хроника, напечатанная в Дневнике³, меня решительно возмутила. Вы пять раз поминаете мою фамилию, и, всякий раз, с похвалой. Во-первых, от этого страдает моя скромность, во-вторых — похвалы эти, в сущности, несправедливы, в-третьих — *ex ungue leonem*⁴ — это приведет к открытию виновника статьи. А последнее обстоятельство, действ[ительно], произойдет, и Вы окажетесь виновником. Вспомните только коньяк, кринолины, мысли о воспитании и воззрении на степень нравственного развития общества нашего. Несправедливость же похвал, мне расточимых, я докажу Вам хотя тем, что купальню, напр[имер], строил не я один, мысль извлечения средств для устройства женской школы из изданий ярмарочного листка — Ваша, а не моя, да || и вообще, надеюсь, справедливо, зная наши взаимные отношения: «за что же кукушка хвалит петуха?»⁵.

Впрочем, кажется, нам придется и невзгоду терпеть вместе. И за мои «Вести»⁶ — судя по Вашим словам, меня заклюют. Господи! Когда я выберусь из этой помойной ямы?... Стремление сильное, а крылья связаны. Дела по присутственным местам, недвижимое имущество — все это такой узел, который не скоро разорвешь⁷. Эх, тяжело жить на свете, особенно, если хочешь жить честно! Что меня ждет впереди — решительно не знаю. Чувство омерзения ко всякому торговому делу, основанному на мошенничестве, а не основанных на мошенничестве дел — пока не предвидится. Выдержу ли я борьбу с обстоятельствами? ||

Читали ли Вы в 3 № Современника статью: Подольско-Витебский откуп. Говорят, она Кокорева⁸ чуть в гроб не уложила.

А в 10 № истории Бенардаки (Термоловский).

Прощайте и будьте здоровы! Не хворайте!

Весь Ваш Д. Смышляев.

Вышел 1 том Белинского. Всего их будет 56. Печатаются «Записки охотника» новым изданием.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 8-9 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 867».

¹ Возможно, имеется в виду статья, опубликованная во второй книжке Пермского сборника: *Эйгер Н.* Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии на ней торговли // Пермский сборник: повременное издание. — М., 1860. — Кн. 2. — Отд. III. — С. 1-17.

Николай Егорович Эйгер, 1824 г. рождения, выпускник пермской мужской гимназии 1842 года. В 1843—1849 гг. — учитель истории и географии Ирбитского уездного училища, с 1849 г. — штатный смотритель этого же училища. (*Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820—1870): ист. записка. — Тюмень, 1871. — С. 95; *Калинина Т.А.* «Пещись о детях»: (Первые шаги образования в Ирбите) // Ирбит и Ирбитский край: очерки истории и культуры. — Екатеринбург, 2006. — С. 159).

² *Цереннер* Карл Христофор Готлиб (1780—1852) — немецкий педагог. Имеется в виду его работа «Erdkunde des Gouvernements Perm als Beitrag zur nahern Kenntniss Russland» (Ч. 1-3. Лейпциг, 1851—1853).

³ Имеется ввиду статья-фельетон *Н.А. Фирсова* «Пермская хроника» (Русский дневник. — 1859. — 27, 28 марта (№ 67,68). — Подпись: Корреспондент). См. раздел в настоящем «Смышляевском сборнике»: «Пермь и Пермская губерния на страницах газеты «Русский дневник».

⁴ *ex ungue leonem* (лат.) — по когтям льва [узнают]. Возможно, Д.Д. Смышляев имеет в виду стихотворение А.С. Пушкина, где описана подобная ситуация: «Недавно я стихами как-то свистнул || И выдал их без подписи моей; || Журнальный шут о них статейку тиснул, || Без подписи ж пустив ее, злодей. || Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту || Не удалось прикрыть своих проказ: || Он по когтям узнал меня в минуту, || Я по ушам узнал его как раз».

⁵ Д.Д. Смышляев имеет в виду известную басню И.А. Крылова: «Кукушка и петух»: «За что же, не боясь греха, || Кукушка хвалит Петуха? || За то, что хвалит он Кукушку».

⁶ Имеется ввиду статья *Д.Д. Смышляева* «Вести из Перми» (Русский дневник. — 1859. — 1 марта (№ 46). — Подпись: Пермь). См. раздел в настоящем «Смышляевском сборнике»: «Пермь и Пермская губерния на страницах газеты «Русский дневник».

⁷ Возможно, Смышляев имеет ввиду затянувшиеся хлопоты по наследству, доставшемуся ему от отца, Д.Е. Смышляева, который скончался 6 мая 1857 г. Дмитрий Дмитриевич ликвидировал все предпринимательские дела отца, занимался продажей дома, лавок в гостином дворе, улаживал спорные вопросы о наследстве с родственниками и пр. (Свидетель века: Дом Смышляева в Перми: к 180-летию Д.Д. Смышляева. — 2-е изд. — Пермь, 2008. — С. 65, 70 и др.).

⁸ Имеется ввиду статья: *Федоровский В.А.* Подольско-витебский откуп (не повесть) // Современник. — 1859. — Т. 74, № 3 (март) — С. 1-25. В статье критически разобрана публикация: *Кокорев В.* Об откупах на продажу вина // Русский вестник. — 1858. — Т. 18, кн. 1. — С. 24-48.

Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — откупщик-миллионер. Он был обвинен в несостоятельности проектов акцизно-откупного комиссионерства 1840-х — 1850-х гг., а также в многочисленных злоупотреблениях, произволе и воровстве при предложенных им винокурных акцизах. В.А. Кокорев подвигнулся также на почве либеральной публицистики, за что постоянно, из номера в номер, высмеивался Н.А. Добролюбовым на страницах журнала «Современник» и его сатирического приложения — «Свисток».

VIII

Тверь. 22 мая 1859.

Приехал я сюда вчера и к огорчению моему узнал, что ранее воскресенья пароход не идет отсюда. Пользуясь, таким образом, избытком свободного времени, нахожу не лишним дать вам, любезнейший Николай Алексеевич, отчет по изданию Сборника. Как усиленно не хлопотал я, но печатание книжки при мне не окончено. Хорошо, что добрейший Людвиг Яковлевич¹ взял на себя все заботы о нем и распоряжение по выходе из типографии книжкою. Дело же оставлено ему на руки вот в каком виде. Первый отдел почти окончен; осталось только напечатать поллиста приложений к Вашей статье. Из второго отдела отпечатаны статьи о свадебных обрядах чердынских и начало песен, присланных Зыряновым; продолжение их, сказки и загадки, набраны и просмотрены мною в гранках, без сверстки. Третьего отдела отпечатан только один лист статьи Планера о Пермских заводах; за тем все остальное уже набрано. Четвертый отдел, начинающийся статьей Успенского² очерк ю[го]-з[ападной] части Шадринского уезда, начали набирать. На той неделе, т.е. дней через десять, книжка должна выйти из типографии. Состав ее следующий. I отдел: 1) Крупенина статья, 2) О Пугачевщине Зырянова, 3) О том же — Планера, 4) Предание об Улугушской крепости — Зырянова (с рисунком), 5) Соликамские деревни Словоцова, 6) Сапца и Позмог — его же, 7) О шадринских курганах — Зырянова, 8) Заметка о пермских древностях — Ешевского (с четырьмя таблицами рисунков), 9) Об училищах — ваша. II отдел. 1) О чердынских обрядах, 2) 10 песен, 3) 11 сказок, 4) 20 загадок. III отдел. 1) О Пермских заводах — Планера, 2) О лесохозяйстве Теплоухова. IV отдел: Смесь: 1) статья Успенского, 2) Воспоминания: || 1) Воспоминания о докторе Грале — М.Я. Киттары³, 2) Нечто о Феонове⁴ — Мухачева и дополнение к рассказу Мухачева от редакции; 3) Приложение: письма Демидовых. Может быть, еще Корсак доставит статью о Черкасовском банке⁵ в Соликамске, если успеет кончить ее. Она печатается в таком случае между статьей Успенского — Воспоминаниями. Объем книжки будет в 2931 лист. Наружность

книжки безукоризненна. Обертка так же как на Современнике; заголовок, весьма красивый, вырезан по заказу на меди; бумага — как в Русском вестнике одинакового достоинства. Благодаря, во-первых, г. Хвостову⁶, который, во время моей поездки в Питер взялся за корректуру и, во-вторых, моей неопытности, первые статьи до того преисполнены опечаток, что один лист Зыряновской статьи я должен был перепечатать.

Теперь, о внутреннем достоинстве. Говоря без комплиментов, ваша статья об училищах составляет украшение первой книжки; остальные почти все не без достоинств, исключая статью Крупенина, за которую нас будут бранить, и сильно бранить⁷. Кроме того, что она проникнута крайне добродетельным направлением, она противоречит еще вашей статье, факты которой опровергать нельзя, ибо они взяты из дел. Он говорит, напр[имер], что, при открытии училищ, все сословия приняли в этом деле горячее участие и всех сословий ученики наполнили Пермское народное училище (что-то вроде этого); а Вы говорите прямо, что ни одного ученика из благородного сословия не поступило в училище и объясняете этот факт неприязненным отношением благородной кости к делу образования. Я долго [ждал] и в заметке и в ж...[так в письме. — С.П.], думал, что же || мне делать с таким противоречием? Коверкать Вашу статью или, что хуже еще, вовсе не печатать в первой книжке — не приходилось... взял да и катнул! Пусть ругают! Только, пожалуйста, о статье Крупенина — между нами! Я не хочу его огорчать. Пусть рецензии убедят наших рутинистов, что их воззрения уже отжили свое время! С Вашей статьей я много настрадался, хотя и напрасно, и кроме этого обстоятельства. Расскажу обо всем при личном свидании; а теперь замечу только, что в ней Вы не досчитаетесь всего осьми строк. Похабные песни, присланные Зыряновым, прошли все благополучно. Я, признаюсь, затруднялся их печатать; но профессор Буслаев⁸, который их просматривал, убедил меня печатать их без перемен. В дополнение к рассказу о Феонове Мухачева, я поместил все, что у меня Вы видели в записной книжке, даже отрывок знаменитой сатиры на Тюфяева.

Портрет Граля отпечатан в 200 экземплярах, и я везу его с собою. По приезде сдам его Иконникову⁹. Между прочим, я кое-что приобрел для второй книжки. В Лазаревском Институте Вост[очных] Языков¹⁰ оказались пермские древности, весьма интересные. Я просил позволение снять рисунки и литографии уже делаются, так что мне привезут их в транспорте, с которым отправятся экземпляры первой книжки; а Ешевский выйдет в редакцию их описание.

Передайте Иконникову, что вследствие изъявленного им согласия я объявляю об открытии у него, при библиотеке, конторы Пермского сборника, откуда будет можно получать издания; а так как книжка, может быть, замедлится в доставке, то предполагаю заблаговременно открыть у него подписку, на каковой предмет у меня уже изготовлена и книга с печатными билетами, которые везу с собою.

Кошихина¹¹ я в Москве не отыскал; надобно будет подождать нового издания, которое уже готовится.

Состав второй книжки предполагается следующий: 1) Материалы для истории Чердынско-Соликамского края Словцова. От него я получил письмо, в котором он наверное мне их обещает, 2) Об Иоакимфе — Плотникова¹², 3) Ваша статья, содержание кот[орой], впрочем, не знаю; но вероятно — историческая, 4) О пермяках Рогова¹³ 5) остальные песни и сказки из Сборника, присланного Зыряновым, 6) Пермские древности (с рисунками), 7) Бюджеты — Теплоухова, 8) заметки Городского, 9) Воспоминания, материалы для которых, вероятно, найдутся, 10) В приложениях: письма Димитрия и отрывок из записки моего отца 11) Указатель статей о Пермском крае Муллова¹⁴. А может статьи и еще что-нибудь Бог пошлет!

Жена пишет мне, что Маслов¹⁵ готовит ругательную статью обо мне в Русский дневник, по поводу Вестей из Перми. Если напишет что-нибудь такое, что может повредить изданию Сборника, или вообще что-нибудь заслуживающее ответа, то полагаю, что в долгу не останусь. В противном случае, до объяснений с ним не унижусь. Вот они, современные то крикуны, клякеры¹⁶, посылающие в журналы статьи филантропического содержания (которые, впрочем, я не видел еще напечатанными)! В защиту рутинистов и дряхлых порядков тоже, видно, при случае, готовы поострить пером... Э, да чорт с ними! ||

Живя в Москве, скомплектовал я, между прочим, библиотечку для Иванищевского села и книги туда уже выслал; выписал также для них Русскую газету. Но как трудно выбрать что-нибудь подходящее для простонародной библиотеки.

Сколько изданий в настоящем году прекратило существование! И все большею частию, московские. Перечту их: 1) Парус, 2) Промышленный листок, 3) Сельское благоустройство, 4) Журнал для землевладельцев. Готовятся к ликвидации: 1) Московское обозрение (весьма дельный журнал). 2) Атений (!?). А между тем, новые затеваются. Корш¹⁷ оставляет редакцию Московских ведомостей, которую, кажется, примет после него его помощник — Бестужев-

Рюмин. Корш же делается издателем небывалой у нас доселе политической газеты, редакторами которой, по отделам, будут: Соловьев, Бабст¹⁸ и Дмитриев (юрист). Скажу Вам на ушко, что и Русский дневник едва ли дотянется до сентября, если не получит субсидии от правительства, о которой, кажется, хлопочет. У него всего 1600 подписчиков, которыми он существовать не может.

О крестьянском вопросе ничего не слышно. Говорят только, что будто бы к сентябрю все крестьяне будут объявлены свободными, без окончания вопроса о выкупе.

В Москве, как Вам известно уже вероятно, новый генерал-губернатор¹⁹. Он весьма интересуется Пермским Сборником, и я распорядился уже доставить ему экземпляр. Может быть (по крайней мере, я имею некоторое основание надеяться), его знаменитый кабинет пермских древностей будет материалом || и для Пермского Сборника. Да, материал был бы богатый и надолго бы его хватило.

С каким наслаждением провел я последний вечер в Москве! Я был в театре, где давали знаменитого Недоросля²⁰. Хорошее произведение никогда не стареет. И как выполнено то было... великолепно! Скотинина играл Садовский, Митрофанушку — Васильев. Да, немного написано после него хороших пьес. Самые серьезные места в пьесе, современные еще и теперь, вызвали громкие рукоплескания. Это отрадно, как хотите. Значит, мысль живет же в обществе. Конечно, рукоплескала этим местам молодежь, а старичье скося только посматривало на нее. Да ведь в этом то и суть!

А сколько новых изданий появилось в книжных лавках: вышел 1 том Белинского, Записки охотника Тургенева. Готовится новое издание Некрасова (!).

Читали ли Вы в Моск[овских] вед[омостях] рассказы из Вседневной жизни²¹? Если не читали, то возьмите у Иконникова №№ месяца за два и проследите их. Стоит того! Это уже не та гласность, которая находит место в Русском дневнике!

Что-то подельвает Федя? Ужели еще пожирел? Говорят, опять спектакли в Перми готовятся... Жаль, что я их не увижу.

Якову Ивановичу и Соловьеву — мой поклон, и родным. Будьте здоровы и веселы! К половине июля надеюсь быть в Перми и видеть Вас.

Весь Ваш Д. Смышляев.

Последнее письмо Ваше получил я чрез Хвостова.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 10-12 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 870».

¹ Людвиг Яковлевич — личность не установлена.

² **Успенский Тихон Иванович** — священник, краевед, один из авторов «Пермского сборника».

³ **Киттары Модест Яковлевич**. Смышляев о нем: «Сын пермского губернского землемера, воспитанник Казанского университета, доктор естественных наук и технологии, профессор технологии Казанского, потом Московского университетов, служивший, по выходе из учебного ведомства, в военном министерстве. В пермской гимназии он кончил курс, должно быть, в 1836 году [в 1840 г. — Ред.]. Это был человек замечательный своим неутомимым трудолюбием и единовременной разнообразною деятельностью. Так, будучи в Казани профессором университета, он, в качестве секретаря Имп. Казанского Экономического общества, был душою его; при нем только оно и проявило признаки жизни; основал ежемесячное издание «Записок» этого общества, с его переходом в Москву, прекративших свое существование; имел, в компании с лаборантом университета Грахе, заведение искусственных минеральных вод, помогал своими опытами и руководством в устройстве многих наиболее значительных заводов в Казани, как, например, стеаринового, гг. Крестьянских, кожевенных и др. В Москве деятельность его развилась до невероятной степени. Читая лекции в университете, он был, в то же время, преподавателем технологии в ремесленном училище Имп. Воспитательного дома, директором практической академии, секретарем Имп. общества сельского хозяйства, редактором ежемесячного журнала этого общества, редактором собственного журнала «Промышленный Листок» (выходил три раза в неделю), перевел громадное издание химии Муспрата, читал в академии публичные лекции товароведения, читал, по приглашению военного министерства, лекции для чиновников интендантского ведомства, делал опыты над приготовлением консервов для войск и потом сам фабриковал их на продажу, приготовлял для продажи дезинфекционный порошок, не говоря уже о том, что в редкие минуты, когда он бывал дома, у него можно было встретить всякого рода фабрикантов и заводчиков, которым он давал советы, чертежи, по просьбам которых производил в ремесленном училище опыты и т.д. Ему принадлежит самое обстоятельное описание кунгурской ледяной пещеры, помещенное в Журн. Мин. Внутрен. Дел, с планом ее, составленное им еще в бытность студентом Казанского университета, а в Пермском Сборнике (1859 г.) напечатаны его «Воспоминания о докторе Ф.Х. Грале». (Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891. — С. 76-77.)

Кунгуряки отблагодарили М.Я. Киттары — его имя было присвоено главной улице города («Киттарская»).

⁴ **Феонов Василий Тихонович** (1794 или 1791—1835) — пермский поэт, сатирик, выпускник Казанского университета (1817), учитель логики и риторики Пермской мужской гимназии (1817—1831). (Бурцев Г.Н. Пермский пленник, или Житие и стихи В.Т. Феонова. — Пермь, 2003; Красноперов Д.А. Литературная память Перми: краевед. заметки. — Пермь, 2010).

⁵ **Черкасовский банк** в г. Соликамске, основан в 1861 г. на средства, пожертвованные уроженцем Соликамска, севастопольским купцом 1-й гильдии Петром Ионовичем Черкасовым (15000 рублей были внесены им в Пер-

мский приказ общественного призрения). (Соликамский общественный Черкасова банк: краткий очерк 50-ти летнего существования Банка. — Пермь, 1911. — 30 с.)

⁶ *Хвостов* — личность не установлена, вероятно, бывший ученик Н.А. Фирсова, выпускник пермской гимназии, а затем студент Московского университета Михаил Никифорович Хвостов.

⁷ «нас будут бранить, и сильно бранить...» Действительно, **Николай Александрович Добролюбов** в рецензии на «Пермский сборник» отметил статью Н.А. Фирсова как самую прогрессивную в книге, а статью А.Д. Крупенина счел слабой, необязательной для сборника, обвинив автора в «местно-патриотическом направлении», очень непопулярном в те годы. (*Добролюбов Н.А. Собрание сочинений.* — М., 1962. — Т. 5. — С. 402-416; *Быстрых Т.И. Н.А. Добролюбов и «Пермский сборник» // Вестник Смышляевских чтений.* — Пермь, 1994. — Вып. 1. — С. 27-32).

⁸ *Буслаев* Федор Иванович (1818—1897) — профессор Московского университета, филолог и искусствовед, исследователь древней русской литературы, языка и фольклора, крупнейший специалист своего времени по народному творчеству. (*Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней).* — Т. 5. — СПб., 1897. — С. 291-327). Обращение Д.Д. Смышляева за консультацией к Ф.И. Буслаеву ярко характеризует его стремление добиться самого высокого качества «Пермского сборника».

⁹ Портрет доктора Ф.Х. Граля продавался позднее в конторе «Пермского сборника», при частной библиотеке А.И. Иконникова, о чем было дано объявление в «Пермских губернских ведомостях». **Иконников Александр Иванович** — общественный и революционный деятель.

¹⁰ *Лазаревский институт восточных языков* основан в Москве в 1815 г. как частное «Армянское Лазаревых училище»; учредителем его считается Еким Лазаревич Лазарев (1743—1826). История рода Лазаревых (позднее Абамелек-Лазаревых) тесно связана с Пермским краем. Наряду с общеобразовательными функциями Институт выполнял и такие, как подготовка переводчиков с восточных языков, учителей для армянских школ, священников; здесь велись исследования по изучению азиатских народов. В настоящее время в здании Института размещается посольство Республики Армения. При Институте работала типография, в которой Д.Д. Смышляев издавал первый том своего «Пермского сборника» (второй том печатали в типографии Грачева и Компании). Лазаревы приобрели для нее высококачественное оборудование в Париже и Лондоне. Типография считалась одной из лучших в Москве: она имела шрифты на 13 языках. Здесь печатались сочинения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского; произведения европейских ученых, поэтов и писателей.

¹¹ *Котошихин* Григорий Карпович (или Кошихин; он же Иван-Александр Селицкий, ум. 1667) — чиновник российского Посольского приказа, перебежавший в Швецию и создавший по заказу шведского правительства обширное сочинение, являющееся важным источником по истории России XVII века. Котошихин был казнен в Швеции за уголовное преступление. Сочинение Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» было издано Императорской археографической комиссией три раза: в 1840, 1859 и 1884 гг. Д.Д. Смышляев пишет о втором издании книги Г.К. Котошихина. (*Брокгауз.* — Т. 16. — С. 445).

¹² Статья Григория *Плотникова*, далматовского протоиерея, опубликована во второй книжке «Пермского сборника» (1860).

¹³ *Рогов* Николай Абрамович (1825—1905) — исследователь коми-пермяцкого языка и быта коми-пермяков, лесовод, лингвист, этнограф. Выходец из крепостных крестьян Строгановых, личный почетный гражданин. Опубликовал свыше 50 работ, посвященных разнообразным вопросам развития Пермского края, особенно известен как составитель «Пермячко-русского и русско-пермяцкого словаря» (СПб, 1869). (*Краеведы II.* — С. 284-284).

¹⁴ *Заказанный Муллову указатель*, по-видимому, не был подготовлен. Во второй книжке «Пермского сборника» опубликован библиографический список, составленный самим Д.Д. Смышляевым: *С. Указатель статей о Пермской губернии в «Казанских известиях» // Пермский сборник: повременное издание.* — М., 1860. — Кн. 2. — Прил., с. XVII-XX.

П. А. Муллов (1832—1893) — юрист, выпускник пермской мужской гимназии 1851 года. В книге *А.В. Зверева* «Старейшее учебное заведение г. Перми» (1908) он числится в списке «Имен наиболее выдающихся из воспитанников пермской гимназии»: «Муллов, Павел Андреевич, по окончании курса в Казанском университете читал лекции на юридическом факультете, а затем, переехавши в Петербург, принимал участие в редакциях «Журнала Министерства юстиции» и «Юридического сборника»; служил в Министерстве юстиции и был потом товарищем прокурора Кассационного Департамента Сената».

Известно также, что П.А. Муллов работал в археографической комиссии, публиковался в «Архиве исторических и практических сведений», «Веке», «Записках Казанского экономического общества».

¹⁵ В «Русском дневнике» критическая статья **Степана Алексеевича Маслова** о деятельности Д.Д. Смышляева не была опубликована. Д.Д. Смышляев познакомился с Масловым в 1851 году, когда они вместе ездили на первую всемирную выставку в Лондоне, а также совершили путешествие по европейским странам: побывали в Англии, Шотландии, Германии, Франции, а также в Афинах и Константинополе. Для Смышляева это была первая заграничная поездка. Позднее он написал «Воспоминания о мартинисте С.А. Маслове» (Пермский край: сб. сведений о Пермской губернии. — Пермь, 1895. — Т. 3. — С. 12-16).

Мартинизм — мистическое учение, распространенное среди масонов в XVIII в. (по имени его основателя Мартинеса Паскалиса). Статья написана для журнала «Русская старина», но почему-то не была опубликована. После смерти Смышляева А.А. Дмитриев, закончивший работу над третьим томом его сборника «Пермский край», включил в него «Воспоминания о мартинисте С.А. Маслове». Маслов был последователем Н.И. Новикова, мистиком, вел монашеский образ жизни, писал стихи. По воспоминаниям А.А. Дмитриева, портрет Новикова всегда висел и в кабинете у Д.Д. Смышляева.

¹⁶ *Клякеры* — так называли людей, которые по заказу освистывали кого-то.

¹⁷ **Корш Валентин Федорович** — журналист, публицист.

¹⁸ **Бабст Иван Кондратьевич** — историк и экономист.

¹⁹ В 1859 г. (до сентября) московским генерал-губернатором был Сергей Григорьевич Строганов (1794—1881), известный как меценат, коллекционер и археолог. В его кабинете пермских древностей хранилось «сасанидское

серебро» и «чудские древности», собранные главным лесничим пермских имений Строгановых А.Е. Теплоуховым. В настоящее время значительная часть коллекций С.Г. Строганова хранится в Эрмитаже.

²⁰ Спектакль по комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» Д.Д. Смышляев смотрел в московском Малом театре. Театр был официально открыт в 1824 г., а в 1859 г. находился на пике своей славы. В этом году началась новая эпоха в его истории — 16 ноября здесь впервые была поставлена «Гроза» А.Н. Островского. Пров Михайлович Садовский (Ермилов) (1818—1872), игравший Скотинина, был в это время одним из самых известных актеров в Москве, он работал в Малом с 1839 г. и до конца жизни. Митрофанушку играл Сергей Васильевич Васильев, также известный и любимый зрителями артист. Вскоре, в 1861 г., он вынужден был уйти из театра, потеряв зрение.

²¹ Имеется ввиду литературный отдел в газете «Московские ведомости» «Рассказы из Вседневной жизни», где публиковались очерки из разных российских губерний.

IX

Москва. Февраль 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Письмо ваше, извещающее о том, что статьи, которых я ждал, не будут высланы, повергло в довольно нехорошее состояние духа; но делать было нечего: пришлось закончить книжку тем, что было послано. Книжка вышла и поступила в продажу, но едва ли содержание ее обеспечивает успешный расход ее...¹ Впрочем, что свершилось — того не воротишь, а снова нечего и говорить о том, что было бы, если бы и т[ак] д[алее]. Испытанная неудача не охладила, однако же, моего намерения издать третью книжку Сборника. На этот раз только я не брошусь в воду, не спросясь броду, и только тогда буду готов приняться за нее, если Вы, Николай Алексеевич, примете совершенно на себя укомплектовать 30 печатных листов, и притом такими материалами, которые, действительно, были бы важны, интересны и новы, причем я все-таки буду надеяться на Вашу большую статью «О быте П[ермского] народонаселения». Если Вы, со своей стороны, не прочь от моего предложения, то к Вашим услугам — все готово: закуплена бумага и отправлена в Пермь (при получении этого письма она уже, наверное, будет на месте); губернская типография в достаточном количестве снабжена хорошими шрифтами; условия || мои с нею о печатании, на случай продолжения издания приняты начальством. Буду ожидать на все это вашей отписки, так как волею судеб я остаюсь в Москве до весны. А вот и адрес мой, если Вам придет охота писать: на Средтенке, дом Малюшина, гостиница Крюгера, № 3.

Пишут в газете, что Пермские губернские ведомости являются в новом виде, к ним пришивается хвост Прибавлений «учено-литературного» содержания². Дело хорошее... Только откуда и как? — не могу догадаться. Почему то кажется, что это предприятие Иконникова, — в таком случае очень и очень не дурно. Только что за неопределенная фраза, при объяснении цели издания: «так как большая часть публики не имеет способов выписывать журналы, покупать книги, то предполагается кормить ее Прибавлениями, а в этих Прибавлениях предполагается сообщать все новости общественной и литературной жизни (нечто вроде [нрзб] — почти revues³?), также печатать повести, рассказы и т[ому] под[обное]...». Так ли я понял? Да ведь это программа толстого ежемесячного журнала, а не листка обыкновенного размера Губ[ернских] Вед[омостей], выходящего раз в неделю, в котором все-таки главное место, кроме недельных новостей и т[ому] под[обного], должны занимать статьи, посвященные «изучению Пермского края». И на этот пункт, уж сделайте такое одолжение, || отпишите тоже.

Здесь много деется хорошего, еще более ожидается в непродолжительном времени. Дай бог! В настоящее время так много развелось разных газет, журналов и т[ому] под[обного], страстно следящих за всеми явлениями жизни общественной, что на долю приятельской корреспонденции из столицы остается весьма немногое. Большую часть того, о чем я намерен, в виде новостей, сообщить Вам в этом письме, Вы наверное знаете уже из печатных известий; но чтоб Вы не пожаловались на мою леность, решаюсь писать если не обо всем, то о большей части того, что мне уже случилось видеть, слышать и даже читать в последнее время.

Русский человек чрезвычайно способен увлекаться чувством подражания, — истина, кажется, не подлежащая сомнению, ровно как и другое, сродни ей, что Питер служит законодателем мод для Москвы, откуда уже эти моды распространяются и по провинциям. В Питере с прошедшего года начались публичные лекции, и пока были в моде, посещались множеством всякого народа; несмотря на то, что они уже успели понадоеть публике, которая, по удачному выражению г. Ламанского, обратившемуся (т.е. выражению) в притчу, должно быть, еще не созрела до них⁴; в нынешнем году число читающих в Питере лекции (публ[ичные]) утроилось. Затеяли и в Москве тоже. Читают в университете лекции физики и истории Англии XVIII века (с платою за вход) и в Коммерч[еской] академии (бесплатно). || Политической Экономии (Бабст) и Товароведения (Киттары). По поводу полицейского порядка во время лекций в академии, было несколько курьезных сцен, ожидаются в Нашем времени и в Московских ведомостях. В отношении же смысла

лекций, которые я посещаю постоянно, могу сказать только, что г. Бабст как будто сквозь сон дарит публику quasi-драгоценными⁵ истинами науки, которые не выкупаются ни особенною новостью, ни взглядом на них профессора, ни популярностью выражения их. Киттары — в одну лекцию обругает подлость, невежество и другие прекрасные качества, отличающие наше почтенное купеческое сословие, а в следующую затем — извиняется перед публикою «что делать — говорит — нельзя! Нынче все костят и ругаются, — нельзя же мне отставать... Впрочем, говорит, Вы больше то на свой счет не принимайте этого, я ведь говорил вообще, а вовсе Вас ввиду не имел. У меня, говорит, столько знакомых между Вами, и все, говорит, какие достойные люди...» Ну, а те и ухмыляются с приятствием в брады... «Ты то — думаешь себе — ведь мы знаем, что ты наш... За что ты нас бранить будешь!...»

Носятся слухи, будто бы редакция Русского вестника, подозревая Бабста в намерении читать лекции, под влиянием которых московский протекционизм, выписала де [в] противодействие ему бельгийского политика-экономиста де Молинали⁶, который с 23 февраля и начнет свой публичный курс Полит[ической] Экономии. Дескать это я плохо разумею франц[узский]...

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 13-14 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 861». Конец письма утрачен.

¹ Речь идет речь о втором томе «Пермского сборника». Подобными сожалениями по поводу его содержания Смышляев поделился с Н.К. Чупину в письме от 14 марта 1860 г. (Письма Д.Д.Смышляева Н.К.Чупину (1855—1881) / публ. Л.С. Рафиенко // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2001. — Вып. 3. — С. 247-248).

² В конце 1859 г. в «Пермских губернских ведомостях» (18 дек., № 51) появилось «Объявление от редакции», «имеющей честь донести до сведения публики, что в последнее время приступлено к разным улучшениям сего издания. Необходимость этих улучшений вызвана современными потребностями среднего и недостаточного круга нашего общества, которое, не имея возможности выписывать для себя журналы и другие дорогие по цене книги, нередко ограничивается весьма скудными понятиями о богатстве края и о литературном мире. Основная цель улучшения вообще способствовать развитию изучения края и служить в том посредником большинству». Для неофициальной части была принята следующая программа: 1. Известия. 2. Ученолитературный отдел. 3. Объявления. Предлагалось присылать статьи, посвященные географии и этнографии губернии, истории и археологии, естествознанию, сельскому хозяйству, промышленности и торговле; а также помещать хронологические перечни и библиографические списки. Сообщалось также, что «губернское начальство признало полезным» приглашать частных сотрудников помещать статьи в неофициальной части ведомостей

в соответствии с программой, выплачивая им специальный «гонорарий» в размере от 8 до 12 рублей. В течение 1860 г. подобные объявления печатались регулярно (см., например: ПГВ. 1860. 18 нояб. и др.)

Редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» с 1860 г. становится С.С. Пенн. Вероятно, полностью намеченная программа не была им выполнена, но губернские ведомости 1860 года разительно отличаются от прошлогодних. В 1859 г. здесь лишь постоянные перепечатки из центральных газет и ведомостей других губерний, местные материалы очень редки. Даже страшный июньский пожар не был никак отражен, не говоря о других городских событиях. В 1860 г., помимо крупных краеведческих публикаций, уже регулярно печатаются сведения о литературно-музыкальных вечерах, об открытии библиотек и женского училища и пр.

³ *revue* (франц.) — обзорение.

⁴ *Ламанский* Евгений Иванович (1825—1902) — экономист, специалист по финансовым вопросам. Он был «супер-арбитром» на публичном диспуте в петербургском Пассаже 13 декабря 1859 г. по поводу деятельности «Русского общества пароходства и торговли». Когда полемика стала слишком бурной, Ламанский потребовал замолчать и закрыл диспут, объявив, что русское общество «еще не созрело» для публичного обсуждения спорных вопросов. Неосторожная фраза ученого вызвала большой резонанс и долго обсуждалась в печати, по этому поводу были написаны стихотворные пародии. Н.А. Добролюбов отозвался на этот инцидент статьей «Любопытный пассаж в истории русской словесности» (Современник, 1859, № 12). Позднее об этом событии упоминали: М.А. Антонович в статье «Литературный кризис»: «...Если б в прежнее время кто-нибудь сказал хоть слово в защиту консерватизма, он бы подвергся ужаснейшим нападениям, против него написали бы целую кучу литературных протестов; вспомните, как досталось г. Ламанскому за одно слово «не созрели!» (Современник, 1863, № 1-2); Ф.М. Достоевский в «Записках о русской литературе»: «...Еще так недавно господин Ламанский среди всего Пассажа доложил нам, что мы не созрели. Господи, как мы обиделись!» и многие др.

⁵ *quasi* (лат.) — как бы, почти.

⁶ *Густав де Молинали* — бельгийский политико-экономист.

X

Москва. 20 марта 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Благодарю Вас за два письма Ваших и брошюру. О третьей книжке Сборника я надеюсь в Перми переговорить с Вами, и тогда решить с Вами в отношении материальных расходов по изданию; а теперь скажу только, что я вполне разделяю Ваше воззрение на цель и состав издания. Если Вы припоминаете, я с самого начала высказывал то же самое, — но Вы были свидетелем, чего мне стоило устроить дела по отношению к сильным мира сего, и тогда нельзя было и думать о том, что становится возможным теперь, когда благодетельная гласность¹ и т[ак] д[алее], говоря словами Нового поэта² — конец фразы тот же.

На письмо В.Л. Долинского, полученное мною через Вас — могу сказать только, что совершенно согласен на его обещанное предложение и буду Вас покорнейше просить по требованию его отправить книги по сообщенному им адресу (в 12 Башкирский кантон, в Осинский уезд). Я думаю, отправку можно устроить чрез г. Лемана³, если же он не возьмется, то, по крайней мере, застраховать у него, на случай утраты. Деньги может выслать канцелярия командующего Башкирским войском прямо на ваше имя. Вторая книжка отправлена отсюда еще 10 февраля; но так как транспортировка мелких кладей у нас в России еще пока крайне затруднительна, то нет ничего мудреного, что книжка попадет в Пермь не ранее весны. Поэтому я вас покорнейше прошу отправить сначала 1-ю книжку (если не получена еще 2-я, разумеется) и затем уведомить канцелярию об этом, а равно и о том, что 2-я будет немедленно послана туда же, как только привезут ее в Пермь.

Если у Вас 80 [рублей], полученные от г. Лемана, еще не израсходованы все, то прошу вас отправить к Теплоухову за 1S листа его статьи, помещенной во 2-й книжке, 52 р. 50 к. Сама книжка и отдельные оттиски уже к нему отправлены.

Простите! Поклонитесь Василию Львовичу и Якову Ивановичу. Душевно уважающий Вас Д. Смышляев.

P.S. Из Питера привезли новость, что [нрзб] идет бойко и к 1 июля непременно будет вырешен.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 15-15 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 859».

¹ «Благодетельная гласность» — по-видимому, впервые это словосочетание появилось в статье Н.А. Добролюбова «Русские в доблестях своих», опубликованной в первом номере журнала «Свисток» — приложения к «Современнику» — вышедшему в свет в январе 1859 г.: «В настоящее время, когда Россия возрождается к новой жизни и когда весь мир устремил на нее полные ожидания очи, когда повсюду водворяется у нас благодетельная гласность, грустно истинному патриоту видеть, что нет такого сборника, где бы увековечивались все прекрасные явления русской жизни...» О благодетельной гласности Добролюбов говорит в статье «Когда же придет настоящий день». В начале 1860-х гг. эти слова стали нарицательными; само это время, по словам Ф.М. Достоевского, было временем «благодетельной гласности», под этим определением и вошло в историю. Выражение стало настолько популярным, что использовалось повсеместно, как известными журналистами и писателями, так и рядовыми авторами провинциальных газет, и горячо обсуждалось российской интеллигенцией. Не случайно оно появляется и в письмах Д.Д. Смышляева.

² «Новый поэт» — псевдоним Панаева Ивана Ивановича (1812—1862). С 1847 г. И.И. Панаев вместе с Н.А. Некрасовым был издателем-редактором журнала «Современник». Под псевдонимом «Новый поэт» опубликовал в журнале множество обзоров, фельетонов, очерков. В 1851—1855 гг. вел ежемесячное обозрение «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», а в 1855—1861 гг. — «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта». Однако, по мнению некоторых ученых, под псевдонимом «Новый поэт» скрывался коллектив авторов «Современника», нередко и Н.А. Некрасов подписывал так свои стихотворные пародии. (Боград В. Журнал «Современник» 1847—1866: указатель содержания. — М.; Л., 1959. — С. 478).

³ Леман — личность не установлена. Есть сведения о том, что некий действительный статский советник Леман в период с 18 по 25 мая 1860 г. приехал в Пермь из Петербурга и сразу выехал в Екатеринбург (ПГВ. 1860. 26 мая).

XI

Москва. 3 апреля 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Вся надежда, что не обременю Вас моею просьбой, прилагаю при сем письмо, которое покорнейше прошу Вас потрудиться доставить по адресу, и, если возможно, лично.

Не знаю, как распорядиться с дальнейшею пересылкою, потому что через три недели я уже в Москве не буду, но вместе с тем и не в Пермь выеду; а потому, если Вы придумаете что-нибудь по этому поводу, то сообщите письмом Петру Ионовичу Черкасову¹ в С.-Петербург (на Английской набережной в доме Игнатовой).

Оный же Петр Ионович принимает живейшее участие в желании Вашем переселиться в столицы, и дал мне слово употребить все усилия для доставления Вам, в случае вакансии, места учителя одной из петербургских гимназий². При его знакомствах — это не невозможно.

На этот раз имею Вам сообщить || важную новость. На прошедшей неделе скончалась в Москве известная своим безобразием и неразгаданным происхождением Юлия Пастрана, после трудных родов. Рожденное ею существо, мужского пола, вытащили щипцами, вследствие того, что таз ее был устроен не как у человека или обезьяны, а как у коровы (не шутя); существо умерло вскоре после его извлечения, замечательно, что оно было гораздо безобразнее матери и покрыто с ног до головы длинной шерстью. Муж продал жену и сына для анатомического кабинета в здании университета. Оба они набальзамированы, и на Пасхе публика будет допущена к осмотру их.

Засим, восклицая: Христос воскрес! трижды — поздравляю Вас со Святым праздником, желаю сохранить в порядке Ваш желудок и прошу передать все восклицания и поздравления также Василию Львовичу и Якову Ивановичу.

Ваш Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 16-16 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 865».

¹ П.И. Черкасов — основатель Черкасовского банка. См. в настоящей публикации письмо № VIII от 22 мая 1859 г.

² Н.А. Фирсов 17 августа 1955 г., после окончания Главного педагогического института в Петербурге, был назначен старшим учителем истории в пермскую гимназию с обязательством прослужить по учебному ведомству Министерства народного просвещения не менее восьми лет (Формулярный список о службе Н.А. Фирсова. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. совет. Д. 4473. Л. 5-10). Поскольку отношения его с директором гимназии И.Ф. Грацинским не сложились с самого начала, Николай Алексеевич пытался найти место для службы где-нибудь в другом городе. Д.Д. Смышляев принимал деятельное участие в этих поисках.

XII

Москва. 14 апреля 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Не отвечаю на два любезных письма Ваших единственно потому, что надеюсь увидеться скоро с Вами в Перми. Недавно я писал Вам, что я выеду отсюда не в Пермь, но обстоятельства направляют стопы мои туда против воли. Теперь же имею надобность сообщить Вам следующее: о Вас говорят с кем подобает; если Вы не раздумали оставить Пермь, то потрудитесь составить коротенькую заметку* (в третьем лице), в которой должно быть сказано: кто желает перейти на службу в Питер, на какие места (или место), какие побудительные причины к тому (полагаю — желание следить за наукою, — к чему нет средств в Перми) и, в заключении, указать на печатные труды Ваши (заглавие и где напечатаны) и, пожалуй, на те, кот[орые] не напечатаны, но уже готовы в рукописях. Эта записочка будет подана товарищу м[инист]ра] и, по всем признакам успех ее несомненен. Говорено о Вас также с директором 2 гимназии СПб-ской, Вороновым¹, тем самым, на труд которого Вы ссылались в Вашей статье об училищах, которая в П[ермском] Сборнике. Можете считать, найдется Вам место даже и у Вор[онова].||

Записочку прикажите чистенько переписать (если есть кому довериться, а нет — так и сами перепишите) и пошлите при письме к тому самому Черкасову, адрес которого я Вам сообщил недавно.

Вот и все, что имел Вам сообщить я, чтобы Вы безотлагательно могли приступить к ходатайству. В письме к Черкасову выскажите, на всякий случай, подробнее Ваши желания — напр[имер], не пожелаете ли Вы поступить на службу в М[инистерство], т. е., в случае крайнем оставить педагогическое поприще и т[ому] под[обное], что найдете сами за нужное.

Вы хотите поехать по Пермской губ[ернии]. Подождите меня: я в первых числах июня тоже поеду, так и вместе махнем.

Кланяйтесь от меня Вашим сожителям.

Весь Ваш Д. Смышляев

* без всякого адреса и обращения к какому-нибудь лицу².

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 18-18 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 858».

¹ Воронов Андрей Степанович (1819—1875) — русский педагогический деятель, автор одного из первых проектов введения обязательного образования в Российской империи. Н.А. Фирсов ссылается в первом томе «Пермского сборника» на его статью «Янкович-де-Мориево» (Журнал для воспитания. — 1858. — № 9).

² Приписка Д.Д. Смышляева.

XIII

20 мая 1860. СПб.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Посылаю Вам Котошихина новое издание, а в нем вложены выписки из Пугачевского дела, которые могут быть полезны для соображений при составлении статьи о пугачевском бунте; прошу Вас передать эти листы Якову Ивановичу. Если бы случилось, что я не в состоянии был бы продолжать издание П[ермского] Сборника, то для статей, как Ваших, так и Якова Ивановича, обещаю место в Отечественных записках, за хорошее вознаграждение. Меня на днях спрашивали, не имею ли от Вас ответа, по поводу выраженного прежде желания Вашего о перемене || места службы; я отвечал, что не имею, но в то же время повторил мою покорнейшую просьбу по этому случаю и мне дали уверение еще сильнее, чем прежде, что, если Вы пожелаете, то

Ваше желание будет непременно удовлетворено. Я со своей стороны сделал, что мог; теперь все зависит от Вас: если Вы вышлете записочку, о которой я писал Вам, к г. Черкасову, то она немедленно пойдет в ход. Впрочем, Вам, может быть, хорошо и в Перми будет теперь: мне писали, что по учебному ведомству был ревизор и будто бы человек порядочный; если последнее обстоятельство справедливо, то намерены Вашего осла рыкающего¹ выгнать из || огорода, который так неблагоприятно вверили его охранению; а к тому же и в Перми будет скоро, кажется, губернатором Титов², след[овательно] феодализм провинциальной жизни, который Вас так страшил, должен будет неминуемо измениться.

Здесь новостей особенных нет. Я еду за границу завтра; возвращусь к сентябрю. Если вздумаете, напишите в Вюрцбург³ poste restante, на мое имя.

Якову Ивановичу высылаю с этою почтою купленные для него золотые часы.

Кланяйтесь Якову Ивановичу и Василию Львовичу.

Душевно уважающий Вас Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 19-20.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 855».

¹ Под «ослом рыкающим» подразумевается И.Ф. Грацинский. Смышляев иронизирует «по библейским мотивам»: в Библии называют дьявола — «львом рыкающим».

² Титов Алексей Иванович с 16 июля 1858 г. до 23 сентября 1860 г. занимал в Перми должность вице-губернатора. В 1860 г. вице-губернатором стал Модест Маврикиевич Кониар (23 сентября 1860 — 18 ноября 1860). (Функ Е.И. Наместники, губернаторы и вице-губернаторы Пермской губернии со времени ее учреждения // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. — Вып. 5. — Пермь, 1902. — С. 100-102).

Таким образом, слухи не подтвердились: губернатора К.И. Огарева сменил Александр Григорьевич Лашкарев (1823—1898). 22 сентября 1860 г. в Благородном собрании состоялся торжественный обед в честь проводов К.И. Огарева, его ознаменовали подпиской в пользу предполагаемой к открытию женской гимназии. При этом главным вкладом был пожертвованный Ф.К. Каменским для гимназии двухэтажный дом. 8 октября 1860 г. в Пермь прибыл А.Г. Лашкарев.

³ Вюрцбург — город в южной части Германии, в северо-западной части земли Баварии.

XIV

Пермь. 6 декабря 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

После Вашего отъезда¹ по Перми пошли различные толки о Вашей личности, причины которых тоже дов[ольно] разнообразны. Вчера вечером я был у Клоповых², где особенно горячо нападали на Вас г. Шиловский³, а так как на всякое его слово можно смотреть, как на известное в Казани, то я и почел не лишним сообщить Вам о главнейших пунктах его нападок: 1) грубость Ваша с прислугой (в этом случае — грешный человек — и я на его стороне), 2) угодливость начальству, причем указано было на Вашу статью о воспитании девиц⁴, и притом из личных расчетов, в подтверждение чего приводился случай получения Вами наградных 200 р., чем будто бы сами хвалились перед Шиловским, 3) Вы будто бы говорили на прощальном обеде⁵, что будете читать лекции вовсе не в либеральном духе, почитая это бесполезным риском, но что дескать, даже — пойду расточать во всю Ивановскую.||

Конечно, Вы на меня не сердитесь за сообщение всего этого, ибо Вам именно не мешает, по-моему, знать — в чем предупреждены против Вас Ваши будущие слушатели и ценители.

Я собираюсь, но не знаю когда выеду, кажется не раньше следующего года.

Поклонитесь от меня Николаю Петровичу Вагнеру.

Душевно Вас уважающий Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 21-21 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 857».

¹ 12 октября 1860 г. Н.А. Фирсов «приказом г. Министра народного просвещения № 30 переведен сверхштатным учителем в 1-ю Казанскую гимназию, с прикомандированием к Казанскому университету, для преподавания всеобщей истории» (Формулярный список о службе Н.А. Фирсова. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. совет. Д. 4473. Л. 7 об.-8). В декабре 1860 г. Фирсов уехал в Казань (ПГВ. 1860. 2 дек.).

² Иван Сидорович Клопов — владелец очень популярного в Перми «булочно-кондитерского заведения» — был также общественным деятелем, активным участником литературно-музыкальных вечеров. Дом Клоповых находился на углу улиц Петропавловской и Оханской (Газеты Звезда). (Спешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723—1917. — Пермь, 1999. — С. 159-160).

³ Студент Степан Иванович *Шиловский* (Спасский) был активным участником общественной жизни в Перми в 1859—1861 гг. Шиловский — прозвище, которое было получено им во время учебы в Пермской духовной семинарии. Окончив ее в 1852 г., С.И. Шиловский поступил в Казанскую духовную академию, в 1855 г. вышел из нее, не завершив учебы, и поступил на историко-философский факультет Казанского университета. Принимал участие в осенних студенческих волнениях 1859 года. В результате окончил курс, но не получил звания, и был выслан в Пермь под надзор полиции. В Перми вошел в нелегальный кружок А.И. Иконникова, в 1861 г. был выслан в г. Красноуфимск. Позднее жил в Екатеринбурге, преподавал в Екатеринбургской гимназии и Уральском горном училище. В 1866 г. окончил Казанский университет со степенью кандидата. В 1872 г. в связи с волнениями в Екатеринбургской гимназии был арестован и выслан в Костромскую губернию под надзор полиции. (*Бурмистрова Л.П.* Пермь — питомцы Казанского университета // *Путь в историю, пути истории...* — Пермь, 2002. — С. 110-121).

⁴ *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии // *Русский педагогический вестник.* — 1858. — № 10-12; *То же* — СПб., 1858.

⁵ Прощальный обед по случаю отъезда Н.А. Фирсова в Казань состоялся 29 ноября 1860 г. (ПГВ. 1860. 16 дек.).

XV

Пермь, 27 декабря 1860.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Благодарен вам за Ваше дружеское послание из Казани. Душевно рад, что Вы не оскорбились моим первым к Вам отсюда письмом, которое было написано с искренним желанием Вам всего хорошего. В деле радуюсь за Ваш блестящий дебют, о котором я и спал и видел с Вашего отъезда. Все Ваши искренние знакомые в Перми с нетерпением ждут [изучить] в печати Вашу вступительную лекцию.

Тиммерман¹ Вам передавал на словах [нрзб], а прилагаемая при сем копия посылаемого в печать лицами, участвовавшими в литературных вечерах, протеста дополнит сообщение Тиммермана. Конечно, Вы не откажетесь послать от себя дополнительный протест в редакции Московских и Петербургских новостей, куда они адресовались. Посылаю при сем афиши двух последних вечеров². На первом шла «Повесть о [нрзб]» (из заметок Нового поэта), во втором — «Воспитатели». Обе вещи наделали такой скандал, что Грацинский не шутя, говорят, собирается подать на меня || просьбу, в каком намерении его поддерживают некоторые значительные лица, а что он ругает меня на всех перекрестках, так это Вы и сами лично себе представите. Со вчерашнего дня перестал даже кланяться. Завтра открытие женской гим-

назии³. В моем присутствии приглашал многих, а меня не удостоил. А вчера, на его беду, меня Лошкарев⁴ пригласил. Полагаю, что этот казус будет не без последствий, особенно в отношении 12-ти рублей для столов.

Кстати Лошкарев просил меня передать Вам его покорнейшую просьбу. Если вы встретите в Казани молодых людей с университетским образованием, способных к гражданской деятельности и не успевших окунуться в море житейских пакостей, особенно несправедливо преследуемых за свои принципы, не откажите уверить их, что они смело могут адресоваться в Пермь, к Лошкареву, который ищет себе хороших помощников.

Теперь о себе. Здесь такая грязь, что ужиться с нею не смею, а в Шадринске, говорят, куда я еду, еще хуже. Не найдете ли Вы возможность собрать нужные к соображению для меня факты, || касающиеся следующего: не представляет ли Казань возможности безбедного существования для человека, избравшего для себя издательскую деятельность? Можно ли надеяться, что отдадут ему в арендное содержание университетскую типографию и теперь достаточное ли для вышеозначенной цели количество издается книг в Казани и поддержат ли в том люди живущие в Казани? Скажу искренно: если б я имел в виду только 3 тыс[ячи] р[ублей] сер[ебром] в год верного дохода, необходимого мне для прожития, я бы бросил совсем Пермскую губернию. Какой я коммерческий человек? Потолкуйте кое с кем обо мне по этому поводу и не откажите сообщить Ваше искреннее мнение. Я здесь пробуду до половины генваря, а потом еду в Ирбит. Адрес мой прост: в Пермь, а после в Ирбит.

Душевно уважающий Вас Смышляев.

Р.С. Ежов⁵ подписал было протест, а потом отказался, на том основании, что медику не прилично протестовать против заблуждений человечества. Это [...].

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 23-24 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 854».

¹ *Тиммерман* Михаил Павлович — офицер, учился во Втором кадетском корпусе. За какую-то провинность был сослан на Кавказ, где потерял руку и был награжден Георгиевским крестом. Он сопровождал пленного Шамиля до Калуги, где познакомился с супругами Толмачевыми. В 1860 г. Александр Афанасьевич Толмачев, председатель Калужской казенной палаты, был переведен в Пермь председателем Пермской казенной палаты, и 30 марта вступил в должность. Тиммерман последовал в Пермь за Е.Э. Толмачевой, служил

под началом А.А. Толмачева, а затем в 1861 г. был избран первым библиотекарем библиотеки чиновников Пермской казенной палаты. (Аверина Н.Ф. Ф.М. Решетников и библиотека чиновников Пермской казенной палаты // История библиотеки — история страны: тез докл. и сообщ. научно-практ. конф., посвященной истории библиотечного дела в России. — Пермь, 1995. — С. 26-35; Корчагин П.А. Пермское общество: губернская эпоха. — Пермь, 2009).

² Литературно-музыкальные вечера в Перми организовывались в просветительских и благотворительных целях. Только зимой 1859/1860 гг. в зале Благородного собрания было проведено 11 вечеров. Пермские литературно-музыкальные вечера хорошо отражены литературе. (Рабинович Я.Б. Ревнители прав народных. — Пермь, 1989; Литвина Ф.А. Пермские литературно-музыкальные вечера 60-х годов XIX в. // Очерки истории Поволжья и Приуралья: сб. статей. — Вып. 1-2. — [Казань], 1969, и др.)

³ Мариинское женское училище 1-го разряда (впоследствии — Мариинская женская гимназия) — открылось 28 декабря 1860 г. в доме Ф.К. Каменского по Пермской улице.

⁴ Лашкарев Александр Григорьевич был пермским губернатором в 1860—1865 гг. Д.Д. Смышляев пишет фамилию губернатора двояко: Лошкарев и Лашкарев, при публикации писем оставлено в каждом случае авторское написание. Разное написание фамилии губернатора встречается также во многих пермских документах того времени. Правильно — Лашкарев, так губернатор подписывался сам, так выглядит его фамилия в формулярных списках. (Пермские губернаторы: традиции и современность / под общей ред. И.К. Кирьянова и В.В. Мухина. — Пермь, 1997. — С. 85-89).

⁵ Ежов Василий — один из участников литературно-музыкальных вечеров. Более подробных сведений о нем не найдено.

XVI

Пермь. 17 января 1861.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

За последнее письмо Ваше (третье ноября) искренно Вас благодарю. Желая и я, со своей стороны, Вам в новом году всего лучшего. Не знаю, как для Вас, а для меня высокос¹ был очень тяжел, хотя это и дало слухи, [...], на которого в этом отношении всегда сваливаются обвинения. Я, по крайней мере, имею живое свидетельство в лице Ивана Филиповича Любимова², для которого весь высокос был масленицей, так что, наконец, сей почтенный гражданин, как рассказывают, стал уже бояться своей удачливости и тем невольно напомнил мне Собакевича³, вздыхавшего о том, что было постоянно здорово: «хоть бы, говорит, чирей где-нибудь вскочил, а то и того нет. Нехорошо, чувствую, это не к добру...» В самом деле, Любимов поставлял провиант в казну, от употребления которого в пищу, может быть, человек десяток лишних отправились в Елисейские⁴ (о недоброкачествах провианта, действ[ительно], весь город го-

ворил) — и Иван || Филипович получает медаль. Повесивши ее себе на шею, он почел долгом скликать к себе весь город и тем доказать, что «накормить еще он, слава богу, может, щи есть...». И весь город собирался на зов его, и ел его хлеб, и хлебал его щи... Грачев у нас обанкротился, кредиторы имеют в виду вместо рублей, которыми его ссужали, получить как-нибудь гроши, а Ив[ан] Фил[ипович], которому Грачев и должен не был, командировал в Москву доверенное лицо, чтобы скупить векселя Грачева и приобретая т[аким] о[бразом] большинство, по сумме все заложил другим кредиторам, наверное предложит им миролюбивую сделку, а заплатил им 10, много 20 коп. за рубль и в вознаграждение удержит за собою все наличное имущество Грачева (это уже не первый пример, — он уже обработал таким образом Тихонова)... Эх, российское купечество! Не даром девизом своим считает оно: «не надуть — не продать». Какие еще Вам новости сообщить? ||

Крупенин женился уже, кажется. Бывши женихом, он сочинил стихи, а Всеволодов⁵ положил их на музыку. Вот они:

К невесте

Не жалей, девица,
Своей красной доли,
Не тужи, родная,
По девичьей Воле!

Пусть понежит взглядом.
На душе ненастье (?),
Возвратит страдальцу
Погибшее счастье.

Будешь жить со мною
Весело, спокойно,
Вставать, когда хочешь,
Делать что угодно...

Утешь сиротинку,
Каяться не будешь,
Среди новой жизни
Горе позабудешь...

С юношеским сердцем,
Не остывшей кровью,
Окружу, согрею
Горячею любовью.

Не жалей же радость
Своей красной доли,
Не сниму, родная,
Девической воли...

Буду холить, нежить,
Обнимать, голубить...
Пусть только девица
Молодца полюбит. ||

Браво, браво! Ай да Александр Дмитрич!... Жаль только, что из него готовится будущий Иван Фролов, да еще в квадрате.

Грацинский говорил напыщенную речь при открытии женской гимназии, приписал себе всю заслугу, как водится, и даже разрыдался, говоря о том, что Всевышний удостоил его употребить недостойным орудием для совершения такого великого дела; минут пять, || сукин сын, орошал платок своими скверными слезами и молчал, и до того растрогал публику, что какая-то барыня, вероятно по той же причине, по которой собака начинает выть, заслыша музыку, разрынулась тоже, и чуть было не стала причитать, да ее увели в другую комнату. Упомянул в своей речи Фролов и жертвователей по имени, изотчеству и фамилии, и сказал также, что в пользу гимназии, при содействии одного гражданина (?!), устроены были два литературных вечера.

В 1 № Губ[ернских] Вед[омостях] Пенн⁶ поместил статью об открытии гимназии до того холуйскую, что я постараюсь сообщить Вам этот номер. Вы поинтересуетесь, вероятно, положением дела искусства драматического. Кажется, ничего не выйдет, кроме, разве, сапогов всмятку. Те, на кого надеешься, кажется, оправдают пословицу: не все то золото, что блестит. Я, впрочем, решил действовать не мытьем, так катанием. Что будет дальше, сообщу Вам.

Прилагаю Вам при сем еще три афиши. Чуть ли им не суждено быть последними.

Эх, досадно! Помешали писать, а на почту пора уж. А материалов еще много, куда уж до следующих писем.

Жена моя Вам кланяется.

Душевно уважающий Вас Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 27-29 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 856».

¹ *Высокос* — високосный год — каждый четвертый год, имеющий 29 дней в феврале.

² *Любимов Иван Филиппович* — купец, пермский городской голова.

³ *Собакевич* — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

⁴ *Елисейские поля* по верованиям древних греков — рай, противоположность тартара (ада). Выражение «отправиться в Елисейские поля» означало отойти в загробный мир, умереть.

⁵ *Всеволодов Г.* — распорядитель концерта, данного пермскими любителями музыки 8 апреля 1860 г. «в пользу здешнего оркестра, неусыпно трудящегося на пользу общую». (ПГВ. — 1860. — № 17).

⁶ *Пенн Самуил Самуилович* (1828—1889) — с 1860 г. редактор неофициальной части «Пермских губернских ведомостей». Состоял на службе в канцелярии губернского правления, преподавал в женском училище, был секретарем

Губернского статистического комитета и управляющим общественной библиотекой (с 1864). (*Краеведы I.* — С. 204-205). С.С. Пенн был составителем «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год», в связи с чем Д.Д. Смышляев характеризует его в статье «Ежегодники Пермской губернии» как очень добросовестного и грамотного работника. (Статья опубликована в «Сборнике материалов для ознакомления с Пермской губернией», вып. 3, Пермь, 1891; и полностью перепечатана в настоящем «Смышляевском сборнике»).

XVII

Пермь. 26 янв. 1861.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Благодарю Вас за известия, полученные мною через Федю. В ответ на них я могу сказать одно то, что списываться о некоторых житейских предметах, вроде аренды унив[ерситетской] типографии, весьма неудобно, а потому я надеюсь недель через пять прибыть в Казань и там, на месте, порешить вопрос: удобно ли мне посвятить себя типографскому делу? ||

Грацинский вырос головой, получивши циркуляр М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения], подчиняющий воскресные школы влиянию директора, и уже успел показать если не когти, то ослиные уши, вследствие чего 2 частные воскр[есные] школы, кажется, в скором времени, закроются.

Итак, до свидания. Желаю Вам всего лучшего и остаюсь преданнейшим слугою.

Д. Смышляев.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 25-25 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 853».

XVIII

Пермь. 14 марта 1861.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Давно не писал Вам, а между тем материалов накопилось довольноно.

Более важным известием считаю следующее. В Ирбите я встретил казанского книгопродавца Дубровина, который меня совершенно разочаровал в отношении видов моих на типографическую деятельность в Казани. Он сообщил мне, что ему уже не раз предлагали взять в аренду университетскую типографию, но он

не нашел этого предложения для себя выгодным, во-первых потому, что типография в весьма плохом положении: все ее шрифты и станки никуда не годны, во-вторых, оценивая ее в 33 т[ысячи] р[ублей], начальство рассчитывает на большую арендную плату. Вследствие этого он предпочел завести свою типографию, которую и открывает с осени нынешнего года. Ежели ко всему выказанному мы прибавим, что Дубровин есть известный мошенник из русских книгопродавцев, а следоват[ельно] будет таким же типографщиком, то мне с ним тягаться не придется, по неровности оружия. Я оставил почти намерение заняться по части книгопечатания, а след[овательно] и немедленную поездку в Казань, где я все-таки буду весною и, пользуясь случаем, наведу справки по поводу сообщенных мне Дубровиным известий, в справедливости которых, впрочем, я не имею повода сомневаться.

В последнее время сильно гласность пермская одолела. Доказательства Вам нечего приводить, — вероятно, уже у Вас были в руках и «Век», «СПб. Вед[омости]», и «Сев[ерная] Пчела». Ничего нет вот только еще в || «Московских вед[омостях]» по поводу нашего знаменитого протеста. Кротков¹, говорят, послал ругательное объяснение, в котором будто бы сваливает всю вину на меня: «я, говорит, человек был новый, ничего не знал; в каком виде мне сообщил Смышляев факты, в том виде я их и передал публике». Ежели это так, то я сошлюсь на Вас и Предтеченского. Вы оба принимали участие в выправке фразы, относящейся к известному уже усердию начальства... По крайней мере, я надеюсь, что Вы не откажете поддержать меня двумя-тремя правдивыми печатными словами, ровно как и Яков Иванович.

Из последних новостей интереснее всех та, что известный демагог, социалист и что хотите, Шиловский, завладел исключительно вниманием аристократии нашей, хотя тотчас же по получении номера Века, где помещена была похабная статья о Толмачевой², он обрыскал с номером этим весь город, не предвидя того, что через два же дни получится в Пермь № СПб Вед[омостей], который заставит прикусить язычки многих. Конечно, Толмачевы его не будут более у себя принимать, не смотря на то, что он был до сих пор у них почти на хлебником. Но важнее то, что демагог этот в жесточайшей дружбе... с Горсткиным³ и по крайней мере 100 раз в день произносит: Ваше ...ство, относясь к г.г. Лошкаревым, у которых он обил пороги. О Вас, нечего || и говорить, что он распространяет все возможные мерзости. Вот последняя: будто бы Вы в весьма нетрезвом виде явились на кафедре, так что Вас студенты освистали. Общий же и всегдашний его о Вас отзыв такой, что, дескать, нужен бы Фир-

сов быть с грехом пополам учителем гимназии, а то ведь отдали на смех — на кафедру университетскую взять! Меня страшно не терпит за то, что я на стороне Вашей и Воскресенского⁴ (тоже он чернит!) и что я величаю его, где приходится, записною посредственностью, которая как известно, щедро бывает одарена от природы завистью. Втихомолку распускает обо мне грязные сплетни, но до сих пор при требовании объяснений отпирался, и вообще, кажется, побаивается меня, судя по тому, что отзывается обо мне как о необразованном дерзком мужике. Чтобы поддерживать, впрочем, кредит между казанскими студентами, он устраивает в следующее воскресенье в пользу их также литературный вечер, в котором примет участие и ее превосходительство.

Не имеете ли вы возможности рассматривать Пермские Ведомости? Таких курьезов в Искре не откопаете. Каждый пример — роскошь. В статьях Пенна Вы найдете и 32-хлетнего юношу и театр, именуемый фигурально храмом Фемиды!... Да то ли еще! ||

В пользу Иванищевской библиотеки, которая, мимоходом высказать, в блестящем положении, я имею в виду устроить еще вечер. На этом вечере мне хотелось бы прочесть что-нибудь Ваше, еще ненапечатанное. Если бы можно было отрывок из статьи Вашей: О быте пермского простолюдина в XVII столетии, то Вы бы крайне обязали, проценировавши его в Казани и выславши сюда. Если же нельзя скоро, то хоть «Марину Мнишек», в том виде, как Вы у меня ее читали; конечно, надо будет проценировать, в чем не должно в Казани встретиться препятствий.

Замечательно, что в день объявления манифеста⁵, в Перми все кабаки были пусты!

Жду от Вас материалов для литературного вечера в возможно скором времени, в уповании, что Вы не забыли еще некоторых пермяков и не откажете способствовать успеху предпринимаемого ими доброго дела.

Душевно уважающий Вас Д. Смышляев.

P.S. Я здесь пробуду до весны, а потому адресуйте письма на мое имя, в Пермь.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 30-31 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 868».

¹ Кротков Иван Васильевич — род. в 1818 г. в Пензенской губ., в семье дьячка. Окончил пензенскую духовную семинарию. В 1835 г. поступил в Казанский университет на отделение словесных наук, окончил университет в

1841 г. действительным студентом. Был старшим учителем в астраханской гимназии, уволен в конце 1841 г. в результате конфликта с директором. До 1844 г. преподавал в Астраханском уездном училище, с 1844 г. — в нижегородской гимназии, с 1848 г. — в 1-й казанской гимназии.

В годы учебы в университете сотрудничал в рукописном студенческом журнале «Северное созвездие». В 1856 г. в Казани издан сборник его стихов.

С 14 октября 1860 г. до 4 июня 1863 г. коллежский советник И.В. Кротков был старшим учителем истории в пермской гимназии (в книге А.В. Зверева «Старейшее учебное заведение г. Перми» ошибочно даны его имя и отчество — Василий Макарович). Его актовая речь в пермской гимназии «О современном педагогическом значении истории» (ПГВ. 1861. 6 окт., № 40) имела успех. Одновременно И.В. Кротков преподавал в женской гимназии; являлся членом Пермского дамского попечительства о бедных. Службу оставил по болезни. Сведений о дальнейшей судьбе И.В. Кроткова пока найти не удалось. (Казанский университет: биобиблиогр. словарь. 1804—1904 гг. — Т. 1. — Казань, 2002. — С. 269).

Таким образом, И.В. Кротков сменил в должности Н.А. Фирсова и сначала вошел в просветительский кружок, сложившийся вокруг Д.Д. Смышляева и А.И. Иконникова. Но первое же его публичное выступление 21 ноября 1860 г. на открытии литературно-музыкального вечера в Благородном собрании в пользу библиотеки села Иванищевского привело к скандалу. Кротков опубликовал свою речь (ПГВ. 1860. 9 дек.), подчеркнув, что он произносил ее по уполномочию лиц, «участвовавших в литературно-музыкальном вечере»; но в то же время внес добавления, несовместимые с убеждениями членов кружка: о нацеленности библиотеки против старообрядцев уезда, о первостепенной роли учебного и губернского начальства в открытии библиотеки и пр. Смышляев и его соратники выступили с протестом сначала на страницах «Пермских губернских ведомостей» (1860, № 52 и 53), а затем в «Московских ведомостях» (1861, 22 января, № 18). (Решетников Ф.М. Полн. собр. соч. / под ред. И.И. Векслера. — Т. 1. — Свердловск, 1936. — С. 465-467).

² Речь идет о литературно-музыкальном вечере в Перми, состоявшемся 27 ноября 1860 г., на котором Евгения Эдуардовна Толмачева, жена председателя казенной палаты А.А. Толмачева, выступила с чтением стихов о Клеопатре из «Египетских ночей» А.С. Пушкина. Публика была шокирована смелостью «эмансипированной» дамы. Подобные просветительские благотворительные вечера всегда вызвали толки среди пермской общественности, но на этот раз события получили огласку на всю страну. 14 февраля в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась заметка с описанием этого вечера (автором ее был М. П. Тиммерман), а 22 февраля содержание статьи прокомментировал в журнале «Век» П.И. Вейнберг (Камень Виногоров). В заметке «Русские диковинки» Вейнберг резко осудил «распущенность» Толмачевой, и на него обрушился с критикой известный журналист М.И. Михайлов, опубликовав в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью «Безобразный поступок «Века». В результате две газетные статьи, о которых упоминает в письме Смышляев, положили начало дискуссии об эмансипации женщин, в которой приняли участие практически все известные в то время российские журналисты, литературные критики и писатели. Таким образом, под этим названием — «Безобразный поступок «Века» — один из пермских литературно-музыкальных вечеров

навсегда остался в истории российской общественной жизни. (Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей: Уральский лит.-краевед. сб. — Челябинск, 1976. — С. 149-158; Рабинович Я.Б. Ревнителю прав народных. — Пермь, 1989. — С. 23-43, и др.).

³ Горсткин Н.П. — состоящий при начальнике Пермской губернии сверхштатный чиновник особых поручений, губернский секретарь, с 15 сентября 1860 г. — правитель канцелярии губернатора. (ПГВ. 1860. Доп. к № 38).

⁴ Воскресенский Александр Григорьевич, учитель Пермской духовной семинарии. Участник кружка А.И. Иконникова. Активно выступал за просвещение семинаристов (Век. 1861. № 12), добивался разрешения для них бывать на устраиваемых в Перми литературно-музыкальных вечерах. Семинаристам запрещали посещать публичные мероприятия, уничтожали присылаемые в семинарию бесплатные билеты, наказывали слушников. (Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. — Казань, 1874).

⁵ Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 года был торжественно зачитан в Пермском Кафедральном соборе 12 марта. В тот же день в доме губернатора был устроен официальный прием по этому случаю.

XIX

Пермь. 7 апреля 1861.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Благодарю вас за письмо Ваше от 21 августа и за ваш милый отказ ссудить на один вечер вашей статейкой.

За то я сослался на Вас в объяснении моем против воззрений г. Кроткова. Рассказывая, как Вы, Кротков и Предтеченский были у меня, как нам читал свою речь г. Кротков, как я и Вы придумывали приличную фразу в отношении к открытию 1 воскр[есной] в Перми школы, — я привожу Вас и Предтеченского свидетелями истины рассказанного мною и изъявляю надежду, что Вы и Яков Иванович, в случае нужды, не откажете печатно заявить, что я не лгу.

Наш демагог Шиловский витай ныне в самых аристократических сферах. Он принят вроде *apoi de la maiki*¹ — у Багратиона² (приехавшего сюда для втолкования крестьянам манифеста), у Лашкарева, нового вице-губернатора Быкова³, Ягна⁴ и Газенвинкеля⁵ и ко всему этому — закадычный друг Газеткина⁶! Нас грешных уж он третирует как людей, которым может покровительствовать, а мы на него смотрим, как на человека, при котором нельзя говорить ни о чем серьезном, хоть относящееся к той или другой аристократической личности: всякое слово, подлец, переносит, да еще переиначивает сообразно || своим видам. Несмотря на все это, продолжает по-прежнему трактовать о проступках и упрекать всех и все в отсутствии таковых! Представьте себе, что он серьезно уверил всех этих птиц высокого полета, для которых он

служит теперь оракулом, что ему обещана была кафедра Булича⁷ в Казани и что, конечно, он потому только не получил ее, что с ним приключилась неприятная история, именно, что он спас университет, а его за это сослали сюда!... Что Вы на это скажете? Но это не все. В то время, как он продолжал толковать всем о своих принципах, о призвании быть ученым, о кафедре Булича и т[ак] д[алее], вдруг выходит из канцелярии губернатора слух, что о Шиловском пошла бумага в Казань, к губ[ернатору] Козлянинову⁸, в таком смысле: «Исключенный из К[азанского] университета и присланный в Пермь под надзор полиции студент Шиловский обратился ко мне с вопросом: может ли он поступить на службу? Вследствие этого и т[ому] пох[ожих] пр[ичин] из П[равительств]ва сообщить мне на каких основаниях он прислан в Пермь и имеет ли право поступить на службу». По поводу этого слуха, конечно, многие стали подсмеиваться над ссыльным стоиком, это дошло до него, и вот Шиловский в ярости начинает, впрочем в полголоса, бранить Лашкарева: меня дескать он целый м[есяц] сам упрашивал поступить на службу, а теперь говорит, что я к нему обратился, с вопросом || и обещал непременно сделать историю Лашкареву, как только тот приедет (он ездил усмирять крестьян строгиновских). Лашкарев приехал — и Шиловский замолчал. Известно, что ему обещано место мирового посредника. Вон оно, куда иногда ведут демагогические-то принципы!

Прилагаю при сем Вам копию с адреса 26 литераторов Е.Э. Толмачевой, а также брошюру, помогающую взять сведения о положении Иванищевской библиотеки.

У нас здесь столько пакостей в последнее время, что писать о них тошно.

[Далее Д.Д. Смышляевым тщательно зачеркнуто пять строчек письма].

... Мерзавцы!

До свидания! Надеюсь, проведивши Марью Петровну⁹ (она поедет за границу), дождаться еще Вашего сюда приезда.

Жена Вам кланяется.

Душевно уважающий Вас Д. Смышляев. ||

Копия.

Милостивая Государыня, Евгения Эдуардовна!

Один из русских журналов позволил себе непристойную выходку против Вас. Этот поступок, бросающий тень не только на журнал, допустивший его, но и вообще на русскую журналистику, возмутил весь литературный круг Петербурга.

Нижеподписавшиеся литераторы, независимо от печатных протестов, которые, разумеется, не замедлят явиться, решились обратиться к Вам с письменным уверением, что нет ни одного благомыслящего человека в литературе, который не был бы глубоко оскорблен неслыханной наглостью сотрудника «Века», и не желал бы выразить искреннее сочувствие Вам и Вашему благородному образу мыслей. К этим подписям могло бы (за это мы ручаемся) прибавиться еще несколько сотен, если бы мы не спешили успокоить Вас и оправдать в Ваших глазах литературный круг. Подписали:

*Д. Григорович
М. Михайлов
Ив. Панаев
Ник. Некрасов
Александр Пыпин
Н. Чернышевский
Ф. Достоевский
А. Майков
Ал. Милюков
М. Достоевский
Н. Страхов
П. Пекарский
Н. Гербель*

*Я. Полонский
А. Краевский
П. Лавров
А. Писемский
К. Бестужев-Рюмин
В. Аничков
В. Курочкин
В. Бенедиктов
С. Стасюлевич
Б. Утин
М. Розенгейм
Н. Курочкин
П. Павлов.*

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 32-33 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 866».

¹ *Anoi de la maïski* (франц.) — майское слабоумие.

² Речь идет о **Петре Романовиче Багратионе**, который привез в Пермь и публично зачитал «Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 года».

³ **Быков Александр Михайлович** — пермский вице-губернатор с 9 декабря 1860 г. до 31 января 1864 г. (Функ Е.И. Наместники, губернаторы и вице-губернаторы Пермской губернии со времени ее учреждения // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. — Вып. 5. — Пермь, 1902. — С. 100-102).

⁴ **Ягн Николай Иванович** (1822—1892) — с 1859 г. председатель Пермской гражданской палаты. Позднее был членом Московской судебной палаты, председателем Тульского окружного суда, Саратовской судебной палаты; был назначен сенатором. (Всеобщий календарь на 1893 год. — С. 510; Русский календарь на 1894 год. — С. 332).

⁵ **Газенвинкель Егор Васильевич** — пермский губернский прокурор в 1859—1873 гг. (Закон. Честь. Отечество: Прокуратура Пермского края. — Пермь: Пушка, 2008).

⁶ Вероятно, так Д.Д. Смышляев называет редактора «Пермских губернских ведомостей» С.С. Пенна.

⁷ **Булич Николай Никитич** (1824—1895) — историк русской литературы, профессор, затем ректор Казанского университета.

⁸ **Козлянинов** Петр Федорович — губернатор Казанской губернии в 1858—1863 гг.

⁹ **Мария Петровна** — жена Д.Д. Смышляева.

XX

Берлин. 3/15 февраля 1862.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Спешу ответить на письмо Ваше из Казани, от 17 января, вчера мною здесь полученное. Все статьи, переданные Вами мне при отъезде Вашем из Перми, хранятся у меня дома, вместе с прочими моими бумагами, и пока без всякого употребления. Пермский Сборник я не обязывался выдавать непременно ежегодно, и жертвы, которых мне стоили первые две книжки, одни уже достаточно бы оправдывали замедлившийся выход третьей книжки, если бы кто-нибудь и имел право требовать ее издание. От продолжения дела я однако же не отказывался и не отказываюсь: издание будет продолжаться, хотя может быть в иной форме и с программой, более соответствующую насущным требованиям края. В октябре м[еся]це прошедшего года я представил в Московский Ценсурный Комитет программу еженедельной газеты «Пермяк», в надежде, что редактор для нее (например, г. Писемский¹) найдется; но до сих пор разрешение еще не получил. Если же благодаря г. Л.², пославшему || на меня около того же времени донос, газеты не позволят издавать, я почту своим долгом возвратить полученные от Вас материалы их авторам. Считаю себя обязанным даже и теперь возвратить их тем, кто их потребует. Сожалею, что Вы назвали одного только г. Потапова, который будет немедленно удовлетворен. Впрочем, я распоряжусь объяснить через Пермские Ведомости, что желающие возвратить материалы немедленно, могут их тоже получить, дабы избавить Вас на будущее время от неприятных объяснений с сотрудниками Сборника.

Весьма сожалею, что я послужил невольною причиною таких объяснений и не могу закончить моего письма, не заметивши, что Ваше проникнуто каким-то особенно холодным тоном, которого я в сношениях с Вами, до сих пор, не замечал, и на который я, со своей стороны, не мог и пожелать Вас вызвать.

Примите уверение в [неизменном] к Вам, Милостивый Государь, уважении и преданности.

Д. Смышляев.

Адрес: Berlin, poste restante. H[erre] Dmitry Smyschljaew.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 34-34 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 869».

¹ **Писемский Алексей Феофилактович**, писатель.

² г. Л. — губернатор А.Г. Лашкарев. Отношения Д.Д. Смышляева с губернатором в это время были напряженными. В сентябре 1860 г. А.Г. Лашкарев получил предписание шефа жандармов В.А. Долгорукова установить жесткий контроль за литературно-музыкальными вечерами в Перми, и вскоре они были запрещены. Проводилось следствие по делу кружка А.И. Иконникова. В библиотеке Иконникова обнаружили запрещенную литературу, и Смышляев подозревался в доставке этой литературы из-за границы. Ужесточение надзора за просветительской деятельностью со стороны власти было не местным пермским явлением — «оттепель» середины XIX в. закончилась, об этом писали все передовые столичные журналы.

XXI

Берлин. 4 марта н. ст. 1862.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Я получил от Вас письмо, поразившее меня необъяснимою холодностью. Я отвечал на него 15 февраля н. ст. в том же тоне; но чем далее, тем тяжелее становится для меня воспоминание об этих двух письмах. Испытавши на своем веку много горьких потерь, я не могу свыкнуться с мыслию, что еще искренняя связь, и, может быть [нрзб] — чуть ли не порвалась. Мы с Вами никогда не были очень близки по внешним отношениям, что не мешало однако же мне, как вижу теперь, внутренне, хотя, может быть, и не отчетливо сознательно, быть к Вам ближе, чем бывают многие в житейских столкновениях между собой. Я как честный человек Вам говорю, не вижу с моей стороны вины, вызвавшей Ваше письмо, кроме той, что может быть Вас раздосадовали сотрудники П[ермского] Сборника, не желающие знать ни личных средств издателя, ни несоразмерных моих жертв на издание. Я уже Вам объяснял в ответе на Ваше письмо причины замедления III книжки. На днях я получил официальное уведомление от Ц[ензурного] Комитета, в котором сказано следующее: «Главное Управление Ценсуры, усматривая из представленной Вами программы газеты «Пермяк», что газета будет входить в обсуждение всех местных современных интересов, изъяснять нужды края и извещать о важнейших событиях (судя по выражениям в программе) в мире политическом*, не признало возможным дозволить издание газеты в Перми по такой программе и возложить цензурирование оной на цензирующего неоф[ициальную] часть губернских ведомостей» (я просил особого цензора). ||

Если бы я был уверен, что позволят издание по другой, сколько-нибудь удовлетворительной в отношении местных интересов программе, я бы снова попробовал хлопотать о дозволении; но труд, как видно, будет напрасен, а потому я и решил издать III книжку Сборника и тем покончить это рановременное предприятие. Об этом я уже уведомил Н.К. Чупина, а г. Потапову просил Федю выслать его материалы — так как платить вперед деньги за статьи прежде напечатания я не могу, а он выразил такое желание, да и при том в III книжке я ограничусь лишь капитальными материалами, вроде статьи Чупина, сборника бумаг о пугачевщине Волегова¹ и т[ому] под[обное].

Мне не ладится, впрочем, не с одним сборником. Вот Вам для доказательства выписка из другой официальной бумаги. «Его Высокопр[евосходительст]во (Мин[истр] Госуд[арствен-ных] Имущ[еств]) изволил возложить на Палату (Пермскую) наблюдение, чтобы жертвуемые и приобретаемые книги поступали в Иванищевскую (теперь Долматовскую) библиотеку не иначе как с согласия управляющего палатою, который обязан следить, чтобы выбор книг соответствовал религиозно-нравственному направлению народного образования и правилам цензуры (это Аничков то!? Да не забудьте, что по Уст[аву] о пред[упреждении] и прес[ечении] преступлений библиотека и без того состоит под надзором Земской Полиции). Почему Палата Г[осударственных] И[муществ] поручает Зырянову о всех жертвуемых и приобр[етаемых] в библиотеку вновь книгах, предварительно их принятия и выписки, доводить до сведения г. Упр[авляющему] Палатою». На это, я думаю, никаких комментариев не нужно. ||

[нрзб] личные обстоятельства мои — тоже незавидны. Клязники меня одолели совсем, благодаря негодяю Л.² — изыскивающему все средства наделать мне пакостей и поощряющему их на всевозможные каверзы. К этому прибавилась еще болезнь жены, ради которой мы теперь обретаемся в Берлине; утешительно, по крайней мере, что я имею крепкую надежду на ее совершенное выздоровление³. До половины мая (по русскому счету) мы пробудем здесь, а потом едем на воды в Австрию, след[овательно] воротимся в Россию не ранее июля.

Не посетуйте, что я сообщаю Вам такие подробности о моей персоне. От Вас будет зависеть, чтобы это письмо (по крайней мере — с такого рода подробностями) было последнее.

Желаю Вам всего лучшего, Николай Алексеевич, и свидетельствую мое искреннее уважение к Вам.

Ваш покорнейший слуга Д. Смышляев.
Адрес мой: Berlin, poste restante. Herre Dmitry Smyschljaew.

* (чистый вздор!)⁴

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 48-49.

Примечания.

¹ Имеется ввиду Василий Алексеевич Волегов (1806/1807—1864) — краевед, историк, археолог, этнограф. Представитель высшего звена Строгановской администрации, выходец из крепостных крестьян графов Строгановых, проявил себя как умелый администратор. В 1846—1864 гг. — главноуправляющий пермским нераздельным имением Строгановых с центром в с. Ильинском. Подвижник в области культуры: собрал обширный архив документальных материалов, к сожалению, в основной массе позже утраченный. «Материалы для истории Пугачевского бунта» были опубликованы в «Пермских губернских ведомостях» (1864, № 7, 8, 11, 18, 19 и др.) (*Краеведы II*. — С. 81-82).

² Л. — губернатор А.Г. Лашкарев (см. примечания к письму под номером XX).

³ Надежды Дмитрия Дмитриевича на выздоровление жены не оправдались: Мария Петровна умерла в Берлине 18 октября 1864 г.

⁴ Приписка Д.Д. Смышляева.

XXII

[9 февраля 1876 г.]

Ваше Превосходительство, Николай Алексеевич!

Давнее знакомство наше и постоянное Ваше ко мне расположение дают мне повод обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Последнее очередное Собрание разрешило нам учредить при Губернской Управе Статистическое бюро, что составляло давнишнее мое желание. Для этого учреждения нам нужен развитой и опытный в разработке статистических данных человек, в Перми же нечего и думать отыскать такое лицо. Нет ли у Вас на примете кого-нибудь, кто мог принять на себя заведование таким бюро? Жалование мы можем положить от 1000 до 1200 рублей. ||

Указанием Вашим в настоящем случае Вы бы всех обязать изволили, меня лично и Управу.

С глубочайшим уважением и преданностью желающий быть Вашего Превосходительства покорным слугою Д. Смышляев.

Пермь. 9 февраля 1876.

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 50-50 об.

Примечания.

В 1870 г. Д.Д. Смышляев был избран первым председателем только что учрежденной Пермской губернской земской управы и находился в этой должности почти три срока, в течение 1870—1879 гг.

На должность статистика в Пермское земство Д.Д. Смышляевым был приглашен Егор Иванович Красноперов (1843—1897). 18 июня 1877 г. он определен заведующим делопроизводством статистического бюро при Пермской губернской управе, и бюро приступило к работе. Е.И. Красноперов работал в этой должности до конца жизни. Во многом благодаря ему, Пермская губерния в статистическом отношении занимала одно из первых мест в России. (Об открытии статистического бюро при Пермской губернской управе // Сборник Пермского земства. — 1877. — Кн. 5, отд. II. — С. 1-2; *Краеведы* I).

XXIII

[7 октября 1877 г.]

Милостивый государь, Николай Алексеевич!

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству первый том «Географ[ического] и статист[ического] словаря Пермской губернии», Н. Чупина, «Указатель книг и статей о Пермской губернии» и изданную мною книгу: «Синай и Палестина».

Прошу принять от меня как свидетельство искреннего уважения и преданности, с которыми имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою Д. Смышляев.

Пермь. 7 окт. 1877.

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 51.

XXIV

Сергиевские минеральные воды, 30 июня 81.

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Перед отъездом на воды из Перми я послал Вам некоторые плоды деяний моей бесцельной жизни. Полагаю, Вы их [нрзб].

В надежде на Ваше доброе расположение ко мне, позволяю себе обременить Вас покорнейшею просьбою.

Пермский городской глава М.И. Любимов¹ просил меня составить записку к предстоящему 18 октября сего года празднованию столетия Перми². Написав две первые главы Записки³, сижу теперь за [редактированием] ее. Я полагаю обязательно справедливым помянуть в ней добрым словом [нрзб] в пользу служивших [нрзб]. В этом отношении мне не достает некоторых сведений, за которыми я решил обратиться к Вам.

1. Не можете ли Вы мне сообщить, как || найдете, Вашу статью: «О воспитании девиц в Пермской губернии», напечатанную, кажется, в «Педагогическом вестнике», у меня ее нет, а она крайне нужна?

Не известно ли Вам: Илья Николаевич Березин — ориенталист — одно ли и тоже лицо с издателем энциклопедического словаря Березиным?⁴

Как называется такая книжка Порфирия Никитича Крылова, состоящего, кажется, секретарем Казанского общества естествознания, о народных лекарственных растениях Пермской губернии?⁵

Какую кафедру занимает Федор Матвеевич Суворов?⁶

Не учился ли профессор Флоринский⁷ в пермской гимназии?

Сведения о Березине, Суворове и Флоринском нужны мне для статьи: воспитанники гимназии пермской, сделавшие себе, впоследствии, известность своею || общественной деятельностью.

От нашего ихтиозавра, Ивана Фроловича Грацинского я, кроме глупости, ничего не могу добиться. Вообразите, что в записке, им поданной, упоминается в числе воспитанников Петр Николаевич Кудрявцев⁸, профессор Московского университета, и — Вы [нрзб] вслед за ним⁹; о Чупине говорится, что он помещал все свои труды в «Вестнике Европы», где ни одной его статьи!?! Совсем выжил старик из ума!

Извините, что я обременяю Вас моими докуками¹⁰.

Я пробуду здесь до 1 августа.

Адрес мой: на Сергиевские минеральные воды, чрез город Самару.

Прошу верить глубокому уважению Вашего покорнейшего слуги Д. Смышляева.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 38-39 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 851».

Д.Д. Смышляев служит в это время управляющим механическим заводом И.И. Любимова (1880—1884 гг.). Наряду с исполнением служебных обязанностей, он очень активно занимается изучением истории Пермского края и публикацией своих исследований.

¹ **Любимов Михаил Иванович** — пермский городской голова в 1879—1881 гг.

² 18 октября 1781 года были официально открыты Пермское наместничество и главный город наместничества — Пермь. 18 октября 1881 г. общественность Перми отмечала столетие Перми и Пермского наместничества.

³ Составленная Д.Д. Смышляевым Записка была прочитана на юбилейном торжестве городским головой П.Е. Шавкуновым и издана в сокращенном варианте под его фамилией (*Шавкунов П.Е. Речь, произнесенная на торжестве 100-летия г. Перми 18 октября 1881 г. — Пермь, 1881. — 10 с.*). Позднее главы Записки и собранные для нее материалы были опубликованы Смышляевым в «Адрес-календарях и памятных книжках Пермской губернии», в «Пермских губернских ведомостях», а также включены в его авторский «Сборник статей о Пермской губернии» (Пермь, 1891). (Дмитрий Дмитриевич Смышляев: библиогр. указатель / сост. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2009. — (Смышляевский сборник, вып. 1).

⁴ **Илья Николаевич Березин** действительно был издателем «Русского энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря».

⁵ Имеется ввиду книга **Порфирия Никитича Крылова** «О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии». (Казань, 1876. — 130 с.)

⁶ **Суворов Федор Матвеевич** (1845—1911) родился в Кушвинском Гороблагодатском заводе Пермской губернии, сын протоиерея. Окончил пермскую гимназию в 1863 г. В книге **А.В. Зверева** «Старейшее учебное заведение г. Перми» (1908) он числится в списке «Имен наиболее выдающихся из воспитанников пермской гимназии»: «Суворов Федор Матвеевич, известный профессор физико-математического факультета Казанского университета».

В 1867 г. Ф.М. Суворов окончил Казанский университет и преподавал на кафедре чистой математики — был доцентом, профессором, затем заслуженным профессором. Последователь Н.И. Лобачевского. (*Ологичев П.М.* Казанский геометр Федор Матвеевич Суворов // Историко-математические исследования. — М., 1956. — Вып. 9. — С. 315).

⁷ **Флоринский Василий Маркович** получил образование в пермской духовной семинарии.

⁸ **Кудрявцев Петр Николаевич** (1816—1858) — русский историк и литератор. Окончил Московский университет; ученик Т.Н. Грановского. С 1847 г. — преподаватель, с 1855 г. — профессор Московского университета. Специалист по всеобщей истории. Автор повестей и рассказов. (*Брокгауз*. — Т. 16а. — С. 929-930). В книге **А.В. Зверева** «Старейшее учебное заведение г. Перми» (1908) П.Н. Кудрявцев ошибочно числится в списке «Имен наиболее выдающихся из воспитанников пермской гимназии»; на самом деле он получил образование в московской духовной семинарии и, по-видимому, не имел к Перми никакого отношения.

⁹ В пермской краеведческой литературе до настоящего времени бытует версия о том, что Н.А. Фирсов родился в Перми и получил образование в пермской духовной семинарии. Трудно объяснить столь массовое заблуждение. Может быть, он не любил говорить о своем духовном образовании, способствуя тем самым сложившемуся мнению? В 1891 г. Д.Д. Смышляев включил краткую биографию Н.А. Фирсова в свой «Сборник статей о Пермской губернии», но не упомянул о месте рождения и происхождении Николая Алексеевича, уже зная, что начальство пермской гимназии твердо считает его своим выпускником. В 1893 г. в «Пермских губернских ведомостях» опубликовано письмо Н.А. Фирсова к Н.Д. Топоркову в память о Д.Д. Смышляеве, где он прямо сообщает о своей учебе в рязанской семинарии. И тем не менее, спустя три года, после его смерти в 1896 г., в некрологе (Исторический вестник. 1896. Июнь. С. 1054), и в статье А.А. Дмитриева «Памяти Н.А. Фирсова» (ПГВ. 1896. 2 мая) — он снова назван уроженцем Перми, сыном пермского священника и воспитанником местной семинарии. Через несколько лет сведения из памятной статьи появились в «Летописи» В.С. Верхоланцева, а впоследствии — во всех современных публикациях. Эти же ошибочные сведения приведены в биографической справке, помещенной в первом томе библиографического справочника «Краеведы и краеведческие организации Перми» (автор Т.И. Быстрых, Пермь, 2000); во втором томе справочника ошибка была исправлена. Достоверные сведения о месте рождения Н.А. Фирсова обнаружены Л.С. Рафиенко: это село Владычна Рязанской губернии (Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 2001. — Вып. 3. — С. 278).

¹⁰ С этими же вопросами Д.Д. Смышляев обратился за помощью к Н.К. Чупину в письме от 24 марта 1881 г., но, по-видимому, не получил вовремя ответа. (Письма Д.Д. Смышляева Н.К. Чупину (1855—1881) / публикация Л.С. Рафиенко // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 2001. — Вып. 3. — С. 266-267).

XXV

[2 ноября 1882 г.]

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

Позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: Иван Иванович Любимов¹ получил письмо от служительницы женских курсов при Казанском университете Елизаветы Васильевны Цветаевой, в котором она, описывая свое бедственное положение, просит помочь ей тремястами рублей. Иван Иванович готов исполнить ее просьбу, но, совершенно не зная г-жи Цветаевой, поручил мне осведомиться, действительно ли она состоит служительницей высших женских курсов при Казанском университете, нуждается ли она в пособии и заслуживает ли его. По этому поводу, я решился обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не оставить меня уведомлением в разрешении приведенных выше вопросов, так как Вам может быть известно положение г-жи Цветаевой. Если вы найдете, что она действительно нуждается и пособие заслуживает, то, чтобы не оставлять ее в неизвестности относительно результата ее просьбы, благоволите сообщить ей, что И.И. Любимов не замедлит выслать просимые ею 300 рублей.

Извините, что я утруждаю Вас моею просьбою, на которую я решился, имея в виду постоянное Ваше ко мне доброго доброе расположение.

С сею же почтою препровождаю Вам только что вышедший первый выпуск «Сборника статей, помещенных || в Пермских губернских ведомостях, в течение 40 лет их существования»². Первый выпуск включает в себя статьи скончавшегося в настоящем году Наркиза Константиновича Чупина. Кстати присовокупляю к нему отдельный оттиск статьи Екатерины Александровны Словцовой: «Женщина в семье и обществе». Статья эта напечатана в «Историческом вестнике» и была написана для литературно-музыкального вечера, в котором и Вы принимали участие в начале 1860 года³.

Июль, август и сентябрь текущего года я провел за границей, где лечился водами в Ахене⁴, вместо предположенного первоначально лечения в Казани, в чем и не раскаиваюсь, так как здоровье || мое заметно поправилось.

Если Ренан⁵ у Вас свободен, то не откажите его выслать с почтою и уведомить о его стоимости с пересылкою.

Прошу свидетельствовать Вам и Милостивой государыне супруге Вашей⁶ || мои искренние уверения, имею честь быть Вашим, милостивого государя, покорнейшим слугою Д. Смышляев.

Пермь. 2 ноября 1882.

ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. Д. 108. Л. 40-41 об.

Примечания.

Письмо со штампом «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 852».

¹ **Любимов Иван Иванович** — предприниматель, общественный деятель, друг Д.Д. Смышляева.

² Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842—1881 гг. / сост. Д.Д. Смышляев. — Вып. 1. — Пермь, 1882.

³ В 1881 г. Д. Д. Смышляев доставил в редакцию журнала «Исторический вестник» рукопись статьи **Екатерины Александровны Словцовой** «О женщине в семье и обществе», написанной ею в 1860 году. Статья была опубликована в журнале в этом же году (№ 8).

⁴ **Ахен** — город в Германии, земля Северный Рейн Вестфалия; расположен в месте, где смыкаются три страны: Германия, Бельгия и Нидерланды.

⁵ Возможно, имеется в виду популярная книга **Ж.-Э. Ренана** «Жизнь Иисуса».

⁶ Жена Н.А. Фирсова — Глафира Никифоровна (пермячка, урожденная Хвостова).

XXVI

[9 ноября 1882 г.]

Милостивый Государь, Николай Алексеевич!

С крайним прискорбием прочитал я в «Камско-Волжском слове» известие о безобразном событии в К[азанском] университете, жертвою которого были Вы. Еще более неприятно это событие тем, что виновником его был стипендиат пермского губернского земства, содержащийся на счет его еще в местной гимназии и, следовательно, бесконечно ему обязанный. Я не могу представить себе, чтобы лишение Воронцова стипендии последовало без уважительных причин и думаю, что одною из них было пьянство, в котором его замечали еще в Перми, во время || его учения в гимназии. Так я слышал, по крайней мере, вчера от знакомых, у которых он занимался с детьми. По чьей рекомендации дана ему стипендия в университете — не знаю; но надобно полагать — по рекомендации почтеннейшего Ивана Фроловича.

Прискорбный случай, обрушившийся на Вас — один из тех, от которых уберечься никому нет никакой возможности, и которые не могут вредить честному и доброму имени пострадавшего, и доказательством этого может служить выраженное Вашими товарищами сочувствие к Вам и соболезнование по поводу оскорблений, нанесенных Вам негодяем. ||

2 ноября я послал Вам книгу со статьями Чупина, перепечатанными из П[ермских] Губернских Ведомостей с обращением к Вам с искренней просьбою относительно служительницы высших женских курсов Цветаевой, но понимаю, что теперь Вам не до того, и потому прошу извинить меня, что я беспокою Вас моею просьбою, которая пришлась как раз не вовремя. Я постараюсь получить сведения о госпоже Цветаевой от кого-либо из казанских жителей, могущих ее знать.

Еще раз прошу Вас извинить меня за мою просьбу и принять уверение в глубочайшем к Вам моем уважении и преданности, с которыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Д. Смышляев.

Пермь. 9 ноября 82.

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 52-53.

Примечания.

По-видимому, Д.Д. Смышляев имеет в виду сообщение о событиях в Казанском университете в разделе «Местный отдел» газеты «Волжско-Камское слово» (1882, 30 окт., № 204).

28 октября 1882 г. Н.А. Фирсов, бывший тогда проректором Казанского университета и исполнявший обязанности ректора, во время лекции подвергся оскорблению со стороны студента 2-го курса медицинского факультета Воронцова, попытавшегося публично ударить его по лицу. Незадолго до этого Воронцов был лишен стипендии и обвинял в этом Н.А. Фирсова. В тот же день по решению специального «университетского суда» Воронцов был исключен из университета. Этот инцидент положил начало беспорядкам в Казанском университете, продолжавшимся в течение нескольких дней. Аудитории были закрыты, поставлено полицейское оцепление. Студенты выдвинули требования об увольнении Н.А. Фирсова и восстановлении в университете Воронцова. Они собирались на митинги, выпускали листовки. Была, например, изготовлена «стеклографированная» карикатура, изображающая проректора Н.А. Фирсова в виде цепного пса (ОПИ ГИМ, ф. 449, д. 192). Затем в течение месяца шло разбирательство с учетом роли каждого из участников беспорядков. В конце ноября группа наиболее активных студентов была исключена из университета на два года; часть студентов получила особое порицание, кто-то — просто порицание; все участники подписали «письменное обязательство» о раскаянии. Позднее эти события были подробно описаны в книге: **Корбут М.К.** Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804—1929. — Казань, 1930.

В 1889 г. Н.А. Фирсов опубликовал в журнале «Русская старина» (Т. 61) очерк «Студенческие истории в Казанском университете 1855—1863 гг.», написанный по документам университетского архива. В исследовательской работе ему помогал сын — студент Казанского университета Н.Н. Фирсов, в будущем известный ученый-историк. Возможно, к специальному исследованию этой темы Николая Алексеевича подтолкнули события 1882 года.

XXVII

Пермь, 1 мая 1893.

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич!

Вместе с сим посылаю Вам только что вышедший 2-й том «Пермского Края»¹ которым должно быть и закончится моя деятельность по Статистическому Комитету, ибо силы и здоровье мое сильно изменяют и настоятельно требуют «удаления от дел». Думаю нынешним летом поехать попутаться в море, хоть не решил еще — в каком.

В письме Вашем от 22 декабря минувшего года Вы спрашивали, не соберусь ли я что-то сообщить в Ваше || общество² по части архивной Пермского края. Сейчас у меня на очереди — рукописное Евангелие, принесенное в дар Григорьем Строгановым Верх-Яйвинской сельской церкви в 1592 году, т.е. 300 лет тому назад, и на днях еду в Новое Усолье, где находится это Евангелие ныне, в Никольской церкви, куда передано на хранение, по ходатайству позднейших Строгановых и по указу Св[ященного] Синода в 1828 году. Имею в виду снять фотографии с оклада и с рукописи, и вообще описать эту почтенную древность. Затем мне прислали из Чердыни разные, б[ольшей] ч[астью] серебряные вещи, найденные 15 июня прошедшего года в отъезжем поле, в одной версте от дер. Ташки, Кочевской волости, за р. Косой, у речки Язьвицы, || крестьянином той же деревни Федором Герасимовым Ковалевым. В числе этих вещей заключаются 12 серебр[яных] монет, по всем признакам древнеперсидских — сасанидских, двух видов. Конечно, в статье Вашей объяснить найдутся нумизматы-ориенталисты, которые могут определить точно означенные монеты. Что Вы желаете из двух — Евангелие или чердынские находки получить в описаниях? Только для Евангелия нужны будут, по крайней мере, два рисунка. Есть у меня и еще ввиду «антик» — сасанидское (несомненно) серебряное со следами позолоты блюдо, с изображением на дне его льва. Фотографию с него уже имею, а в предполагаемую поездку надеюсь видеть и самое блюдо. ||

В посылаемом 2-м томе помещена большая статья Теплоухова³ о древних чудских вещах, с рисунками, которая будет небезынтересна для Вашего общества.

Засим, позвольте пожелать Вам всего лучшего и засвидетельствовать глубочайшее уважение, с которым имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Д. Смышляев.

ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 198. Л. 54-55.

Примечания.

Письмо написано на бумаге со штампом «Дмитрий Дмитриевич Смышляев». Это одно из последних писем Д.Д. Смышляева — 15 ноября 1893 г. Дмитрий Дмитриевич скончался.

¹ Инициатором, составителем и редактором сборников «Пермский край» был Д.Д. Смышляев. Всего вышло в свет три сборника: первый и второй тома подготовил к изданию сам Дмитрий Дмитриевич; третий том, вышедший уже после его смерти, в 1895 году, редактировал А.А. Дмитриев.

² Профессор Н.А. Фирсов был председателем Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Д.Д. Смышляев являлся членом этого общества.

³ **Теплоухов Федор Александрович** — действительный член губернского статистического комитета. Во втором томе «Пермского края» опубликована его статья: «Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЕ К ПОДБОРКЕ ПИСЕМ Д.Д. СМЫШЛЯЕВА Н.А. ФИРСОВУ

Письмо Н.А. Фирсова А.Е. Теплоухову

[15 августа 1858 г.]

М.г. Александр Ефимович!

В Перми предпринимается издание «Пермского Сборника». Г. Смышляев, издатель этого сборника, просил меня сообщить об этом предприятию людям, известным мне своим образованным взглядом на вещи, и вместе с тем могущим содействовать к раскрытию и уяснению той или другой стороны жизни обширного Пермского края — в той мысли, что издание найдет в них к себе сочувствие.

Ваша репутация как образованного знатока этого края, Ваши труды об нем и, наконец, Ваше звание дают мне достаточный повод думать, что Вы не сочтете этого литературного предприятия бесполезным для настоящего времени, и побудили меня, хотя я и не имею чести быть лично с Вами знакомым, — довести его до Вашего сведения.

Может статься, Вы захотите сделать честь «Сборнику» — поделиться с ним Вашими знаниями о Пермской губернии; в таком случае редакция издания с благодарностью приняла бы всякую Вашу заметку об этом предмете.

В мыслях этих препровождая к Вам несколько экземпляров объявления об издании «Сборника», я льщу себя надеждою, что Вы не сочтете за большой труд для себя при случае передать об этом предприятию на общую пользу и другим, способным ей содействовать.

Имею честь быть Вашим покорным слугою

Н. Фирсов.

Пермь. 15 августа 1858 г.

Примечания.

В правом верхнем углу пометка А.Е. Теплоухова: Г. Ст. учитель пермской гимназии Фирсов просит содействовать изданию «Пермского Сборника».

ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 382. Л. 2-2 об.

Письмо Д.Д. Смышляева А.Е. Теплоухову

[27 октября 1858 г.]

М.г. Александр Ефимович!

Я к Вам с покорнейшей просьбой. У меня был крестьянин села Ильинского Николай Афанасьевич Серебренников, с предложением заняться сбором белки, по случаю необыкновенного в нынешнем году урожая. Я совершенно его не знаю, и потому позвольте Вас спросить: можно ли войти в торговые отношения с этой личностью. Ответом на сей вопрос Вы тем более меня обяжете, что совершенно разделяю убеждение г. Серебренникова в выгоде предлагаемого оборота.

Кстати, по поводу «Сборника». Могу ли я надеяться на статью от Вас для первой книжки, которая будет подготовлена для отсылки в цензуру не позже половины декабря? Делая подобный вопрос, я имею предложить Вам заранее полное свое согласие на авторские условия, какие Вам угодно будет назначить.

С истинным уважением, честь имею быть,
Милостивого Государя
покорнейшим слугою
Д. Смышляев.

Пермь

27 октября 1858 г.

ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 382. Л. 5.

Примечания.

А.Е. Теплоухов в 1858 г. жил в с. Ильинском, был главным лесничим в Пермском имении Строгановых. Он завел здесь образцовое лесохозяйство, создал опытный древесный питомник — парк Кузьминки. С 1845 г. Теплоухов был членом Вольного экономического общества, занимался археологией, этнографией, изучал историю Урала.

Письмо Н.А. Фирсова А.Е. Теплоухову

Редакция
Пермского Сборника.
Апреля 12 дня 1860 г.
№ 9.

М.г. Александр Ефимович!

Согласно с поручением Д.Д. Смышляева препровождаю Вам пятьдесят два рубля серебром, следующие во вознаграждение за Вашу, помещенную во второй книжке Пермского Сборника, статью, имею честь покорнейше Вас просить почтить меня уведомлением о получении означенных денег.

Редакция Сборника надеется, что Вы, милостивый государь, не лишите ее сотрудничества и на будущее время.

Примите уверения в истинном моем к Вам почтении.
Н. Фирсов.

Примечания.

Письмо написано на фирменном бланке Редакции «Пермского Сборника». В правом верхнем углу пометка А.Е. Теплоухова: *Получено 16 апреля 1860 г.*

ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 382. Л. 15-15 об.

**Письмо на имя бывшего старшего учителя
Пермской губернской гимназии г. Фирсова**

[5 декабря 1860 г.]

М.г. Николай Алексеевич!

На прощальном обеде, данном Вам по случаю отъезда в Казань, 29 прошлого ноября Вашими пермскими друзьями и почитателями, устроилась подписка в пользу беднейших студентов Казанского университета из пермских уроженцев. По подписке этой от 27-ми человек собрано шестьдесят один рубль серебром, которые тогда же и переданы Вам.

Мне поручено покорнейше просить Вас, М.г., употребить эти деньги по назначению, предоставив самим студентам выбрать из себя товарищей, наиболее нуждающихся в пособии.

Примите, М. г., уверение в искреннем моем к Вам уважении.

Подлинное подписал *Александр Иконников.*

5 декабря 1860 г. г. Пермь.

Пермские губернские ведомости. — 1860. — 16 дек.

Письмо Н.Д. Топоркова Н.А. Фирсову

[15 ноября 1893 г.]

М.г.!

Вчера получено Ваше письмо на имя моего постояльца¹ Дмитрия Дмитриевича Смышляева, когда уже он был в болезненном, предсмертном состоянии. Сегодня в 8 часов утра он до того тихо скончался, что сидевшие у его кровати сестра и племянница² не заметили этого: сказал им прибывший фельдшер. По моей просьбе хоронят под церковью отца-храмостроителя³. Отпевать будет преосвященный.

Надворный советник Николай Дмитриевич Топорков.

15 ноября 1893 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 453. Л. 1.

Примечания.

Письмо написано на почтовой открытке. Документ хранится в личном фонде **Павла Степановича Богословского**, профессора Пермского университета, филолога, краеведа. П.С. Богословский собирал материалы для Литературно-театрального музея, и письмо, по-видимому, по просьбе П.С. Богословского передано ему для музея сыном Н.А. Фирсова, Николаем Николаевичем Фирсовым. На лицевой стороне открытки оттиснут штамп: «Пермский Литературно-Театральный Музей. Инвент. № 882».

Вероятно, Д.Д. Смышляев был не только постояльцем Н.Д. Топоркова в течение многих лет, но и находился с ним в дружеских отношениях, поскольку их связывали общие интересы и занятия. В 1906 г. в «Пермских губернских ведомостях» (3 янв., № 2) опубликован некролог: «29 декабря скончался в Перми на 64 году жизни старожил города Н.Д. Топорков. Бывший воспитанник пермской семинарии, Н.Д. начал службу в учебном ведомстве, затем продолжал ее в духовном ведомстве (консistorии) и закончил в 1897 г. по ведомству министерства финансов, в должности бухгалтера губернского казначейства и в чине коллежского советника. Во время службы в консistorии покойный издавал «Епархиальный адрес-календарь» — издание, выдающееся по добросовестности работы, а в то время (70 г.) даже единственное в своем роде. Как человек, всегда готовый услужить всем по силе возможности, Н.Д. оставил добрую память, как среди сослуживцев, так и во всех, кому случалось иметь с ним дело, а таковых за его долгую трудовую жизнь было, конечно, не мало».

¹ В «Пермском епархиальном адрес-календаре» на 1885 г., составленном Н.Д. Топорковым, указан адрес Уполномоченного Православного Палестинского общества в Перми — Дмитрия Дмитриевича Смышляева — «у Новокладбищенского моста, дом Топорковой». Домовладелица — Лидия Федоровна Топоркова, вдова коллежского советника Н.Д. Топоркова. «Полицейский номер дома» — 1/47 на углу улиц Малой Ямской и Верхотурской (Островского). В этом доме в последние годы жизни снимал квартиру Д.Д. Смышляев. Дом стоял возле глубокого оврага, по дну которого протекал ручей под

названием Стикс; за ручьем находилось кладбище. (Минеев Г.И. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана. — Пермь: Тип. губ. земской управы, 1886. — С. 54; Кашихин Л.С. Некоторые сведения о деятельности Д.Д. Смышляева в последние годы жизни (1889—1893) // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 1995. — С. 140).

Из воспоминаний Ф.А. Мейера: «Д.Д. мне пришлось увидеть в 1891 или 1892 году по возвращении его из Иерусалима уже немощным седовласым старцем, но по-прежнему по духу энергичным и отзывчивым ко всему хорошему и к общественным интересам. Он жил в то время около Нового кладбища, на «могилках», как он выражался, и занимал должность секретаря Губернского статистического комитета». (Мейер Ф.А. Из воспоминаний о Д.Д. Смышляеве // Смышляевский сборник. — Вып. 1. — Пермь, 2009. — С. 253).

² Сестра Д.Д. Смышляева — Феодора (Теодора) Дмитриевна Солодовникова; племянница — ее дочь, Надежда Павловна Солодовникова, в замужестве Одуевская.

³ Отец Д.Д. Смышляева, Дмитрий Емельянович Смышляев, построил в Перми на свои средства кладбищенскую церковь во имя Всех Святых. При церкви имелась усыпальница, где в 1857 г. был похоронен Д.Е. Смышляев, а в 1893 г. — Д.Д. Смышляев.

Письмо Н.А. Фирсова Н.Д. Топоркову

[...] Спешу ответить на Ваше письмо от 15 ноября, заключающее в себе горестное известие о кончине Дмитрия Дмитриевича Смышляева. Ответ мой будет короток: я знаю покойного 35 лет, как лично с ним знакомый, и затем как председатель состоящего при Казанском университете общества археологии, истории и этнографии, коего деятельным членом всегда был покойный, и из этого давнишнего обоюдного знакомства я вынес только одно убеждение, что со смертью Дмитрия Дмитриевича потеряли не только Пермский край, но и вообще Россия одного из замечательнейших деятелей на пользу общества и науки: такие люди, как покойный Дмитрий Дмитриевич, по моему мнению, заслуживают особого уважения, и, полагаю, несколько торжественное погребение его при участии пермского преосвященного, который, кажется, был моим товарищем по рязанской семинарии¹, составит лишь малую частичку того, что бы поистине заслуживала память покойного². Почтительнейше прошу вас, милостивый государь, передать эти мои мысли, а равно сожаление мое об утрате дорогого деятеля русской земли и лично от меня, и от лица ученого общества, председателем коего я имею честь состоять, его родственникам и знакомым, хотя бы в местной газете, на напечатание в которой этого письма моего к вам в целом его составе я вас уполномочиваю.

В ближайшем заседании общества археологии, истории и этнографии будет сделан мною более подробный доклад о научной деятельности покойного Дмитрия Дмитриевича.

Примите и проч. ...
Н. Фирсов,

заслуженный ординарный профессор и председатель состоящего при Императорском Казанском университете общества археологии, истории и этнографии.

Пермские губернские ведомости. — 1893. — 1 дек.

Примечания.

Письмо опубликовано в «Пермских губернских ведомостях» под рубрикой «Местная хроника».

¹ Преосвященный — епископ Пермский и Соликамский Петр (1892—1902), в миру — Петр Леонтьевич Лосев (1833—1902 гг.). Он родился в Рязанской губернии; так же, как и Н.А. Фирсов, окончил Рязанскую духовную семинарию и с 1856 г. преподавал в Рязанском духовном училище. Рукоположен в 1857 г. В мае 1892 г. был назначен епископом Пермским и Соликамским, и за годы службы многое сделал для Пермской епархии. Скончался 30 марта 1902 г., похоронен у алтаря Спасо-Преображенского собора в склепе. См.: Агафонов П.Н. Епископы Пермской епархии. 1383—1918: краткий биограф. справочник. — Пермь: Арабеск, 1993. — С. 30-41.

² Об увековечении памяти Д.Д. Смышляева в Перми см.: Д.Д. Смышляев: библиогр. указатель / сост. Т.И. Быстрых. — Пермь, 2009. — (Смышляевский сборник, вып 1).

Письмо Г.Н. Фирсовой ректору Императорского Казанского Университета

4 мая 1896 г.

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Казанского Университета

Вдова заслуженного ординарного профессора,
Действительного статского советника,
Николая Фирсова, Глафиры Никифоровны Фирсовой

Прошение.

Мой муж, ныне покойный, заслуженный ординарный профессор Императорского Казанского Университета, действительный статский советник Николай Алексеевич Фирсов, 7 ноября 1895 г. подал Вашему Превосходительству прошение о предоставлении его к знаку отличия безпорочной службы за 40 лет его службы. По распоряжению Вашего Превосходительства,

Канцелярия Совета Университета отношением от 9 того же ноября за 3457 просила моего мужа представить в дополнение к указанному прошению сведения: о времени его рождения с указанием года, месяца и числа; кто из сыновей где и в каких должностях состоят на службе, кто из дочерей состоит в замужестве и за кем именно, и также гербовых марок на 1 руб. 60 коп. для приложения к прошению. Требование это Вашего Превосходительства осталось неисполненным по настоящее время, так как мой муж вскоре после подачи прошения об исходатайствовании ему знака отличия безпорочной службы заболел. Озабоченный состоянием своего здоровья, он, естественно, не мог думать о начатом им деле, и, утешая себя надеждой скоро оправиться от болезни, рассчитывал довести его до конца по выздоровлении. Но, как всегда и везде, «человек предполагает, а Бог располагает»... И здесь Всевышнему Промыслу угодно было направить течение тяжкого недуга не по желанию больного: болезнь его делала быстрые успехи; она уже потребовала самого тщательного лечения, ухода и полного спокойствия, заставив больного и нас, его семейство, забыть все другие вопросы и цели. Скоро болезнь приняла угрожающее положение, неотразимо приближалась катастрофа, и, к нашему великому несчастью, она поразила нас 24 истекшего апреля. В этот день, в 3 часа утра, мой муж скончался от паралича сердца, оставив меня с тремя детьми, из коих двое несовершеннолетние, осиротелыми.

Разбирая бумаги покойного, я нашла между ними и указанный выше запрос Вашего Превосходительства о доставлении сведений по возбужденному им в ноябре месяце ходатайству о представлении его к знаку отличия безпорочной службы за 40 лет. Представляя при сем требуемые сведения и 2 гербовые марки 80 коп. достоинства, покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать мне в Вашем ходатайстве пред высшим начальством о признании за моим покойным мужем права по 549 ст. 1т. 2 ч. Св. Зак. изд. 1892 г. Учрежд. Орден. и других знаков отличия, на знак отличия безпорочной службы за выслугу 40 лет и о предоставлении мне тех преимуществ, какие законом усвоены женам лиц, удостоенных знака отличия безпорочной службы и получавших на службе пенсию, т.е. о производстве мне, на основании 625 и 626 ст. того же тома и статута, с примечаниями к ним в виде вспомоществования за год той пенсии, какую мой покойный муж получал, состоя на службе.

При этом позволяю себе обратить внимание Вашего Превосходительства на то, что ходатайство моего покойного мужа о представлении его к знаку отличия безпорочной службы, возбужденное в свое время, не получило по настоящее время должного движения единственно только вследствие крайне несчастливо сложившихся обстоятельств, о коих мною указано вам. Эти обстоятельства, благодаря своей исключительности из ряда обыкновенных, дают мне повод и основание усиленно просить Ваше Превосходительство, по вниманию к долголетней службе моего покойного мужа и к нашему материально не обеспеченному положению, о применении к моему ходатайству примечания к ст. 626 статута орденов и знаков отличия, где предусмотрены почти аналогичные случаи с моим ходатайством, и смерть должностного лица, выслужившего уже срок на отличие знаком безпорочной службы, не служит препятствием к определению прав семейства умершего на его пенсию как вспомоществование.

Мая 4 дня 1896 года.

*Вдова действительного статского советника
Глафира Никифоровна Фирсова.*

Сведения по запросу Канцелярии Совета Императорского Казанского Университета от 9 ноября 1895 года за № 3457.

1. Скончавшийся 24 апреля 1896 г. заслуженный ординарный профессор Николай Алексеевич Фирсов родился 27 октября 1831 года.

2. Старший сын его, Николай Николаевич Фирсов состоит приват доцентом Императорского Казанского Университета и преподавателем Казанской 2-й гимназии.

3. Второй сын Владимир Николаевич Фирсов состоит и.д. Судебного следователя Уфимского Округного Суда II уч. Стерлитамакского уезда.

4. Старшая дочь Ольга Николаевна Фирсова, в замужестве за преподавателем Казанской Татарской учительской школы.

5. Вторая дочь, Мария Николаевна Фирсова, в замужестве за сельским врачом села Никольского, Астраханской губернии Ена-таевского уезда.

*Вдова действительного статского советника
Глафира Никифоровна Фирсова.*

**Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. совет.
Д. 9213. Л. 4-6 об.**

Письмо Н.Н. Фирсова П.С. Богословскому

[16 мая 1929 г.]

Многоуважаемый Павел Степанович,
очень благодарен вам за присылку брошюры об Уральском списке «Горе от ума». Что касается Вашей просьбы о присылке для создаваемого Вами музея портрета моего отца и других материалов его деятельности в Перми, то я эту просьбу мог бы исполнить, но для этого потребуется некоторое время, так как сейчас я только встал с постели, испытал жестокий приступ своей хронической болезни. У меня есть портрет отца || тех времен, я мог бы переснять, — и снимок прислать Вам. Затем в бумагах отца сохранились письма его ученика по пермской гимназии, потом студента московского университета М.Н. Хвостова, отца не так давно скончавшихся профессоров — В.М. Хвостова — проф. Московского Университета и М.М. Хвостова, проф. Казанского Университета. М.Н. Хвостов писал отцу из Москвы, и письмо его характеризует и быт тогдашнего студента, и обращения между недавними пермскими гимназистами и || преподавателем, находившимся с учеником и в пору его прохождения гимназического курса в дружеских отношениях*. Это довольно характерно для деятельности отца в пермской гимназии. Письма М.Н. Хвостова в подлинниках я мог бы пожертвовать в Ваш музей, если, разумеется, этот материал Вам подходит. Больше, кажется, ничего нет относящегося к пермскому периоду научно-педагогической деятельности отца — в оставшихся после него бумагах, кроме, разве, некоторых черновых его рукописей, которые были напечатаны. Вот всё, что могу сказать по возбужденному Вами вопросу. ||

С неперменным уважением
Н. Фирсов.

Казань, ул. Комлева,
д. 20, кв.3 Дом [нрзб].
16-е Мая. 1929 г.

P.S. В Пермской гимназии отец служил во второй половине 50-х годов; в начале 60-х он уже был в Казанском университете.
Н.Ф.

* Отец [нрзб] женился на сестре М.Н. Хвостова, пермячке, моей матери.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 189. Л. 20-21 об.

Примечания.

Письмо хранится в личном фонде П.С. Богословского в Государственном архиве Пермского края. К нему приложен конверт с маркой и штампом г. Казани. На конверте адрес: *Пермь, Университет, Проф. Павлу Степановичу Богословскому*. В архивном фонде П.С. Богословского нет документов, перечисленных Н.Н. Фирсовым, нет и портрета Николая Алексеевича. Возможно, они не были высланы по какой-то причине, или же переданы Богословским в Государственный исторический музей, где хранится фонд Н.Н. Фирсова.

Николай Николаевич Фирсов — старший сын Николая Алексеевича Фирсова, известный российский ученый-историк. Родился в Казани 18(30) сентября 1864 г. Окончил курс в Казанском университете (1888), и преподавал в нём. Профессор русской истории (1903). Защитил магистерскую диссертацию в Московском университете. Одновременно с преподаванием в Казанском университете, Н. Н. Фирсов преподавал в средних учебных заведениях Казани: Марининской женской гимназии (1893—1895), реальном училище (1894—1895), 2-й мужской гимназии (1895—1903). Был в научных командировках в Москве и Петербурге (1890, 1892, 1895, 1899, 1908—1909) для археологических разысканий. В 1920—1922 гг. ректор Восточной Академии. В 1923—1929 гг. работал в должности председателя Научного общества Татароведения. В 1929—1931 гг. возглавлял Музей пролетарской революции. Область исследовательских интересов — русская торговля XVIII века, зарождение крупных торгово-промышленных компаний, активизация внешней торговли как следствие политики правительства. После революции 1917 года изучал историю и этнографию нерусских народов Среднего Поволжья, исследовал экономическую историю России и крестьянских движений XVII—XVIII веков, русского революционного движения XIX века. Н. Н. Фирсов умер 7 апреля 1934 года в Москве. (Советская историческая энциклопедия. — Т. 15. — М., 1974. — Стб. 561-562).

Жена Н.А. Фирсова — *Глафира Никифоровна*, урожденная Хвостова.

Ее брат, *Михаил Никифорович Хвостов* — ученик Николая Алексеевича Фирсова — окончил Пермскую гимназию в 1856 г. Сведений о его биографии пока установить не удалось. Его сыновья, Вениамин Михайлович Хвостов и Михаил Михайлович Хвостов, стали известными в России учеными-историками.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868—1920) — российский философ неокантианской ориентации, специалист по римскому праву, в последние годы жизни — социолог, последователь Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля. Родился в г. Керчи 29 февраля 1868 г., окончил юридический факультет Московского университета (1889), где стал преподавателем, а с 1899 г. — профессором. 3 февраля 1911 г. вместе с группой профессоров в знак протеста покинул Московский университет, преподавал на Высших женских курсах, был сопредседателем Московского психологического общества. В 1910 г. принял участие в организации научного института с отделением «социальной психологии», однако этот проект из-за начала войны в то время так и не был реализован. Обладая разносторонними интересами, В.М. Хвостов работал над вопросами философии истории, методологии обществоведения, этики, психологии, социологии. Принадлежа по своим взглядам к левым либералам, конституционалистам, к революции как форме разрешения социальных противоречий В.М. Хвостов относился отрицательно. В марте

1917 г. В.М. Хвостов вернулся в Московский университет, читал здесь курс гражданского права. В это же время он преподавал на Высших женских курсах, в Народном университете А.Л. Шанявского; а также сделал попытку создания в Москве первого в России научного института социологического профиля — Института социальной психологии, ставшего в 1918—1920 гг. центром интеллектуального общения философов и обществоведов, включая П. Сорокина, Н. Бердяева, Б. Кистяковского, Р. Виппера, И. Покровского и других крупнейших мыслителей этого времени. В состоянии глубокой депрессии, вызванной разрухой эпохи «военного коммунизма», 5 февраля 1920 г. Вениамин Михайлович покончил жизнь самоубийством (повесился). П. Сорокин, относившийся к В.М. Хвостову как к своему учителю, считал эту смерть тяжелой утратой отечественной социологии.

Хвостов Михаил Михайлович (1872—1920) — русский историк античности, автор работ по истории Египта. Родился 26(14) октября 1872 г. в г. Керчи. В 1891 г. окончил керченскую Александровскую гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Его учителями были В.А. Шеффер, В.И. Герье, П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков. В 1895—1900 гг. — приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета. В 1900 г. приглашен в Казанский университет: в 1900—1907 гг. — приват-доцент, с 1907 г. — экстраординарный профессор, с 1914 г. — ординарный профессор. Его ученики: Н.П. Грацианский, И.В. Миротворцев, В.Ф. Смолин. С октября 1918 г. М.М. Хвостов был прикомандирован к Томскому университету, в декабре избран профессором по кафедре всеобщей истории. Умер в Томске 25 февраля 1920 г. Его сын, Владимир Михайлович, стал крупным советским историком. (Советская историческая энциклопедия. — Т. 15. — М., 1974. — Стб. 191-192; *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. — Казань: Изд. Казанского ун-та, 1978. — 112 с. — (Замечательные ученые Казанского ун-та).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В Указатель включены имена замечательных деятелей, упоминаемых в письмах Д.Д. Смышляева. Они выделены в Примечаниях к письмам жирным шрифтом и курсивом.

Бабст Иван Кондратьевич (1823—1881) — русский историк и экономист, профессор Казанского (1851—1857) и Московского (1857—1874) университетов. В начале научной деятельности занимался проблемами мировой истории; с 1850-х гг. научный интерес Бабста сосредоточился на вопросах политэкономии, экономической географии, статистики. См.: *Брокгауз*. — Т. 2а. — С. 612-613.

Багратион Петр Романович (1818—1876) — генерал-лейтенант, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, племянник П.И. Багратиона, героя Отечественной войны. Был инженером и ученым, открыл способ извлечения золота из руд цианированием (1843 г.), изучил влияние электрического тока на растворимость золота и серебра в растворах цианистых соединений. В 1861 г. на него было возложено поручение о введении в действие Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Пермской губернии. См.: *Брокгауз*. — Т. 2а. — С. 653-654; *БСЭ*. — Т. 2. — С. 514.

Березин Илья Николаевич (1818—1896) — российский востоковед, заслуженный профессор Петербургского университета кафедры турецко-татарской словесности, тайный советник. Родился в семье горного чиновника на Юго-Камском заводе, в Пермской губернии. Учился в Екатеринбургском уездном училище, затем в Пермской гимназии. Университетское образование получил в Казани. Совершил ученое путешествие по Дагестану и Закавказью, Турции, Персии и другим странам Востока. Результаты научной деятельности публиковал в «Трудах Восточного отделения Императорского Русского археологического общества», «Журнале Министерства народного просвещения», «Вестнике Европы», «Отечественных записках» и многих других, активно писал также популярные статьи о Востоке. В 1872—1879 гг. издал «Русский энциклопедический словарь» и в 1888—1884 гг. выпустил в свет два тома «Нового энциклопедического словаря», который хотел сделать по цене и краткости общедоступным. См.: *Брокгауз*. — Т. 3а. — С. 511.

Богословский Павел Степанович (1890—1966) — профессор, доктор филологических наук, фольклорист, этнограф, краевед, член Русского географического общества. Преподавал в Пермском университете, организовал Кружок по изучению Северного края при Пермском университете, активно занимавшийся научной и издательской работой. Сформировал в Перми научно-краеведческую школу, воспитал многочисленных учеников и последователей. В 1929 г. по инициативе Богословского был открыт первый на Урале Литературно-Театральный музей, насчитывавший около 20 тысяч экспонатов. В 1930-х гг. работал в Московском центральном НИИ методов краеведческой работы и Центральном бюро краеведения. П.С. Богословский скончался в Москве, но его богатый архивный фонд был передан в Пермь и хранится в ГАПК. См.: *Краеведы I*.

Булич Николай Никитич (1824—1895) — историк русской литературы. Родился 5 февраля 1824 г. в г. Кургане Тобольской губернии; в 1845 г. окончил курс в Казанском университете по философскому факультету, в

1849 г. получил степень магистра философии; в 1850 г. выбран Казанским университетом в адъюнкты по кафедре философии, но в том же году кафедра эта была упразднена, а Булич оставлен за штатом. В 1851 г. Булич, в звании адъюнкта, начал читать в Казанском университете лекции по истории русской литературы; в 1854 г. удостоен был Петербургским университетом степени доктора русского языка и словесности за диссертацию: «Сумароков и современная ему критика» (СПб.) Избранный затем в ординарные профессора по кафедре русской словесности, Булич читал лекции в Казанском университете до ноября 1885 г., когда вышел в отставку; в последние годы своей университетской службы он состоял ректором Университета. Является автором ряда работ по истории Казанского университета. Умер в 1895 г.

Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — ученый-зоолог, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (1898), писатель, профессор Казанского и Петербургского университетов, почетный член Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Под псевдонимом «Кот Мурлыка» опубликовал «Сказки Кота Мурлыки» (СПб., 1872). Автор повести «Впотьмах» (1877), «Воспоминаний об А.М. Бутлерове» и др. См.: *Брокгауз*. — Т. 5. — С. 343-344; *Красноперов Д.А.* Литературная память Перми: краевед. заметки. — Пермь, 2010. — С. 106-107.

Воскресенский Александр Григорьевич (1835—1869) — российский педагог и революционер. Из семьи священника, в 1858 году окончил Казанскую духовную академию. Работал в Перми учителем Пермской духовной семинарии и секретарем статистического комитета. Участвовал в деятельности революционного кружка во главе с А.И. Иконниковым, известного как Пермское тайное общество. В 1862 г., в связи с делом о распространении антиправительственной прокламации «Послание старца Кондратия», был уволен со службы и выслан под надзор полиции в Екатеринбург. Публиковался в столичных и провинциальных газетах. См.: Деятели революционного движения в России: биобиблиогр. словарь. — М., 1928. — Т. 1, ч. 2. — С. 72.

Головин Иван Гаврилович (1816—1890) — русский публицист, эмигрант (с 1844), сотрудник русской вольной печати. Издавал за границей журналы «Стрела» (1858—1859) и «Благонамеренный» (1859—1862). Автор «Катехизиса русского народа» (1849), «Записок» (1859), многих сочинений на французском и немецком языках о России. См.: *Брокгауз*. — Т. 9. — С. 70-71.

Граль Федор Христофорович (1770—1835) — известный пермский врач-филиантроп. С 1797 г. работал губернским врачом в Перми, выполнял обязанности уездного врача Пермского уезда, судебного медика, военно-медицинского эксперта. Бесплатно работал в открытой Приказом общественного призрения в 1786 г. городской больнице и до 1800 г. даже содержал больных за свой счет. Сделал значительный вклад в развитие оспопрививания в губернии, в борьбе с эпидемией холеры в 1829—1831 гг. Его труд был высоко оценен жителями Перми: в народе его называли «святым доктором». См.: *Чернев Б.А.* Пермский Гааз: эссе о докторе Грале. — Пермь, 1993. — 48 с.

Добролюбов Николай Александрович (24.1(5.2).1836, Нижний Новгород — 17(29).11.1861, Петербург) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ. Родился в семье священника. Учился в

духовной семинарии (1848—1853). В 1857 г. окончил Главный педагогический институт в Петербурге. Будучи студентом, организовал кружок, выпустил рукописную газету «Слухи». В 1856 г. Добролюбов познакомился с Н.Г. Чернышевским, затем с Н.А. Некрасовым и вскоре стал их соратником по работе в журнале «Современник». В том же году он выступил в печати, а с 1857 г. начал постоянную работу в «Современнике». Сотрудничал также в «Журнале для воспитания» (1857-1859). В условиях общественного подъёма конца 1850-х гг. определилась революционно-демократическая позиция Добролюбова, развивавшего эстетические принципы В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского. Свой метод художественного анализа он называл «реальной критикой». Литературная деятельность Добролюбова оставила яркий след в истории русской критики, эстетики, публицистики, оказала глубокое воздействие на многие поколения. В мае 1860 г. Добролюбов по настоянию друзей выехал за границу для лечения начинавшегося туберкулёза. Он жил в Германии, Швейцарии, Франции, более полугода в Италии, где происходили события, связанные с национально-освободительным движением под руководством Дж. Гарибальди. В июле 1861 г. Добролюбов вернулся на родину, не поправив здоровья. Острый туберкулёзный процесс, напряжённая работа, крушение революционных надежд в связи с усилением политической реакции свели его в могилу. Н.А. Добролюбов похоронен на Волковом кладбище в Петербурге (рядом с могилой Белинского, на Литераторских мостках). См.: БСЭ.

Ешевский Степан Васильевич (1829—1865) - историк, профессор Московского университета. Учился в костромской, потом в нижегородской гимназии, где на него большое влияние оказал учитель истории П.И. Мельников (Андрей Печерский). Увлеченный краеведением, создал музеи этнографии: в 1856 г. в Казани и в 1865 г. — в Москве. См.: *Брокгауз*. - Т. 11а. - С. 697-698.

Зырянов Александр Никифорович (1830—1884) — краевед и просветитель, писатель-самоучка. Окончил Далматовское духовное училище, в 1846—1861 гг. работал волостным писарем, затем — адвокатом по крестьянским делам в Далматове. По его инициативе была открыта первая в уезде бесплатная школа для крестьянских детей и публичная библиотека в с. Иванищевском, затем в г. Шадринске. В 1850-х гг. занимался собиранием и записыванием народных песен и сказок Шадринского у., часть которых вошла во второй выпуск «Народных русских сказок» Афанасьева (1889), и в первый, и во второй тома «Пермского сборника» Д.Д. Смышляева. Автор более 60 работ по истории, археологии, экономике, этнографии, метеорологии, культуре и быту населения Шадринского уезда. См.: *Смышляев Д.Д.* Сборник статей о Пермской губернии. — Пермь, 1891.

Иконников Александр Иванович (1833—1917) — российский общественный деятель, педагог и революционер, коллежский асессор. Получил образование в Казанской духовной семинарии, затем преподавал философию в Пермской духовной семинарии, служил чиновником особых поручений при пермском губернаторе. В 1859 г. основал в Перми публичную библиотеку, ставшую местом встреч революционно настроенной молодежи. В 1860—1862 гг. возглавлял революционный кружок, известный как Пермское тайное общество, которое ставило перед собой задачу содействия изменению существующего строя в России, проводило пропаганду среди местной интеллигенции, учащейся молодежи, особенно учеников Пермской ду-

ховной семинарии, составляло революционные прокламации, обращенные к народу. В 1861 г. А.И. Иконников был подвергнут полицейскому надзору, а в 1862 г. уволен со службы и сослан в г. Березов в Западной Сибири; в 1864 г. переехал в Курган, затем в Тюмень. С 1880 г. был мировым судьей по Ирбитскому округу Пермской губернии, с 1893 г. в течение десяти лет земский начальник в г. Чердыни. — См.: *Рабинович Я.Б.* Ревнителю прав народных: очерки по истории рев.-дем. движения на Урале в 60-х — начале 80-х годов XIX в. — Пермь, 1989. — С. 62-74; *Чагин Г.Н.* Материалы к биографии А.И. Иконникова // *Путь в историю, пути истории...* — Пермь, 2002. — С. 138-139.

Киттары Модест Яковлевич (1825—1880) — заслуженный профессор и почетный член Московского университета. Окончил Казанский университет, в 1845 г. получил степень магистра зоологии, а в 1848 г. степень доктора естественных наук. С 1850 г. занял в Казанском университете кафедру технологии и составил себе такую известность, что в 1857 г. по ходатайству московских купцов и фабрикантов в Московском университете была открыта кафедра технологии, на которую и был приглашен Киттары. В 1879 г., выслужив в университете 25 лет, Киттары вышел в отставку, переехал в Петербург и всецело отдался интендантству. Кроме работ своих по технологии и товароведению, он написал несколько статей по этнографии и физической географии, в 1860 г. получил от Вольно-экономического общества золотую медаль за изобретенный им способ простого и дешевого изготовления консервов. См.: *Брокгауз.* — Т. 15. — С. 235-236; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904).* — Ч. 1. — Казань, 1904.

Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — русский предприниматель и меценат. Из старообрядческой семьи. Разбогател на винных откупках («кокоровская водка» в русской литературе XIX в. обозначает водку дешевую, крепкую и весьма недоброкачественную). Стоял у истоков нефтяной промышленности в России. Учредитель акционерного общества Волжско-Каспийского пароходства «Кавказ и Меркурий», инициатор создания Волжско-Камского коммерческого банка, главный инициатор проведения конки — конно-железной дороги в Москве. Вместе с П.И. Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу. Принимал участие в создании Русского общества пароходства и торговли, Волго-Донской железной дороги, Товарищества Московско-Курской железной дороги, Общества Уральской железной дороги. В своих публицистических работах настаивал на губительности для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм. В 1850-х — 1860-х гг. Кокорев печатает в периодической прессе множество статей, где выдвигает свои проекты реформ. См.: *Брокгауз.* — Т. 15а. — С. 628.

Корш Валентин Федорович (1828—1883) — русский журналист, публицист, историк литературы, переводчик. Учился в Московском и Санкт-Петербургском университетах. С 1850 г. помощник редактора газеты «Московские ведомости», в 1858—1862 гг. — ее редактор. В 1862 г. переехал в Санкт-Петербург и в 1863 г. стал арендатором и редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая быстро приобрела популярность и репутацию либерально-демократического и оппозиционного издания. См.: *Брокгауз.* — Т. 16. — С. 361-362.

Крупенин Александр Дмитриевич (1819 — после 1871) — педагог, преподавал историю и статистику в Пермской гимназии в 1839—1849 гг., заведовал библиотекой гимназии (с августа 1841 г.), затем работал в Пензенской и Симбирской губ. В 1857—1861 гг. был инспектором в Пермской мужской гимназии, в 1861—1867 гг. — первый директор екатеринбургской мужской гимназии. В конце жизни переселился в Москву. Один из авторов «Пермского сборника» 1859 г. См.: *Краеведы I.* — С. 159-161; *Калинина Т.А.* Об Александре Дмитриевиче Крупенине // *Смышляевский сборник.* — Пермь, 2009. — Вып. 1. — С. 216-219.

Крылов Порфирий Никитич (1850—1931) — ботаник, флорист, один из основоположников учения о растительных сообществах — фитоценологии (фитосоциологии). Родился в семье откупившегося на волю крепостного крестьянина из Саратовской губернии. В раннем детстве вместе с семьей переехал в Пермь, где окончил четыре класса гимназии. В 1868 г. Крылов поступил учеником в одну из пермских аптек, где заинтересовался химией и лекарственными растениями, а вскоре — изучением растений (ботаникой). С 1885 г. работал в Томском университете, где основал первый в России расположенный за Уралом ботанический сад и гербарий. С 1917 г. — профессор Томского университета. См.: *БСЭ.* — Т. 13. — С. 508.

Любимов Иван Иванович (1838—1899) — предприниматель (купец 2-й, затем 1-й гильдии, представитель династии Любимовых), меценат и общественный деятель, городской голова Перми в 1871—1874 и 1876—1878 гг. Потомственный почетный гражданин и коммерции советник. См.: *Городские головы города Перми: к 280-летию г. Перми: сб. статей.* — Пермь, 2003. — С. 32-33.

Любимов Иван Филиппович (1806—1864) — пермский городской голова, купец, «потомственный почетный гражданин», коммерции советник. В 1840-е гг. занимался доставкой сырой соли с Дедюхинских казенных соляных промыслов в окружные магазины гг. Оханска и Кунгура. В 1850 г. купил в г. Перми каменный магазин (склад) на р. Каме у купца В.А. Котельникова. Имел салотопенное и мыловаренное заведения, которые продал в 1851 г. Т.И. Лопатину. В 1855 г. купил у судостроительной компании «Гакс и Тет» пароход «Екатеринбург», затем имел четыре парохода и более 30 барж. Вел оптовую торговлю уральским железом, хлебом и солью. Его торговый оборот превышал 1 млн. рублей. См.: *Городские головы города Перми: к 280-летию г. Перми: сб. статей.* — Пермь, 2003. — С. 30-32.

Любимов Михаил Иванович (1841—1909) — из семьи известных в г. Перми купцов и меценатов. Сыграл значительную роль в развитии экономической и общественной жизни края. Учился в Московском университете. В 1870 г. избран первым председателем Пермской уездной земской управы, был гласным Пермской городской думы, городским головой (в 1879—1881), много лет был директором Пермского общественного Марьянского банка, действительным членом губернского попечительства детских приютов, попечителем над Алексеевским реальным училищем, торговой школой. См.: *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая — Пермь, 1997. — С. 100.

Маслов Степан Алексеевич (1793—1879) — российский сельскохозяйственный деятель. Содействовал основанию Императорского Московского общества сельского хозяйства, был его непременным секретарем; основал периодический «Земледельческий Журнал», в котором поместил много материалов по сельскохозяйственным вопросам. См.: *Брокгауз.* — Т. 18а. — С. 751-752.

Мельников Павел Иванович (псевдоним: Андрей Печерский, 1818—1883) — русский писатель, этнограф-беллетрист. В 1837 г. окончил словесный факультет Казанского университета, в 1838—1839 гг. был учителем истории и статистики Пермской мужской гимназии. С 1839 г. жил и работал в Нижнем Новгороде. Основоположник нижегородского краеведения, член Русского географического общества (с 1842), чиновник особых поручений (преимущественно по делам раскола, с 1846), сотрудник многих газет и журналов, после ухода со службы целиком посвятил себя литературному творчеству. См.: *Краеведы I*. — С. 176-177.

Молилари де, Густав (1819—1912) — бельгийский политико-экономист, сторонник манчестерской школы. С конца 1850-х гг. был постоянным сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей». См.: *Брокгауз*. — Т. 19а. — С. 627.

Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881) — русский писатель. Окончил математическое отделение Московского университета (1844). Служил в Костроме и Москве. Дебютировал в печати в 1848 г., самым значительным произведением считается роман «Тысяча душ» (1858). Последующие произведения, например, романы «Люди сороковых годов» (1869) и «Масоны» (1880—1881 г.) уже не имели такого оглушительного успеха. В 1857—1860 гг. совместно с А.В. Дружининым, в 1860—1863 гг. единолично редактировал журнал «Библиотека для чтения». См.: *БСЭ*. — Т. 19. — С. 567.

Планер Дмитрий Иванович (1820—1882) — горный деятель, краевед. После окончания в 1841 г. института корпуса горных инженеров работал на заводах Урала, с 1865 г. жил в Петербурге: исполнял обязанности директора Главной физической обсерватории, позднее был библиотекарем Горного института. За заслуги перед наукой Планера в 1863 г. в его честь назвали новый минерал — планерит. См.: *Краеведы I*. — С. 208-209.

Пьянков Павел Егорович, преосвященный Палладий (1816—1882). В 1834 г. окончил курс Пермской духовной семинарии. С 1840 г. — магистр Московской духовной академии, учитель Пермской духовной семинарии, затем ее профессор. С 1844 г. — священник, с 1846 г. — иеромонах; был ректором духовных академий: с 1860 г. — Подольской, с 1864 г. — Орловской. С 1869 г. епископ Кинешемский (викарий Костромской епархии), с 1872 г. — Сарапульский, с 1877 г. — Олонецкий и Петрозаводский. См.: *Брокгауз*. — Т. 22а. — С. 639.

Словцова (Камская) Екатерина Александровна (1838—1866) — пермская писательница, публицист. Родилась в семье небогатого чиновника пермской казенной палаты, рано потеряла мать. Начала писать с 17 лет, в 1859 г. в журнале «Русский вестник» (1859, № 8) вышло небольшое по объему, но оцененное современниками как «талантливое» произведение «Любовь или дружба? Отрывок из воспоминаний моей знакомой». Автор ряда научно-публицистических статей. См.: *Русский биографический словарь*. — В 25 т. — М., 1896—1918. — Т. «Сабанеев—Смыслов». — С. 633.

Теплоухов Александр Ефимович (1812—1885) — российский лесовод. Бывший крепостной графов Строгановых, получил образование в Санкт-Петербургской школе земледелия и горнозаводских наук графини Строгановой и в Тарандтской лесной академии (в Саксонии). До 1875 г. состоял главным управляющим пермским майоратом графов Строгановых. А.Е. Теплоухову

принадлежит ряд книг и статей по лесоводству и археологии в русских и немецких журналах, самый известный труд: «Устройство лесов в помещичьих имениях» (СПб., 1847). См.: *Брокгауз*. — Т. 4 доп. — С. 746.

Теплоухов Федор Александрович (1845—1905) — лесовод, ботаник, краевед, археолог. Сын уральского лесовода А.Е. Теплоухова, основателя известного рода ученых и общественных деятелей Теплоуховых. В 1863 г. окончил пермскую гимназию, в 1868 г. — Тарандтскую лесную академию в Саксонии, в 1872 г. — Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. Работал лесничим Пермского нераздельного имения Строгановых. Занимался археологическими раскопками, был членом-корреспондентом Московского археологического общества. Ф.А. Теплоухов является одним из основателей Пермского научно-промышленного музея, был почетным членом Губернского статистического комитета, ПУАК и УОЛЕ. Автор многих краеведческих научных работ. См.: *Краеведы I*.

Успенский Тихон Иванович (около 1820 — 1863) — священник, краевед. В 1838 г. окончил Пермскую духовную семинарию. Был священником в с. Ключевском Шадринского уезда. Публиковал статьи в «Пермских губернских ведомостях» и «Пермских епархиальных ведомостях». См.: *Шестаков Я.В.* Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. 1800—1900. — Пермь, 1900. — С. 18.

Флоринский Василий Маркович (1833—1899) — врач и писатель, в конце жизни попечитель западносибирского учебного округа. Образование получил в Пермской духовной семинарии и в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, был ординарным профессором Казанского университета, по кафедре акушерства и гинекологии; вместе с тем занимался археологическим исследованием края. См.: *Брокгауз*. — Т. 36. — С. 169.

Чупин Наркис Константинович (1824—1882) — педагог, географ, этнограф, библиограф, один из основоположников уральского краеведения. В 1838—1842 гг. учился в Пермской гимназии, в 1845 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета со степенью кандидата, в 1850 г. защитил докторскую диссертацию. С 1851 г. жил в Екатеринбурге, с 1853 г. — инспектор и преподаватель Уральского горного училища, с 1862 г. до конца жизни — директор этого училища. С 1882 г. — почетный член Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Автор многих исторических и историко-географических трудов. См.: *Краеведы I*. — С. 289-291.

СПИСОК ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ

Сведения об изданиях взяты из пособия: Русская периодическая печать (1702—1894): справочник / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. — М., 1959. (Далее — РПП).

Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы — русский журнал, выходивший ежемесячно с 1 января 1858 г. по 1 мая 1859 г. в Москве под редакцией Е. Корша. За 16 месяцев вышло 8 книжек. Несмотря на большое количество имен и серьезность претензий, журнал закрылся за недостатком подписчиков, по выражению Е. Корша из «Послесловия» к журналу (помещенного в последнем выпуске) — «истощив в борьбе с равнодушным публики все средства». Одной из причин этого равнодушия исследователи видят в том, что общепрогрессивное направление журнала было слишком неопределенным. См.: РПП. — С. 354.

Век. Журнал общественный, политический и литературный — выходил в Петербурге в 1861—1862 гг., еженедельно. Ред. — П.И. Вейнберг, зотем Г.З. Елисеев. См.: РПП. — С. 409-411.

Вестник Европы. Журнал историко-политических наук — выходил в Петербурге с марта 1866 г. по март 1918 г., ежемесячно, в 1866—1867 гг. — четыре раза в год. Издатель-редактор М.М. Стасюлевич (до 1909 г.) и др. Первые два года был научным историческим журналом, с 1868 г. программа журнала была расширена за счет включения отделов внутренней и внешней политики, а также беллетристики. См.: РПП. — С. 471-472.

Волжско-Камское слово. Газета, издавалась в Казани в 1881—1882 гг., ежедневно, с августа 1882 г. — 3 раза в неделю. Издатель-редактор — С.М. Шпилевский. См.: РПП. — С. 621.

Журнал землевладельцев. Выходил в Москве в 1858—1859 гг., 2 раза в месяц. Вышло 24 номера. Журнал получал правительственную субсидию. Издатель-редактор — член редакционных комиссий по освобождению крестьян А.Д. Желтухин. См.: РПП. — С. 360-361.

Записки Императорского Казанского экономического общества. Научный журнал, издавался в Казани в 1854—1861 гг., ежемесячно. Редактор — М.Я. Киттары и др. См.: РПП. — С. 331.

Искра. Сатирический журнал с карикатурами — выходил в Петербурге в 1859—1873 гг., еженедельно, в 1873 г. — 2 раза в неделю. Основан поэтом В.С. Курочкиным и художником-карикатуристом Н.А. Степановым. Всего вышло 700 номеров. В 1862—1863 гг. тираж достигал 10000 экземпляров. См.: РПП. — С. 376-380.

Исторический вестник. Историко-литературный журнал — издавался в Петербурге в 1880—1917 гг., ежемесячно. Вышло 147 томов. Издатель-редакторы — С.Н. Шубинский, А.С. Суворин и др. В журнале публиковались документы, мемуары, статьи на исторические, историко-литературные, этнографические темы, повести, роман, библиографические обзоры. См.: РПП. — С. 611.

Московские ведомости — газета, выходила в Москве в 1756—1917 гг. Основана Московским университетом. До 1842 г. издавалась 2 раза в неделю, в 1842—1858 гг. — три раза, с 1859 г. — ежедневно. Газета носила официальный характер. См.: РПП. — С. 24-25.

Московское обозрение. Критический журнал — выходил в Москве в 1859 г., четыре раза в год. Вышли 2 книги. Издатель-редактор — А. Лакс. См.: РПП. — С. 382-384.

Наше время. Газета политическая и литературная — выходила в Москве в 1860—1863 гг., еженедельно, с 1862 г. — ежедневно. Редактор — Н.Ф. Павлов. Первоначально — умеренно-либеральная, с 1862 г. получает денежную субсидию, расширяет программу, но становится более официозной. См.: РПП. — С. 402-403.

Отечественные записки. Учено-литературный журнал — выходил в Петербурге в 1839—1884 гг. (с 1859 — «Журнал учено-литературный и политический»; с 1866 — «Журнал литературный, политический и ученый»). Выходил ежемесячно (с 1865 по 1868 — 2 раза в месяц). Издатель-редактор А.А. Краевский, в 1860—1866 гг. — А.А. Краевский и С.С. Дудышкин, в 1866—1867 гг. — А.А. Краевский, с 1868 г. издатель — А. А. Краевский, редактор — Н.А. Некрасов, с 1877 г. издатель А.А. Краевский, редактор — М.Е. Салтыков-Щедрин. Энциклопедический журнал либерального направления. См.: РПП. — С. 272-286.

Парус — газета, выходила в Москве в январе 1859 г., еженедельно. Вышло два номера, после чего газета была запрещена. Издатель-редактор И.С. Аксаков. См.: РПП. — С. 382-385.

Пермские губернские ведомости. Издавались в 1838—1917 гг., еженедельно, с 1865 г. — два раза, с 1894 г. — три раза в неделю, с 1896 г. — ежедневно. Официальная часть издавалась в 1838—1917 гг., неофициальная в 1894—1917 гг. Первое время газету подписывали официальные лица, с 1864 г. — редакторы. В неофициальной части большое место отводилось краеведческим материалам. См.: РПП. — С. 402-403; Периодика Урала: библиогр. указатель. — Вып. 1: Дореволюционные издания / сост. Г.М. Савиных. — Свердловск, 1976. — С. 16-20.

Промышленный листок. Газета промышленности и торговли — выходила в Москве в 1858—1859 гг., 2 раза в неделю, прекратилась на № 28. Редактор — М.Я. Киттары. См.: РПП. — С. 364-365.

Русская газета. Еженедельное политическое, экономическое и литературное издание — выходила в Москве в 1858—1859 гг. Редактор С. Поль. Придерживалась умеренно-либерального направления и объявляла себя сторонницей английской политической системы. См.: РПП. — С. 366-367.

Русская старина. Ежемесячное историческое издание — журнал, выходил в Петербурге в 1870—1918 гг. Основатель журнала — М.И. Семевский. Издатель-редактор — В.А. Семевский, М.И. Семевский, Н.К. Шильдер, А.С. Лапинский, С.П. Зыков и др. См.: РПП. — С. 532-533.

Русский вестник. Журнал литературный и политический — выходил в 1856—1906 гг. в Москве, с 1887 г. — в Петербурге, в 1902—1906 гг. в Москве, два раза в месяц, с 1861 г. — ежемесячно. Издатель-редактор — М.Н. Катков, с 1887 г. кн. Цертелев, позже — Ф.Н. Берг и др. До 1861 г. — умеренно-либеральный орган, затем резко повернул вправо, был самым влиятельным органом реакционной журналистики. См.: РПП. — С. 340-343.

Русский дневник. Газета, выходила в Санкт-Петербурге в 1859 г. (с 1 января по 5 июля), ежедневно. Издатель-редактор П.И. Мельников-Печерский. См.: РПП. — С. 387-388.

Русский педагогический вестник — журнал, выходил в Петербурге в 1857—1861 гг., ежемесячно, один из первых педагогических журналов, вызванных к жизни общественно-педагогическим движением 1860-х гг. Издатель-редакторы (в разное время) — Н.А. Вышнеградский, П. Гурьев, А. Григорович. — См.: *РПП*. — С. 351.

Санкт-Петербургские ведомости — газета, выходила в Петербурге в 1728—1917 гг., в XVIII в. — два раза в неделю, с 1800 г. — ежедневно. Официальная газета. Редакторы (в разное время) — Г.Ф. Миллер, И.И. Тауберт, И.Ф. Богданович, А.Н. Очкин, В.Ф. Корш, Н.С. Усов, Э.Э. Ухтомский и др. С 1863 г. во время редакторства В.Ф. Корша в газете сотрудничают многие литераторы либерального и демократического лагеря, с 1874 г. происходит резкий поворот вправо. См.: *РПП*. — С. 19-20.

Северная Пчела. Газета политическая и литературная, выходила в Петербурге в 1825—1864 гг., три раза в неделю; с 1831 г. — ежедневно. Издатель-редактор — Ф.В. Булгарин, с 1831 г. — Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, с 1860 г. — П.С. Усов. См.: *РПП*. — С. 188-189.

Сельское благоустройство — журнал, приложение к «Русской беседе», выходил в Москве с марта 1858 г. по апрель 1859 г., ежемесячно. Вышло 14 номеров. Издатель-редактор — А.И. Кошелев. См.: *РПП*. — С. 366-367.

Стрела — газета, выходила в Лейпциге с 15 декабря 1858 г. по 18 января 1859 г. Выпущено два номера. Редактор — Иван Головин. См.: *РПП*. — С. 370.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРМЬ И ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ ДНЕВНИК» 1859 ГОД

«Русский дневник» — газета, выходившая в Санкт-Петербурге с 1 января по 5 июля 1859 года ежедневно, кроме понедельника и дней, следующих за праздниками. Редактор — Павел Иванович Мельников, известный писатель, (литературный псевдоним Андрей Печерский). В 1859 г. он был переведен на службу в Петербург и занялся издательским делом, выпуская газету с небольшой субсидией. «Русский дневник» печатался в типографии К. Вульфа на Невском проспекте, дом № 58. В числе сотрудников: С.Т. Аксаков, Е.П. Карнович, Д.Г. Мордовцев, М.П. Погодин и др. Газета была официозным органом, не получившим разрешения на политический и иностранный отдел. В таком виде она не могла существовать долго, подписчиков оказалось немного, газета приносила издателю убытки. С 5 июля 1859 года П.И. Мельников прекратил выпуск «Русского дневника».

Судьба П.И. Мельникова-Печерского связана с Пермью: в 1838—1839 гг. он находился здесь в ссылке и преподавал в пермской гимназии. Позднее, в 1839—1842 гг., Мельников опубликовал в журнале «Отечественные записки» «Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь)», куда были включены его воспоминания о Перми, а также материалы, собранные во время поездок по Пермской губернии. «Дорожные записки» пользовались у читателей большим успехом. В Перми они вызвали неоднозначную реакцию, но до настоящего времени не потеряли своего исторического значения, хотя с интересом читаются и просто как произведение художественной литературы.

В 1859 году в Перми выходила единственная газета — «Пермские губернские ведомости». К этому времени она уже имела «неофициальную часть» в виде приложения к некоторым номерам, но содержание газеты оставалось сугубо официальным, местные новости практически не освещались. В частности, из событий пермской жизни в 1859 году, за исключением открытия Губернского комитета по улучшению быта по-

мещичьих крестьян, ничего не нашло здесь отражения. С приходом нового редактора, С.С. Пенна, «Пермские губернские ведомости» становятся совсем другими. В 1860 году здесь появляются уже интересные краеведческие материалы, публикуются отчеты о благотворительных вечерах и даже ведутся дискуссии о «гласности».

Не имея возможности печатать статьи о местных событиях и проблемах в собственном городе, корреспонденты из Перми обращались в самые разные периодические издания. Конечно, здесь сразу заметили и «Русский дневник», тем более, что имя его редактора было хорошо известно.

«Русский дневник» давно стал библиографической редкостью, в библиотеках Перми его не найти. Подшивка газеты невелика — всего 141 номер, а пермских публикаций здесь много. Все это послужило поводом к тому, чтобы не просто составить список краеведческих статей, но и представить читателю тексты всех этих публикаций, избавив тем самым пермских исследователей от необходимости разыскивать материалы в различных библиотеках.

Для библиографического перечня отобраны все выявленные публикации, относящиеся по содержанию к Пермской губернии. Тексты приводятся полностью, без купюр. Составители не проводили специальных исследований по определению авторства. Псевдонимы раскрыты лишь там, где это подтверждается документами, или есть обоснованное предположение на этот счет.

Составители не ставили задачи подробно прокомментировать все материалы, примечания даются лишь к сообщениям о значительных событиях. Большие по объему статьи Д.Д. Смышляева и Н.А. Фирсова, например, сопровождаются немногими примечаниями, так как они перекликаются с письмами Д.Д. Смышляева, помещенными в настоящем сборнике.

Все публикации включены в «Содержание» — можно рассматривать его как своеобразный указатель к разделу «Пермь и Пермская губерния на страницах газеты «Русский дневник».

Составитель-редактор библиографического перечня — **Т.И. Быстрых.**

Материалы из газеты «Русский дневник» выявлены в Российской национальной библиотеке **Н.Ф. Захаровой, С.В. Пигалевой и О.А. Баталовой.**

8 января (№ 5).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 8 янв. (№ 5). — С. 3. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) 16 декабря 1858 года. I. *Случаев нечаянной смерти* было 18, в том числе: 1) В Чердынском уезде, государственный крестьянин Константин Ведерников, 18 лет, с двумя товарищами, переходя чрез озеро Чусовское, по тонкости льда, обрушились в воду, откуда в то же время были вытащены подоспевшими людьми; но первый из них от испуга и холода умер вечером того дня, а последние остались живы. 2) В Екатеринбургском уезде, непрерывный работник Верх-Исетского завода Михайло Медведев 14 ноября был с отцом своим и, наложив на воз сена, начали затягивать его стогом, при этом веревка лопнула, и Василий Медведев, брошенный с воза на снег, умер тут же от сильного ушиба. 3) В Верхотурском уезде, помещичий крестьянин Грачов, 48 лет, 28 ноября, сваливая из вагона шлак (выгарки от руды), придавлен был опрокинувшимся на него вагоном и умер чрез полчаса после того. 4) В Красноуфимском уезде, отставной мастеровой Артинского казенного завода, возвращаясь 23 ноября домой чрез пруд в пьяном виде, и обрушась в полое место, утонул. 5) В Ирбитском уезде, государственный крестьянин Завьялов, 55 лет, один из пайщиков мукомольной мельницы, 15 ноября пришел туда узнать, не его ли очередь молотить, но при осмотре шестерни неизвестно каким образом попал между нею и сухим колесом, где изломало ему левую руку и измяло его самого так, что он вскоре по привозе домой умер. 6) В Соликамском уезде, на мельнице чиновника Любимова 28 ноября внезапно прорвало плотину и снесло проходившего в то время по ней государственного крестьянина д. Белкиной, тело которого не найдено. 7) В Верхотурском уезде мастеровой казенных заводов Архип Омышев, 23 лет, находясь при разломке фабрики на Мариинском золотом прииске, убит упавшею на него колонною, которую он подрубал. 8) В Верхотурском уезде, 8 ноября кричный мастер Серебрянского казенного завода, 32 лет, работая на кричной фабрике, найден без признаков жизни, измятым под коленчатым валом воздуходувной машины и попавшим туда неизвестно каким образом. 9) В Камышловском

уезде, государственный крестьянин д. Черданской Черданцов отправился в нетрезвом виде верхом на лошади с племянником своим отыскивать похищенные у него от питейной выставки лошади с санями и упряжью и, встретясь у д. Борисовой с крестьянином Ильиным, получил от него по неизвестной причине удар в голову поленом, от чего свалился с лошади и вскоре умер.

В № 3 «Дневника» мы передали нашим читателям неудавшийся опыт крестьянки Рязанской губернии возвратиться к себе любовь мужа, опыт, который чуть было не стоил жизни последнему. Сегодня нам предстоит рассказ о другом опыте, но уже совсем иного рода, тоже из жизни простого семейного быта. И здесь женщина является главным действующим лицом, и здесь опыт, к счастью, не удался; но другие побуждения руководили виновницу его, и преступные намерения несчастной предадут случаю мрачный характер семейной драмы. В Верхотурском уезде 21 ноября жена мастерового Богословского казенного завода Якова Алезова, Анфия, 27 лет, пересыпав ядовитым порошком рыбу в пироге, подала его мужу своему, который от употребления этой рыбы почувствовал сначала давление под ложечкою и в груди, а потом и рвоту, но поданные тотчас же медицинские пособия спасли его от смерти, и он остался жив. В преступлении этом Алезова созналась, объяснив, что решила лишиться мужа своего жизни из неприязни к нему.

9 января (№ 6).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 9 янв. (№ 6). — С. 3. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) В Кыновском заводе, наследников гр. Строгонова (Кунгурского у.), мастеровой Павел Озовских, воротясь с охоты, забыл разрядить ружье. На другой день (8 ноября) он вздумал поправить его. Для этого, смазав боевую пружину и приклеив отставшую от ложа часть дерева, положил ружье с приподнятым курком на стол, с намерением обернуть ложе снурком, чтобы не отпала приклеенная часть ложи, пока не высохла. Снурком как-то зацепило за спуск, курок упал на капсюль, на котором был надет пистон — последовал выстрел, и сидевшая за столом мать несчастного охотника была убита наповал.

Верхотурского уезда, в селении Турымском, неспособный рядовой Яким Дмитриев, 4 ноября в перестроивавшейся швальне нанес себе ножом рану, но не смертельную. При расспросе, что

побудило его к самоубийству, Дмитриев отвечал: «с горя хотел зарезаться — 120 р. потерял». — В деревне Сеполе (Чердынского у.) государственный крестьянин Гаврило Чугаинов ездил в деревню Кошкину, намереваясь возвратиться на другой день, но воротился в полночь и увидел жену свою на полатах вместе с крест. Никифором Чугаиновым. Ревность вскипела в Гавриле и он, схватив полено, ударил так сильно по лбу спавшего Никифора, что тот мертвый свалился с полатей на пол. Убийца, взяв труп, свез его к заплоту соседнего дома и положил там.

22 января (№ 17).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 22 янв. (№ 17). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) Последняя ведомость о происшествиях богата исчислением несчастных смертных случаев, происходивших от неосторожности, от непредвидимых случаев и от крайней небрежности присмотра за детьми. Так, 8 ноября в д. Медведевой, Верхотурского уезда, двухмесячный сын государственного крестьянина Андрея Медведева Иван, оставленный родителями своими в колыбели спящим без надзора, обгорел смертельно, как полагают, от упавшего по неосторожности в колыбель угля от лучины, зажженной для освещения.

8 декабря, в д. Сапожниковой, Шадринского уезда, двухлетний сын государственного крестьянина Никита Жиганов упал, по недосмотру за ним, в чугунный горшок с горячею водою, обварился и на другой день умер.

А вот случай доказывает, что у нас нечаянная смерть постигает малолетних еще и оттого, что им поручают непосильную работу. В д. Малом-Ашапе, Осинского уезда, 15-летний мальчик Абдул-Гафи Сабитов, 27 ноября возил со двора навоз, который от мороза превратился в твердую и тяжелую массу, так что приходилось накладывать его на воз большими глыбами. Трудно было мальчику справиться с таким делом, да и не под силу оно было ему. Наложить-то кладь свою на воз он сумел, да не сообразил, будет ли она там держаться. Из этого вышло то, что с воза скатилась на мальчика большая глыба замерзшего навоза и задавила его.

29 ноября, в Шадринском уезде, села Уксянского, государственный крестьянин Прокофий Чирухин и два крестьянских мальчика, Кузнецов и Чирухин, возвращаясь с поля ночью домой с сеном, во время вьюги и сильного холода, сбились с дороги и

замерзли. А 8 декабря в Екатеринбургском уезде замерз крестьянин потому, что ему, пьяному, казалось не холодно и без кафтана и полушубка.

4 декабря, в Екатеринбургском у., на Сергиевском железном руднике графини Строгоновой, при добывании руды, на глубине 8 сажен выпавшим из забоя камнем убило крестьянина Билимбаевского той же помещицы завода Василья Макарова, 29 лет.

10 декабря, в Соликамском уезде, проживавший в с. Кудымкорском графини Строгановой бессрочно-отпускной рядовой Тимофей Тотмянин был в лесу с племянником своим, крестьянином Иваном Тотмяниным, и, желая удачнее застрелить сидевшую на дереве белку, взлез на другое дерево, но сорвавшись оттуда, упал на землю и ушибся до смерти.

30 января (№ 24).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 30 янв. (№ 24). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Надеюсь, что редакция «Русского дневника» не откажется поместить в своем издании известие об умственной жизни г. Перми. 1859 год обещает быть счастливым в этом отношении, с нынешнего года у нас будет издаваться «Пермский сборник». Задача этого издания — знакомить публику с Пермским краем; особенное внимание будет обращено на сведения статистические. Слышно, что у издателя есть несколько хороших статей по этой части. С нынешнего же года у нас открываются две публичные библиотеки. Была, впрочем, и прежде здесь публичная библиотека, но что это за библиотека. Существует, видите ли, здесь переплетчик, некто г. Новиков. Работы у него довольно, книг поэтому скопляется значительное количество. Каждую отданную ему в переплет книгу он, прежде всего, пустит в оборот на несколько времени (на неделю, на две, иногда и более), а потом уже переплетает и возвращает кому следует. Есть, впрочем, у него несколько десятков и своих книг, купленных когда-то где-то совершенно случайно. Ими должны пробавляться подписчики, когда нет в библиотеке работы. Разумеется, здесь и поминать не должно быть о возможности своевременно читать периодические издания. Зная это, странно как-то видеть на воротах квартиры г. Новикова вывеску, на которой написано «Библиотека для чтения». Впрочем, благодарность г. Новикову и за это. Цена у него за право чтения невысокая — 30 копеек в месяц: а

книги иногда попадаются хорошие. Вероятно, и ныне у него будут читатели, несмотря на то, что открылись две другие библиотеки. Одна из них назначается преимущественно для высшего класса пермского народонаселения и, вместе с русскими, выписывает и иностранные журналы; другая предназначена для всех и, не получая иностранных журналов, выписывает русских журналов вдвое более, чем первая.

8 февраля (№ 31).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 8 февр. (№ 31). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) 28 декабря, в Екатеринбургском уезде, в Сысертском заводе наследников Турчанинова сгорели от неизвестной причины два дома, принадлежавшие мастеровым Палкиным, и флигель со службами владельца заводов. Убыток от пожара простирается до 5000 руб.

Есть виды смерти, которые только и встречаются у нас на Руси: западные статистики, У. Фарр, Марк д'Епин, Герман, и понятия о них не имеют. В Кунгурском уезде, в д. Кирьяковой, крестьянка Авдотья Бабикина 16 декабря залезла в печь париться и задохнулась от жару...

В Екатеринбургском уезде, в даче Билимбаевского завода, при добыче золотосодержащих песков на старательской работе, крестьянский мальчик этого завода Дмитрий Софьин, 16 лет, при спуске в шурф на укрепление работ, 17 декабря ушибен упавшей на него чуркой и вечером того же числа умер.

Того же числа, в Кунгурском уезде, в д. Ерзовке, государственный крестьянин Данило Казарин был засыпан землею в шахте, из которой добывался флюсовый песок. Это произошло оттого, что шахта не была укреплена.

27 декабря, в Шадринском уезде, в с. Нижнепетропавловском, найден мертвым неизвестный человек с поврежденными ребрами, вынутыми внутренностями, оторванной рукой и обезглавленный.

В пятом часу утра 21 декабря, в 2-х или 3-х верстах от Кунгура, на Иренской горе, по дороге от Перми в Екатеринбург, ямщики Иван и Николай Тюшевы и Иван Полежаев везли кладь на 13 возах; неизвестные пять человек остановили их, насильно ограбили один воз с 12 коробками деревянных ложек и с 6 пудами мелких

чугунных гирь, и с ограбленным ускакали в г. Кунгур. По принятым тотчас же розыскам, ограбленные вещи найдены в доме кунгурского мещанина Якова Шубина и отданы извозчикам.

Ночью на 25 декабря в Верхотурском уезде, в 11 верстах от Черноисточинского Демидовых завода, проезжавшие два татарина из государственных крестьян Кунгурского уезда Гаммельтин Анталенок и Краснояр Кабитов, были остановлены двумя человеками, которые, избив тех татар, отняли у Анталенка деньги, паспорт и росписи на купленных ими лошадей, и скрылись в лес.

В Пермском уезде, в Архангело-Пашийском заводе, на Зыковском руднике, 11 декабря при взрыве железных руд порохом, ремесленнику Денисову оторванным камнем руды переломало берцовые кости обеих ног.

В тот же день в Кунгурском уезде, в ведомстве Кыновского наследников Строганова завода, заводскому крестьянину Никифору Покшарову сломало ногу навалившеюся бочкою с вином, которую он провозил из Серебрянского винного подвала в кыновской питейный дом.

12 февраля (№ 34).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 12 февр. (№ 34). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Оханск. Здесь крестьяне начинают сеять озимое обыкновенно с 1 августа. Это раннее время посева. Средний сев бывает около 6, поздний около 15 августа. В июле месяце, занятые сенокосением и жатвою, они оттягивают посев ржи до августа. А не равен год бывает, не равен месяц август! Оно так и случилось в 1857 году. В июле месяце погода стояла хорошая, но настал август, пошли дожди, настал холод, редкий день не было дождя. Только посеянные около 1 августа озими взошли и укоренились. Посеянные позже, особенно около 15 августа или вовсе не взошли по причине холода, или, если и взошли, то весьма редко и не успели прочно укорениться в почве. Цена ржаной муки, стоявшая летом 1857 года по 20 коп. сер. за пуд, при видах на будущий плохой урожай, с осени стала возвышаться и зимой поднялась до 30 и 33 коп. С наступлением весны ожидания плохого урожая оправдались. На иных полях не было даже признаков озими, на других всходы оказались весьма редкими. Некоторые крестьяне догадались, по крайней мере, перепахать озимые поля и засеять яровые; а то после июня полосы

привелось тоже выкосить. Весна 1858 года благоприятствовала росту хлебов; по временам перепадали благовременные дожди, погода стояла теплая, но настало лето, и с июля месяца пошли постоянные дожди и продолжались весь август, сентябрь и часть октября до заморозков. Яровые уродились хороши, но за недостатком тепла во многих местах не дошли. Ржи же уродились весьма редки, тощи зерном и обильны сорными травами. В ржи особенно много было спорыньи. Жатва продолжалась даже в сентябре, а уборка хлебов кончилась инде уже в октябре. Странное явление! Около Москвы и Петербурга, как известно, летом 1858 года стояла сухая и жаркая погода — высохли болота, горели леса, горели тундры, — а мы в Пермской губернии были залиты дождями и видели едва ли более десяти ясных дней в течение июля, августа и сентября. Дождями развело на всех дорогах грязь буквально по колено, сносило мосты, изрывало дороги. За бездорожицей не стало подвоза хлеба, овса и сена. Последствием всего этого было то, что цена на ржаную муку осенью поднялась в Перми до 55 и 60 коп., а в Екатеринбурге на овес до 80 коп. за пуд. Цена небывалая здесь с 1834 и 1841 г. Рассказывают, что крестьяне, занимающиеся извозом по тракту от Перми до Екатеринбурга и Тюмени, за недостатком овса около Екатеринбурга принуждены были кормить лошадей мешаниной, которую посыпали крупчатой мукой, ячневой крупой и даже пшеницей. По установлении зимней дороги около 10 ноября и с появлением подвоза хлеба, цены на ржаную муку в Перми и Оханске несколько понизились, но все еще держатся на 45-48 коп. сер. за пуд. Некоторые крестьяне мололи рожь, не очистивши ее предварительно от семян сорных трав и от спорыньи или по небрежности, или по незнанию вредных свойств спорыньи, которая в большом количестве, как известно, ядовита. Это не прошло даром: открылось несколько случаев отравления. В одной деревне Верх-Очерского, графини Строгановой завода, в семействе одного крестьянина вдруг захворали все его три сына, с ними сделалась рвота, и один из них вскоре умер в странных судорогах. Обыкновенно все крестьяне чуть не все болезни, особенно необыкновенные, приписывают порче. И этот крестьянин тоже сетовал на соседа-знахаря и говорил, что это он испортил его ребят. В Беляевском селе Оханского уезда открылась такая же болезнь, но в больших размерах и в большей силе. Здесь крестьяне большею частью бедные. Многие из них не очистили ржи от спорыньи, может быть, из экономии, чтобы иметь большую массу муки, а может быть, по незнанию ядовитых свойств

спорыни или по небрежности, при печении хлеба клали худую закваску, не давали тесту хорошо вскиснуть и дурно пропекали. Целые семейства повально захворали рвотой; рвота сопровождалась судорогами; руки и ноги, и все тело корчило, шею сводило, а у иных даже самое лицо свело на сторону. Многие умирали в ужасных мучениях. Командированный туда медик уже дознал причины таких припадков и растолковал дело бедным крестьянам. Замечено, что в тех домах, где ели хлеб очищенный, а если и не совсем очищенный, но хорошо заквашенный и пропеченный, припадков этих не было.

15 февраля (№ 37).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 15 фев. (№ 37). — С. 3. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Оханск. Между государственными крестьянами здесь введено управлением государственных имуществ взаимное страхование домов. К русскому простому народу вообще худо прививаются новые учреждения, даже самые полезные, и крестьянин недоверчиво смотрит на такие нововведения и неохотно их принимает. Бывшие случаи пожаров и вознаграждение пожарных убытков навели крестьян на толк, и большая часть из них поняли пользу страхования. При всем том и теперь по временам оказываются мужички, не понимающие своей пользы. У них своя логика. Вероятно, такие чудачки думают: «Хорошо, что дом-то сгорит: тогда можно получить обратно деньги, да еще с излишком; ну, а как не сгорит? Пропадут мои денежки ни за что, ни про что. И то вот уже третий год плачу по двенадцати копеек; да что в том толку? Вон у Сидора сгорел дом, так ему выдали деньги; да ведь это Сидору, а не мне. А мне какая от этого корысть? дом-то ведь не у меня сгорел». И вот какие случаи бывают следствием таких рассуждений и таких понятий. Один крестьянин Ш-аго села приходит к писарю и, переминаясь, со свойственными крестьянам ужимками, просит освободить его от страхования дома. «Нельзя ли, NN-ч, как-нибудь *освободить* меня от *штрафования* дому? Я вашей милости выставлю полштофчика». Надобно заметить, что крестьяне, чтобы платить меньше премию, оценивают свои дома большей частью в 15 р. сер., а страховой премии с такой оценки следует 12 к. Конечно, писарь только рассмеялся и растолковал крестьянину, что за полштоф вина ему придется заплатить 30 копеек, а за страхование дома 12 к., и что ему

выгоднее и лучше заплатить страховую премию, нежели покупать вино, и что за расходом на страхование у него останется еще 18 коп. Какие странные понятия! крестьянину кажется лучше израсходовать 30 коп. на вино, нежели заплатить 12 к. страховой премии. Мы полагаем, что такая несостоятельность и несообразность понятий, непонимание своей пользы, есть следствие взяточничества. Крестьянин привык откупаться от всего. Это уж вошло в неизменное правило и укоренилось в обычаях народа. Вот теперь он старается откупиться вином и от собственной своей пользы. Уж привычка такая!

18 февраля (№ 39).

Крапивин П. Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 18 фев. (№ 39). — С. 2-3.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Сысертский завод, близ Екатеринбургa. В Сысертских горных заводах гг. Соломирского и наследников Турчанинова происходило месяца полтора тому назад скромное по внешности, но значительное по внутреннему содержанию торжество установка и запуска в действие паровых молотов Конди. Во всех, до сих пор употребляющихся молотах, действующих паром, самый молот, то есть тяжесть, назначенная для произведения удара, составляла отдельную, совершенно самостоятельную часть целого устройства. Так, например, у Несмита чугунный молот, или баба, движется между чугунными же станинами, над которым помещен чугунный паровой цилиндр, неподвижный, с движущимся в нем по вертикали поршне; к поршню прикреплен стержень, на нижнем конце которого и находится самая тяжесть. Совершенно другое устройство дал Конди своему молоту: в то время как в молотах прежнего устройства паровой цилиндр составляет лишь средство, в молоте Конди он вместе и средство, и цель движения. У Несмита пар входит в неподвижный цилиндр, давит на движущийся в нем поршень, поднимает его, а вместе с ним поднимает и тяжесть посредством прикрепленного к нему стержня. У Конди совершенно наоборот: пар входит по внутреннему каналу неподвижного стержня в движущийся паровой цилиндр, давит на неподвижно прикрепленный к нижнему концу стержня поршень и заставляет паровой цилиндр подниматься до известной высоты; а затем, по выходе пара через выпускное отверстие, цилиндр всю свою тяжестью, увеличенную еще насаженной на нижний ко-

нец чугуною вставку, падает на наковальню. Скоростью падения, а следовательно, и силою удара, управляет весьма простой и удобный механизм, находящийся посредством рукояток в полном распоряжении машиниста, так что, как и у Несмита, молоту можно по желанию дать или всю силу падения и замедлить ее до желаемой степени, или сохранить размах, так что молот будет опускаться до известной высоты над наковальней, или, наконец, совсем остановить его на желаемой высоте. Выгода молота Конди заключается, главным образом, в простоте устройства, а следовательно, в устранении часто временных поломок, легкости сбора и дешевизне содержания, при отличном действии. Нельзя также не признать еще одного немаловажного достоинства в этом изобретении: остроумное превращение парового цилиндра в самый молот дало возможность сократить размер всего устройства, уменьшить значительно и его вес, а чрез то удешевило стоимость. В Сысертских заводах получено и установлено уже два таких молота: один действует в Сысерти, другой — в Ильинском листокатательном заводе. Кроме того, с будущей весенней навигации будет доставлен еще один такой же молот для Верх-Сысертского завода. Первые два молота, каждый в 2S тонны, обошлись заводам по 10000 р. сер.; а последний, в 1S тонны, будет стоить несколько дешевле. Паровой молот Конди — новое торжество науки, новый победный подвиг ума над силами природы, новая насмешка над невежеством и рутиной, которым больше нравится управлять силами послушных рук, чем силами природы, покорными не всякой воле. Но с тем вместе молот Конди в глуши России, в Сысертском заводе, есть одно из тех бесчисленных торществ, которые с недавнего времени празднуем мы ежедневно, ежечасно. Проснулись наши народные силы, расправились крепкие мышцы, завещанные нам древними богатырями, и пошли колесить по долам и по водам пары-богатыри. Не прочество ли было эта детская фантазия предков, создавшая Илью-муромца и Соловья-разбойника? Не наше ли время, не времена ли наших потомков преобразовали эти сказочные чудобогатыри? По крайней мере, мы не вправе подсмеиваться над этими могучими образчиками силы, при виде великих изобретений новейшего времени. Не в воображении, а перед глазами всякого у нас существуют и Соловьи-разбойники с их богатырским посвистом, и Ильи-муромцы с их стопудовыми палицами... Но дело не в том. Молот Конди не только в России, но даже и в Англии еще новинка; это одно из последних изобретений ме-

ханики, потому что нельзя без особенного сочувствия не обратиться к просвещенным владельцам Сысертских заводов, для которых все новое и полезное есть уже и необходимое. А между тем — стыдно сказать, грех утаить — находятся люди, для которых успехи Сысертских заводов на поприще промышленности колют глаза и вызывают самые нелепые противодействия. К прискорбию всякого благомыслящего друга прогресса, мы должны сознаться, что люди эти из числа тех, которым интересы промышленных успехов должны бы быть ближе к сердцу, люди с влиянием и, в добавок, с влиянием значительным.

П. Крапивин.

19 февраля (№ 40).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 19 февр. (№ 40). — С. 3. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) 5 января, в Верхотурском уезде, в Нижнетагильском заводе помещиков Демидовых, ночью сгорела от неизвестной причины кирпичная фабрика. Убыток простирается до 600 руб. сер. Кроме того, жертвою этого пожара сделался мальчик из подростков заводских людей Дмитрий Чулков, 14 лет, бывший в то время дежурным в сгоревшей фабрике.

22 января в том же уезде и на том же заводе, в 4 часа утра, произошел пожар в нижнем этаже каменного корпуса, где помещалось механическое заведение, как оказывается по розыскам, от зароненной сторожем этого заведения искры во время топки печи. Пламя, при бывшем тогда сильном ветре, быстро охватило все здание, так что никакие усилия пожарной команды и сбежавшихся жителей не могли остановить распространение пожара, который перешел на смежные с механическим заведением отделения, где находились штанговое колесо, токарни и слесарное производство; но здесь пожар прекращен. При этом сгорели две книги, выданные из Уральского горного правления на записку выплавляемого чугуна за 1858 и 1859 годы, и все расчетные, учетные и магазинные книги и документы по механическому, литейному и доменному заведениям. Убыток от этого пожара не приведен еще в известность.

2 января, казенные крестьяне Верхотурского уезда, Коптеловской волости, Федор и Павел Деевы с товарищами, всего 13 человек, приняли в Верхнесинячихинском заводе для доставления в завод Алапаевский 500 пудов железной болванки (невыделан-

ное железо), вздумали утаить их и провезли чрез Алапаевский завод по дороге к селу Армашевскому. Замеченные алапаевскими полицейскими служителями, они были настигнуты, и болванка от них отнята. Сами же виновные крестьяне, явясь к заводскому исправнику, сознались в совершении этой кражи.

24 февраля (№ 41).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 24 февр. (№ 41). — С. 2-3. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Перм. Губ. Вед.) Пермское помещичье сословие, немногочисленное по своему составу, владеющее, однако, многолюдными и богатыми имениями, до 200 000 душ, приняло к сердцу слово Царя своего и нисколько не отстало от своих собратий в искреннем желании улучшить на прочных основаниях состояние подвластных ему крестьян. Та же ревность к этому высокому человеческому подвигу, так повсеместно появившаяся в России по первому слову возлюбленного Монарха, побудила и пермское дворянство ходатайствовать о дозволении открыть в здешней губернии комитет по крестьянскому делу, для изыскания способов обеспечить и устроить положение владельческих крестьян на тех главных основаниях, которые указаны были в воле державного правителя России дворянству других губерний. Вследствие этого желания, 15 октября прошлого года состоялся Величайший рескрипт на имя г. Начальника Пермской губернии, К.И. Огарева, разрешающий немедленное открытие комитета. Начальник губернии поспешил, по получении рескрипта, особыми извещениями пригласить всех помещиков Пермской губернии прибыть в Пермь к 25 числу января для выбора из среды себя членов в имеющий открыться комитет. Такой несколько отдаленный срок открытия назначен был по тому уважению, что некоторые из значительных владельцев здешних дворянских имений не живут в Перми, и даже в губернии, а одни в столицах, другие даже за границей. По вызову г. начальника Пермской губернии, собрались в Перми все имеющие право баллотирования дворяне, живущие постоянно в пределах губернии; из живущих же в столицах явились только трое. Присутствие этих лиц, поспешивших воспользоваться дарованным дворянству благодетельною волею Монарха правом — принять деятельное участие в разрешении государственного вопроса, дало возможность приступить к образованию комитета.

31 января, в 9 часов утра, началось совещание в Крестовой церкви* высокопреосвященнейшим Неофитом, архиепископом Пермским и Верхотурским, в сослужении с важнейшим духовенством, божественной литургии с молебствием, по окончании которых и по возглашении многолетия Государю Императору и всему Царственному Дому, собравшееся дворянство было приведено к присяге, обыкновенно предшествующей дворянским выборам; присяжный лист читал сам его высокопреосвященство. Пред окончанием литургии, наш архипастырь произнес к дворянству назидательное слово на текст премудрого сына Сирахова: «Начаток всякого дела слово, и прежде всякого деяния совет». В этом слове духовный вития, указал на важность предстоящего дворянам дела, убежал их совершать его так, как требует воля Божия, всегда благая и совершенная, и направить все к общему благу, чтобы водворилось общее счастье и довольство как в чертогах владельцев, так и в хижинах поселян, в заключение пригласил всех вознести Господу Богу теплые молитвы как о здравии и о благоденствии Царя, так и о всесильной помощи к завершению предназначенного дела.

По совершению литургии и молебствия с установленною присягою, дворянство возвратилось в Дом Благородного собрания, где и было немедленно приступлено к выбору членов имеющего открыться комитета. Г. Начальник Пермской губернии предъявил дворянам список должностей, зависящих от их выбора, вручил каждому из них по одному шару для баллотирования, и затем совершилась сама баллотировка 4-х членов комитета, из которых один должен быть председателем его. Избранные: Председателем действительный статский советник А.В. Всеволожский, членами: кол[лежский] сов[етник] П.Д. Дягилев, кол[лежский] ас[ессор] Н.И. Севастьянов и кол[лежский] сек[ретарь] А.Ф. Реслейн, и каждому из них по одному кандидату. Все они тогда же были утверждены в должностях своих особым предложением начальника губернии и приведены к присяге на верность службы, и вместе с этим начальник губернии представил собранию членов, долженствующих заседать в комитете по непосредственному его назначению, кол[лежский] сов[етник] В.Д. Попова и кол[лежский] ас[ессор] П.А. Коновалова. Затем открыто было само присутствие комитета следующим порядком: начальник Пермской губернии прочел Высочайший рескрипт, на его имя данный, об открытии в Перми особого комитета для улучшения быта помещичьих крестьян, на основаниях, указанных уже дворянству других губерний, и особое предписание министра внут-

ренных дел, заключающее в себе некоторые подробности развития всех главных оснований, и потом произнес членам комитета следующую речь:

«Милостивые Государи! Пермская губерния, по малочисленности дворян и не существованию выборов, представляла в некоторое затруднение в образовании комитета об улучшении быта помещичьих крестьян, по ходатайству дворян, впоследствии Высочайшее соизволение. Но теперь, хотя число собравшихся дворян по разным причинам также незначительно, но я и дворянство решили, дабы приступить ныне же к исполнению Высочайшей воли, произвести выбор, и председатель комитета, члены оного и кандидаты утверждены мною в должностях.

Не буду говорить об обязанностях комитета, круге и времени его действия, потому что все это выражено в Всемиловейшем рескрипте Государя Императора, сейчас мною прочитанном, но не могу, однако же, в настоящий торжественный день открытия его не высказать собственного моего убеждения:

Любезное отечество наше на пути просвещения идет вперед исполинскими шагами, и к довершению цивилизации его остается разрешить настоящий важный государственный вопрос на началах, Всемиловейше Государем указанных. Выполнить эту священную волю Государя и беспрепятственно начертать безобидное для этой и другой стороны положение уполномочены в Пермской губернии вы, милостивые государи, и, следовательно, достижение этой благой цели зависит теперь от вашего просвещенного внимания и патриотизма. Я же, со своей стороны, готовый всегда на всевозможное содействие, употребляю все меры к успешному окончанию в определенный срок занятий комитета».

Вслед за этой речью председатель комитета, А.В. Всеволожский, обратился к членам комитета с своей стороны с следующими словами:

«Милостивые Государи! Лестно мне звание, коим вы меня удостоиваете, и если Начальством буду утвержден в должности, которую на меня возлагаете, употреблю все усердие, чтобы оправдать ваше доверие; но бессилен буду я, если вы, милостивые государи, лишите меня вашего содействия и тех полезных советов, которые внушены будут вам опытностью вашею и сознанием, что все мы призваны на великое дело, которое нам предначертано ныне благополучно царствующем Государем Императором нашим, что мы призваны на дело христианское — улучшение быта нашего ближнего.

Не приступая еще к делу в частных наших суждениях можно было видеть желание некоторых заводчиков на устройство этого дела на других основаниях в С. Петербурге, и эти суждения отделили открытие комитета; а как и донныне вопрос этот еще не решен, первоначальные наши обязанности должны состоять в собрании всех сведений, которые укажут нам, что улучшение быта крестьян, к какому бы ремеслу они не принадлежали, в основных началах своих одно и то же, что дарование прав свободного состояния должно распространяться как на тех, так и на других; различается лишь почва, на которой они привыкли работать, и орудия, коими должны владеть. Из сего можно заключить, что, как бы вопрос этот не был решен, труды наши будут не бесполезны; а потерянное время постараемся вознаградить, соединя дружно все усилия наши к исполнению возложенной на нас обязанности, ясно изображенной в Высочайшем Рескрипте».

За окончанием этого обращения г. Председателю комитета было вручено предложение г. начальника губернии с наставлением и формами, по которым должны быть собраны предварительные сведения о состоянии дворянских имений; а затем как г. Председатель, так и все члены комитета приглашены были г. Начальником Пермской губернии к обеденному столу Его Превосходительства.

За обедом первый тост провозглашен был г. Начальником губернии за драгоценное здоровье Императора, что один стоит во главе всякого великого дела в России, как недремлющий страж ее спокойствия, счастья и благоденствия, и всего Августейшего Дома. Тост этот, всегда знаменательный, тем знаменательнее был теперь, когда праздновалось начало существования в отдаленном краю России той великой идеи гражданской полноправности, которая возникла и созрела в душе Великого Монарха, поборника человеческих прав и защитника слабых. Второй тост был за здоровье всего дворянства, призванного к совершению важного дела об устройстве участи сотен тысяч подвластных. Затем председатель комитета предложил тост за здоровье г. Начальника Пермской губернии, горячо принявшего к сердцу этот великий общественный вопрос настоящего времени, и готового оказать всевозможное содействие к удовлетворительному его решению для здешнего края и тем выполнить благословенную мысль Государя Императора.

* В кафедральном соборе производятся значительные исправления. [Примечание автора статьи. — Ред.]

Примечания от редактора.

Статья перепечатана в «Русском дневнике» из газеты «Пермские губернские ведомости» (1859, 6 февраля, неофициальная часть к № 6, без подписи) полностью, за исключением небольшого вступления:

«Пермь. 31 января текущего года открыт в г. Перми Комитет об улучшении быта помещичьих крестьян. — Великий общественный вопрос, вызванный священной волею Государя Императора, и встретивший всеобщее, единодушное сочувствие, не мог не возбудить такого же живого, горячего интереса и в здешнем отдаленном крае, в котором более 200,000 душ людей крепостного состояния».

Крестовая церковь — так называются церкви, устраиваемые при митрополичьих и архиерейских домах и управляемые основателями их или их владельцами. Здесь имеется в виду крестовая церковь в архиерейском доме, рядом с кафедральным Спасо-Преображенским собором. В настоящее время Архиерейский дом, бывшее здание Пермского краеведческого музея, возвращен церкви.

1 марта (№ 46).

[Смышляев Д.Д.] Вести из Перми // Русский дневник. — 1859. — 1 марта (№ 46). — С. 1-2. — Подпись: *Пермяк*.

ВЕСТИ ИЗ ПЕРМИ

Визиты. — Визитеры близорукие, дальновидные и дилетанты. —

Праздничные увеселения. — Благородные спектакли. — Клуб. —

Губернские ведомости. — Пермский сборник. — Библиотеки для чтения. —

Народное чтение. — Открытие комитета для улучшения крестьянского быта.

Новый год начался у нас в Перми, по обыкновению, усердными визитами. Странное дело! Мы, пермяки, давно жалуемся на утомительный и безрассудный обычай развозить по городу себя и свои карточки, даже притворялись не раз, будто хотим *порешить*, что называется, визиты, заменить их пожертвованием в пользу детских приютов; но дело не клеится: видно, привычка сильна! Но ведь привычке, обыкновенно, предшествует необходимость или увлечение; а потому не лежит ли причина усердных визитов в самом устройстве нашего общества? Решить этот вопрос положительно не берусь, но полагаю, что визитеры вообще разделяются на две главные категории: близоруких и дальновидных. Принадлежа к первой категории, я имел когда-то разговор с одним моим приятелем, известным балагуром, но впрочем визитером дальновидным, как я убедился впоследствии, и, в заблуждении своем, высказал ему, что, по-моему, сделать визит значит приехать, поболтать и уехать, или, не заставши хозяина дома, оставить ему карточку, чтоб заплатить ему долг, или в надежде видеть его, в свою очередь, у себя.

«*Fi, donc!*»¹ воскликнул мой приятель, точно крысы, которых видел во сне городничий: пришли, понюхали и ушли прочь!.. На что это похоже! По-нашему, сделать визит значит в пору и вовремя посетить нужного человека, суметь застать его дома, расположить его в свою пользу, отклонить вовремя то неприятное мнение, которое он мог бы о нас составить вследствие причин, уже нам известных, и т.п. Одним словом, визиты для людей, конечно, обладающих известного рода тактом, прибавил он с чувством собственного достоинства, есть одно из важнейших средств, которыми упрочивается наше житейское положение. Впрочем, вы молоды: не поймете! Поживите-ка с наше: тогда вам сами собою понятны будут разные житейские потребности!»

В то время, несмотря на серьезную физиономию моего приятеля, я думал, что он, по обыкновению, балагурит, но впоследствии, наученный опытом, убедился, что визиты, в смысле моего приятеля, не только существуют, но имеют даже, как всякое вольное художество, своих дилетантов. Мне даже случилось встретить в жизни такого дилетанта. Это был почтенный, убеленный сединами старец, с Анною на шее и даже с чертами лица (если верить портрету, занимавшему в его кабинете почетное место между Гумбольдтом и Берцелиусом), смахивающими на знаменитого слепца Араго. Итак, значит, этот был старец почтенный во всех отношениях². Будучи дилетантом в делании визитов, он обладал необыкновенною способностью восторгаться, умиляться, волноваться, — одним словом, всеми возможными чувствами, в присутствии нужного человека и всегда достигал своей цели, то есть возбуждал, по крайней мере, к себе презрение и жалость, и поле битвы оставалось за ним. Искусен был злодей, нечего сказать! Стоило деньги заплатить, чтоб посмотреть, как он иной раз, приехавши к нужному человеку, с заднею мыслию обработать свои делишки, мышью пробирается по стенке, неслышно войдет, почтительно поклонится, причем шляпою коснется даже пола и, наконец, вследствие неоднократного приглашения, присядет на самый кончик дивана или кресла, наклонит умильно свою растрепанную белую голову немножко на бок и начнет говорить самым вкрадчивым, подобным журчанию ручейка, голосом. Надобно было слышать, как этот голос, обыкновенно басистый и мужественный, превращавшийся в рев Борея перед подчиненным, вследствие чего последний «дрожал как лист на ветке бедной», как этот голос Зевеса-громовержца неожиданно начинал, в свою очередь, дрожать, надобно было видеть эти увлажненные глаза, эту страждущую, угнетенную физиономию, на которой написано столько

собачьей покорности и нисколько уже в эти минуты не напоминающую Араго, чтобы понять невозможность отказать в умильной просьбе дилетанта, хотя бы на тот конец, чтобы поскорее избавиться от его присутствия и освежить голову, отуманенную отвратительным куревом этого Прометея.

Впрочем, такие Прометеи — редкость. Чтоб сделаться таким Прометеем, нужно им родиться и быть вскормлену в консисторской сторожке...

Но я отдалился от предмета.

Ну-с! Итак, пермяки-визитеры всяких категорий умаялись-таки порядком в первые дни наступившего года, проклинали, как водится, прекрасный обычай визитов, обедали в кругу своих семейств или, к вящему утомлению, у своих приятелей, потом покоились на лаврах, или попросту задавали хорошую высыпку, и потом пили чай и отправлялись на бал или карточный вечер.

Этого рода развлечений у нас, по заведенному порядку, было на праздниках вдоволь, и время пролетело незаметно. Кроме того на праздниках даны были два спектакля в пользу бедных. Театр наш, весьма скромный по наружности, был обделан внутри перед спектаклями заново. Места гораздо лучше прежнего устроены, прибавлено несколько лож, написаны новые, очень хорошие декорации и занавес.

Из деликатности, весьма свойственной провинциалу, я не берусь излагать своего мнения о выборе пьес и их выполнении; скажу только, что все это ничем не уступало обыкновенным увеселениям в этом роде. Но было бы несправедливо, помня желания, высказанные астраханским корреспондентом «Русского Дневника», умолчать о том, что благотворительная сторона наших спектаклей достигла своей цели. Мы знаем наверно, что по беспристрастно составленному списку, многие бедные семейства были порадованы денежною помощью.

Первое место в числе постоянных общественных развлечений пермских занимает клуб, который помещается в довольно большом и прекрасно отделанном в последнее время доме благородного собрания. По понедельникам, средам и пятницам там можно всегда встретить большую часть знакомых; можно поиграть в карты, на бильярде, и почитать найдется что: клуб выписывает до десятка русских и иностранных изданий, хорошо выбранных. Интересующийся может заглянуть, между прочим, и в губернские ведомости. Впрочем, это пока весьма обыкновенные ведомости, т.е. несколько листов довольно грубой бумаги, сложенной in 4°, наполненных официальными объявлениями и из-

редка завершенных статьею неофициального содержания, а большею частью перепечатками из журналов или объявлением о каком-нибудь столичном издании.

Бедность неофициального отдела легко объясняется, во-первых, тем, что редакция ведомостей в руках весьма обыкновенного чиновника; во-вторых, что она не располагает никакими суммами, из которых могла бы давать вознаграждение авторам. Но никак нельзя отговориться недостатком в Пермской губернии материалов, а равным образом и любознательных собирателей их. Как пермяк, я могу с некоторою гордостью сказать, что таких людей много в Пермской губернии, даже больше, чем во многих других. Есть много в губернии образованных и трудолюбивых духовных лиц, управляющих заводами и поместьями, смотрителей и учителей уездных училищ. В самой же Перми, кроме двух-трех лиц не служащих, есть несколько учителей гимназии, которые, при другой обстановке, могли бы быть весьма полезными деятелями на поприще провинциальной литературы. Чтоб недалеко ходить за доказательствами, укажу на предпринимаемое в Перми повременное издание «Пермский Сборник». Мы знаем, что в распоряжении издателя находится материалов уже почти на три книжки. Первая книжка, которая чуть ли не будет в сорок листов, почти изготовлена к печати; поэтому состав ее не есть секрет. Нам известны, по крайней мере, следующие главные статьи, которые должны ее наполнить: 1) Краткий исторический очерк заселения и цивилизации пермского края. Крупенина. 2) Несколько статей о Пугачевщине в Пермской губернии. 3) О животных, по древним памятникам Пермской губернии. Профессора Ешевского. 4) Сапца и позмог — две единицы веса сыпучих тел, употреблявшиеся в Соликамском крае. Словцова. 5) О постепенном географическом обозрении Пермской губернии. Чупина. 6) Лесное хозяйство в майорате графов Строгановых. Теплоухова. 7) Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении. А.Т. 8) Историческо-статистическое описание округа пермских казенных медеплавильных заводов. Планера. 9) Монография юго-западной части Шадринского уезда. Успенского. 10) Свадебные обряды города Чердыни. Предтеченского. 11) Несколько замечательных старинных рукописей. 12) Перевод сочинения доктора Церренера *Erdkunde des Gouvernments Perm*, изд. в Лейпциге (первая часть). 13) Материалы для указателя сочинений и статей, относящихся к Пермской губернии. Муллова.

В числе сотрудников «Сборника» есть, как видно, и не пермяки. Это доказывает сочувствие к изданию образованных людей, которым известны бескорыстные цели издателя. Пермяки с не-

терпением ожидают выхода первой книжки и видимо радуются этому делу. Есть, впрочем, и исключения; но о них не стоит говорить: в семье не без уroda!

По словам издателя, мы надеемся в июне иметь в руках первую книжку «Сборника». Издание ее в настоящее время замедляется недостатком местных типографских средств, вследствие чего она будет печататься, кажется, в Москве. Но так как издатель имеет намерение открыть свою типографию, то следующие книжки будут уже во всех отношениях *местным* изданием.

Мы говорили о богатстве литературных материалов в Пермской губернии, а потому будет кстати сказать, что и любителей чтения у нас довольно. Доказательства опять налицо. С 1859 года открыты в Перми две библиотеки для чтения. Первая, для чтения книг и журналов, открыта компаниею из четырех человек: чиновников Ильина, Пупкова, почетного гражданина Смышляева и старшего учителя гимназии Залежского, под управлением последнего, и в его доме; вторая, для чтения одних журналов, компаниею из профессоров семинарии и делопроизводителя статистического комитета Иконникова, под управлением последнего. Первая выписала в настоящем году 22 русских и иностранных журналов, вторая — 26 русских журналов. Выбор в обеих библиотеках вообще весьма удовлетворителен. Радует искренно такому проявлению разумной жизни в нашем захолустье и не сомневаемся в успехе доброго дела, особенно принимая в соображение условия, объявленные библиотекою Иконникова и К^о, которые доступны людям всякого состояния; а именно: за право получать для чтения на дом все выписываемые журналы, в продолжение первых двух месяцев со дня получения их в библиотеке, платится в год 5 руб., в полгода 3 руб., в месяц 75 коп.; за право чтения журналов во все последующие месяцы платится: в год 4 р., в полгода 2 р. 50 коп., в месяц 60 коп. Желавшие могут записаться на чтение каждого журнала порознь. Подписывающиеся таким образом платят за право чтения журнала, в продолжение первых двух месяцев по получении, восьмую часть цены журнала, в продолжение следующих месяцев десятую часть. Таким образом, чтение одного из самых дорогих журналов, каковы: «Библиотека для Чтения», «Отечественные Записки», «Современник», «Русский Вестник», «Русское Слово», обойдется подписчику с небольшим в 2 рубля; годовое же чтение журналов дешевых, каковы, например: «Листок для Всех», «Народное Чтение», будет стоить 50-25 коп., и это в первые два месяца; в прочее же время чтение самых дорогих журналов будет стоить в год 1 р. 65 к., журналов самых дешевых 40-20 коп.

Вот и оправдываются слова поэта:

Дай Бог поболее журналов!
Плодят читателей они...³

Было бы что читать, а читатели будут, будут во всех сословиях! Недавно в литературе нашей были серьезные прения о том, читать или не читать *русскому мужику*? Вопрос довольно странный! К счастью, гг. Оболонский и Щербачев, не мудрствуя лукаво, разрешили его положительно, и я могу фактом свидетельствовать, что они поняли истинные потребности русского простолюдина. Первая вышедшая книжка «Народного Чтения»⁴ читается с особенным удовольствием и интересом пермскими мещанами.

Переходим от отрадных литературных явлений нашей провинции к самой живой и свежей новости — открытию в Перми комитета для улучшения быта крестьян. Оно происходило 31 января и не было шумно. Число пермских помещиков весьма незначительно, да и из них оказались налицо очень не многие, а потому в открытии комитета и в выборе членов участвовали только девять человек. Но как бы то ни было, а благому делу положено начало. Председателем избран действительный статский советник Александр Всеволодович Всеволожский. Малочисленность избравшихся объясняется также тем, что комитет по устройству быта горнозаводских крестьян, говорят, дозволено открыть отдельно в С.-Петербурге.

Пермяк.

Примечания от редактора:

Статья написана Д.Д. Смышляевым. Авторство установлено по письму Д.Д. Смышляева от 31 марта 1859 г. (см. публикацию «Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову» в настоящем «Смышляевском сборнике»).

¹ Fi, donc! (франц.) — как. Здесь просто восклицание, вроде: «Фу!»

² Имеется ввиду И.Ф. Грацинский, директор пермской мужской гимназии в 1844—1884 гг.

³ Цитата из стихотворения П.А. Вяземского «1828 год»:

«...Назло безграмотных нахалов

И всех, кто только им сродни,

Дай Бог нам более журналов:

Плодят читателей они...»

(*Вяземский П.А.* Стихотворения. — Пермь: Кн. Изд-во, 1989. — С. 202, или любое другое издание).

⁴ «Народное Чтение» — журнал, посвященный главным образом быту крестьянского и мещанского сословий, издавался в Петербурге в 1858—1862 гг., по три книжки в год. Редакторы: А.А. Оболонский и Г.Д. Щербачев. Сотрудники: П. Небольсин, С. Максимов, Н. Успенский, Марко Вовчок, А. Майков, Л. Мей и др.

7 марта (№ 51)

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 7 марта (№ 51). — С. 1. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) В последней половине января было 48 случаев нечаянной смерти. Более других замечательны следующие: ушиблен до смерти лошадью 18-летний крестьянский сын: лошадь ударила его копытом в правый висок, в то время, когда он стал сбивать с копыт намерзший лед. — 16-тилетний сын мастера завода купца Кнауфа отправился из дома своего на двух запряженных в дровни лошадах в лес за лучиной; а к вечеру отец нашел его задавленным возом лучины и лошадью, в 10 верстах от завода. — Жена заводского крепостного человека, с семейством, съезжая с горы, была опрокинута следовавшим за нею и раскатившимся под гору на ее сани возом с дровами: бывшие с нею дети выпали из саней, а пятнадцатилетний сын ушиблен до смерти. — Заводский крестьянин вез в коробах уголь; в это время 12-тилетний сын его встал на отвод переднего воза и, упав по неосторожности, попал под задний воз, которым задавлен. — Государственный крестьянин на винокуренном заводе спустился в квасильный чан для очистки его после выпуска браги и задохся там от крепости спиртного запаха. — Один крестьянин задавлен глыбою хряща, который он добывал в горе на поправку дороги, а другой убит при накладке в железном руднике руды скатившимся с кучи ее замерзшим комом. — 14-тилетний крестьянский мальчик, везя в поле навоз, упал с саней при спуске в ухаб и задавлен тяжестью воза. — Крестьянин, 61 года, проезжая чрез деревню, на повороте дороги в ограду родственника своего был вышиблен, при скорой езде, из саней и, ударившись об ограду, убится. — Мастеровой утонул в водопроводной канаве при монетном дворе в г. Екатеринбурге. — Трое опились.

11 марта (№ 54).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 11 марта (№ 54). — С. 2. — Подпись: С.И.С.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Дедюхин, 24 февраля. Наступил великий пост, оставив за собою мясоед и масляницу. Последняя ничем особенным не ознаменовалась: те же горы для катания, как и в прошлые годы, те же вереницы ездящих на лошадах с полудня до глубокого вечера, как и прежде, тот же гвалт и шум в толпах пе-

шиходов, какой случалось слышать каждый год в эту пору. Но мясоед оставил по себе особенное воспоминание, Он начался, продолжался и кончился свадьбами во всех окружных селениях. Действительно, свадеб было такое множество, что многие не запомнят такого непобедимого стремления к размножению рода человеческого. В Дедюхине, Лёнве и Усолье, отстоявших друг от друга на три версты, при народонаселении в 6319 человек мужчин, браков было с 7 января по 13 февраля 130*. Это явление тем более удивительно, что дороговизна на жизненные припасы в это время доходила до ужасающей, по здешнему месту, цифры. Например, мука ржаная продавалась от 58 до 60 к. за пуд, пшеничная от 63 до 67 к., ячная от 60 до 65 к., крупчатка 2 сорта мешок тагильского размола 4 р. 30 к., а 1 сорта 5 р. 15 к. и 5 р. 30 к.; от 30 до 31S к. пуд овса; солод ржаной до 70 к., бражная (из чего готовится овсяная брага) от 50 до 55 к. Говядина от 1 до 1 р. 50 к. пуд; скат или две пары коровьих ног 20 и 21S к.; пара языков 20 к.; пара гусей 60 и 63 к.; пара индюков 1р. 50 к. и 2 р., тогда как в прошедшие годы цена на все это была гораздо умереннее, чуть ли не вдвое дешевле, а свадеб было почти на половину против нынешнего. Чем же объяснить это? Скажут: длинен был мясоед. Это правда потому только, что в длинный мясоед может быть более свадеб, чем в короткий, хотя нередко бывает и напротив; но может ли длинный мясоед сколько-нибудь сбавить цены с съестных припасов, необходимых при совершении разных брачных обрядов, сопровождающихся вообще угощением до пресыщения? Конечно, нет. Главная причина множества браков заключается, без всяких решительно ограничений, в питейном откупе. Да-с, откуп и один откуп виноват в том, что столько девушек сделалось «молодушками», столько молодых ребят — «мужиками». Дело в том, что откуп предшествовавшего четырехлетия в конце года пустил вино по дешевой цене: от 3 р. 50 к. до 3 и даже 2 рублей ведро, спирт высших градусов (124) в 7 р. ведро, а немного ниже — в 6 р. Народ, услышав о таком бессеребренничестве старого откупа, кинулся в питейные дома, с утра до вечера таская оттуда, кто чем мог, веселую влагу. Многие, обрадовавшись, что так дешево продают водку, искали занять денег, брали под залого, продавали необходимое, например, муку, и брали водку. Они рассчитывали, что, набравши дешевой водки в старом откупе, который, между прочим, распустил слух, что новый откуп будет продавать в 1859 году обыкновенный полугар чуть ли не 12 р. ведро, обеспечить себя надолго. И так как дела свадебные вообще требуют обиль-

ных возлияний, то все и решили, что лучше же пожениться, кому следует и не следует, при дешевой водке, чем при дорогой. А потому, чтобы не выпить между делами и без всякого дела дешевой, положили жениться как можно скорее, и именно в истекшем мясоеде. Но много ли выиграли эти экономай? Старый откуп был себе на уме: он вместе со 100 ведрами полугара продавал 200 ведер воды. И вышло, что там, где свадьба обошлась бы двумя ведрами (разумеется, хорошей, хотя и дорогой водки), понадобилось 6 ведер (дешевой и гадчайшей). Как понакупили водки да стали пробовать, то и узнали, что ее можно пить только разве самому хозяину, когда есть позыв на рвоту, а не гостей потчевать, и притом «дорогих», каковыми считаются сваты да сватьи. Вот и давай сдабривать, кто чем мог: кто шипичного корня не жалел, кто стручкового перцу фунтами на ведро вваливал, чтобы замаскировать дешевую полуводку. Однакож все это мало помогало, и многие хозяева для сватов должны были покупать в новом откупе. Какой доброты, в самом деле, была дешевая водка, вот доказательство. Один промысловый (происшествие это — факт действительный) работник вздумал погулять: купил полштофа и выпил: ничего. Купил другой, выпил: тоже ничего. Что за оказия? Думает он. Дай еще тяпну, и тяпнул еще полштофчика. Затуманило немножко, а желудок одуло уже довольно изрядно. Посидел наш молодец немножко и, для большего куража, хватил еще полштофа... Заметьте: он выпил уже четверть ведра. Полицейский служитель, бывший в это время в питейном доме и наблюдавший за порядком, следовательно, и за нашим кутилой, из предосторожности, чтоб не сгорел с вина рабочий, взял его и прямо в полицию. Чем же кончилось? Да русская натура крепка. Мужичок лег, вода вышла из него ртом, а хмеля все-таки ни прежде, ни после не было. Старооткупные начальники, допускаявшие дешевую продажу, самодовольно посмеивались, когда в их присутствии рассказывали об этом происшествии. Действительно, смешно!.. А каково обманутым бедным людям, каково новому откупу, который то сбавит цену на водку, то прибавит, а водка все-таки идет туго. Старый «залил». Рабочий народ наш, не подражая прямо крестьянам Ковенской, Рязанской, Саратовской, Владимирской, Тульской, Нижегородской и других губерний, нашел-таки средство учить откупщиков. У нас лучшим и полезным призвано пить пиво и брагу. Сыт и пьян, говорят рабочие, потягивая пивцо исходно, прибавим еще. И можно ли строго судить за то бедных людей? Как бы ни были зорки Аргусы питейных сборов, им никак не уследить за количеством.

17 января в городе Дедюхине, в 11 часов ночи, был слышан удар грома, после ослепительной молнии. Удар был так неожидан и так силен, что один рабочий (солонос), идя на конюшню за лошадь, от удара грома выронил из зубов свою трубку.

* В Дедюхине на 1620 чел. муж. пола 29 браков. В Усолье: в Соборе на 1899 — 25 браков; в Николаевской церкви на 1084 — 24 бр.; во Владимирской церкви на 600 — 14 бр.; в Лёнве на 1420 — 38 браков. Сведения эти заимствованы из церковных документов. [Примечания составлены автором статьи. — Ред.]

С.И.С.

Примечания от редактора:

Предположительно, статья написана священником Ипполитом Словоцовым, автором многих краеведческих публикаций.

12 марта (№ 55).

Чернышов В. О путях сообщения в Печорском крае // Русский дневник. — 1859. — 12 марта (№ 55). — С. 4. — Подпись: Валериан Чернышов.

О ПУТЯХ СООБЩЕНИЯ В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ

Более тридцати акционерных обществ, существующих теперь в России, доказывают быстрое развитие промышленных и торговых предприятий, при блистательных надеждах, представляющихся в будущем. К числу важнейших предприятий в этом роде относится покрытие сетью железных дорог обширных пространств. Эти новые пути сообщения, по всему вероятно, изменят и географическое значение местности, так что на месте ничтожных селений возникнут со временем обширные торговые города, ибо близ линии железных дорог умножилось и народонаселение. В недавнем времени развилась мысль об устройстве шоссейных дорог, но не менее их важны для промышленности водяные пути сообщения, сколько по дороговизне проложения железных дорог, столько и по недостатку на некоторых местностях материалов для шоссе. Говорят, что предполагается компания на акциях для развития промышленности в Печорском крае, бассейн которого составляет более тридцати рек, с их притоками.

Известно, что в истекшем 1858 году Императорское русское географическое общество снарядило экспедицию для исследования Печорского края в геогностическом отношении, одним из членов которой сообщены сведения о некоторых местностях. Нельзя сомневаться, что акционерное общество, при добросовестных действиях, не извлекло бы здесь выгод из трех царств природы.

Печорский край, представляющийся в современности слабо населенных, в летнее время решительно не имеет никаких сухопутных сообщений, и в этот период времени сообщения производятся здесь на речных судах различной конструкции. Зимой самодеды и зыряне разъезжают на оленях по губерниям: Архангельской, Тобольской и Вологодской, для сбыта местных произведений.

При развитии здесь промышленной деятельности, большую важность заслуживает устройство искусственных водяных сообщений, и первую необходимостью в этом отношении представляется возобновление Северо-Екатерининского канала.

Устройство его было произведено с тою целью, чтобы открыть торговые сношения архангельского порта с Сибирью. Посредством его река Журич соединилась с Северною и Южною Кельтмами.

К устройству канала приступлено в царствование Императрицы Екатерины Великой, в 1786 году; но, спустя два года, по неизвестным причинам работы были остановлены, в 1807 году возобновлены и потом, спустя два года, опять приостановлены, что продолжалось по 1816 год. Сообщение по каналу началось еще в 1813 году. В 1816 году работы были усилены, так что в шесть лет канал совершенно окончен. Протяжение его составляло 16 верст 320 сажен, так что постройка обошлась казне в 1,083,858 р. асс.* Соединяя реки Волгу с Камою, Южною Кельтмою, Вычегдою и Северною Двиною, открывалось сообщение Белого моря с Каспийским.

В продолжение двадцатилетнего существования этого канала общую ценность сплавленных по нем товаров можно усмотреть из следующей таблицы:

Годы	Число судов	Ценность груза на ассигнации	По переложении на серебро
1813	15	210,000 р.	60,000 р. —
1814	25	437,533 р.	125,009 р. — 42
1815	15	803,875 р.	229,678 р. — 88¼ к.
1816	25	905,775 р.	258,181 р. — 14¼ к.
1817	12	336,440 р.	96,125 р. — 21½ к.
1818	12	604,774 р.	172,791 р. — 15¼ к.
1819	7	Ценность груза не показана	
1820	13	47,740 р.	13,640 р. —
1821	7	65,000 р.	18,888 р. — 57¼ к.
1822	42	1,067,151 р.	304,900 р. — 28¼ к.
1823	3	3,195 р.	912 р. — 88¼ к.
1824	10	151,024 р.	43,149 р. — 71½ к.
1830	4	10,370 р.	2,962 р. — 88¼ к.
1831	3	28,065 р.	8,304 р. — 28¼ к.
1832	17	25,110 р.	7,171 р. — 42¼ к.
1833	11	27,750 р.	8,214 р. — 28¼ к.

За пятилетие с 1824 по 1830 год сведений нет.

Следовательно, при ежегодном движении, средним числом, двадцати двух судов, ценность провезенного на них груза составила 535,173 р. асс., или 152,906 р. 57¼ к. сер.

Сплав по каналу производило преимущественно купечество чердынское, соликамское и усть-сысольское, на барках, вмещающих груза от 6,000 до 8,000 пудов, и других мелких судах. Этим путем из Тобольской губернии к архангельскому порту доставлялось одно только говяжье сало, отправлявшееся за границу под именем сибирского, ценность на которое была всегда выше других сортов сала. Пермская губерния снабжала хлебом Печорский край и некоторые уезды Архангельской губернии, составлявшим довольно ценную статью торговли. Хлеб, предназначенный к подобной отправке, свозился по зимнему пути на пристани Усть-Вочскую и Канавскую.

Причиной закрытия Северо-Екатерининского канала была неудача в привлечении сюда сибирской торговли, медленность доставки корабельных лесов к архангельскому порту с берегов Камы и мелководие обеих Кельтм, хотя такие неудобства могли бы быть совершенно устранены устройством пароходов, удобных для прохода чрез мелководные места, или паровых плотов, чрез это ускорила бы и самая доставка грузов.

В 1833 году Северо-Екатерининский канал окончательно уничтожен, так что и принадлежавшее к нему имущество, заключавшееся в разных материалах, дома для помещения чиновников и служителей, магазины, шлюзы, водопроводы и мосты были проданы с публичных торгов. Для окончательного разрушения шлюзов и водопроводов, выжигали все деревянные поделки, из которых вынута такое количество меди и железа, что купившие металлические вещи получили значительные выгоды. Самый лес из строений также поступил в продажу. Плод многолетних трудов уничтожился весьма быстро.

На месте церкви, построенной в окрестностях канала и также упраздненной, поселилось несколько крестьян, занимающихся хлебопашеством и скотоводством, где занято посевами и лугами несколько десятин земли. Близ этого селения находится дремучий лес, где жители этой деревеньки занимаются упромышлением птиц и зверей.

Берегом канала пролегает дорога из Усть-Сысольска в Чердынь. Другая проселочная дорога проходила чрез дремучие леса, находящиеся в юго-западной части Чердынского уезда Пермской губернии, по которой в зимнее время свозились товары к усть-вочской пристани.

Выше замечено, что с образованием акционерного общества для развития в Печорском крае торговли и промышленности необходимо будет возобновить Северо-Екатерининский канал. Сверх того, очень полезно соединить каналом верховья Усы с Содью, что привело бы в соприкосновение шесть губерний: Тобольскую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую и Оренбургскую, также Белое море с Каспийским. Мысль об устройстве канала принадлежит покойному графу Николаю Петровичу Румянцеву**. Известно, почему проэкт этот остался неосуществленным.

В настоящее время река Печора не имеет никакого сообщения с системами мезенской и вычегодской, так что сплав произведений Печорского края в Архангельске может производиться не иначе, как только морем. Подобное неудобство можно устранить проведением небольшого канала из реки Ижмы в Ухту, чрез это соединилась бы Вычегда с реками Шомухшой, Огью и Вымью. На этой местности находится волок, чрез который чердынцы каждую зиму доставляют товары свои на Печору. Протяжение такого канала не превзошло бы и пяти верст.

Еще можно было бы соединить Печору с Тобольскою губернию, для снабжения Печорского края съестными припасами каналом, проведенным из озера Елец в реку Юнкангу, впадающую в Ленву, истекающую из Полсового камня, которая потом впадает в Обь.

Нет сомнения, что устройство искусственных водных сообщений в краю пустынном и слабо населенном потребует значительных издержек, без чего замедлились бы успехи промышленной деятельности от затруднительного сбыта и самой доставки сюда необходимых потребностей.

* По другим сведениям, в 1,078, 428 р. асс. [Примечание сделано В. Чернышовым. — Ред.]

Валериан Чернышов.

Примечания от редактора.

**Румянцев Николай Петрович (1754 — 1826), граф, русский государственный деятель, дипломат. Сын П. А. Румянцева-Задунайского. В 1776—1795 на придворной и дипломатической службе. С 1801 член Государственного совета, сенатор. В 1807—1814 министр иностранных дел, в 1810—1812 председатель Государственного совета. До начала Отечественной войны 1812 г. был сторонником тесного сближения с Францией, с 1814 в отставке. Румянцев собрал большую библиотеку, а также коллекции рукописей, этнографических и нумизматических материалов, легших в основу Румянцевского музея, книжные собрания которого в 1925 г. послужили базой для создания Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (в настоящее время — Российская государственная библиотека). Румянцев субсидировал деятельность кружка, в который входили историки и археографы Е. Болховитинов, А.Х. Востоков, К.Ф. Калайдович, П.М. Строев и др. В частности, по поручению Н.П. Румянцева в 1811—1821 гг. занимался исследованиями Пермской губернии В.Н.

Берх. Румянцев участвовал в сборе документов и материалов по истории России, как внутри государства, так и за рубежом (в архивах и библиотеках Германии, Италии, Франции, Швеции и др.). Был почетным членом многих академий и учёных обществ.

20 марта (№ 63).

Белов В. Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 20 марта (№ 63). — С. 3. — Подпись: Белов Василий.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Механическое заведение Гакса и Гуллета переводится из Екатеринбурга в г. Кунгур, вместе с чем дела заведения развиваются и средства увеличиваются. Заведение Гакса и Гуллета в настоящем своем составе может взять заказ по умеренным ценам на постройку до 4 железных пароходов к навигации 1860 года, от 4 до 120 сил каждый. Система машин, принятая заведением, смешанного действия, т.е. высокого и низкого давления вместе. Устроенные уже заведением пароходы: «Нахимов», «Иртыш», «Два Николая», еще «Два Николая», «Два Ивановича», «Добрыня» и «Владимир», употребляют в 24 часа действия: 80 — сильные от 12 до 13, и 100 — сильные от 16 до 17 сажен дров обыкновенной квартирной меры (14 вершков). В экономии топлива, прочности и правильности устройства судов, полезном действии машин, скорости и силе пароходов удостоверяют отличные аттестаты, полученные поименованными пароходами. Ныне получена заведением привилегия на изобретенное им усовершенствование в машинах смешанного действия. Это усовершенствование дает еще от 10 до 15% сбережения в топливе в сравнении с прежней системой постройки машин в заведении Гакса и Гуллета. Заведение Гакса и Гуллета приготавливает, кроме паровых, разного рода паровые и вспомогательные машины, литые и поковки.

Василий Белов.

24 марта (№ 65).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 24 марта (№ 65). — С. 5. — Подпись: К-нь.

Пермская губерния.

Пермь, 5 марта. В настоящее время, когда благодетельная гласность признана надежнейшим орудием к искоренению злоупотреблений и к обличению различных темных сторон наше-

го народного и общественного быта, не лишним, мне кажется, будет поставить во всеобщую известность следующий факт, сам по себе, по-видимому, незначительный, но наводящий на многие грустные мысли. На днях случилось мне купить в лавке кусок пенькового тика. Кусок этот был подан непечатым и неразрезанным, в том самом виде, как он должен выйти с фабрики; на этикетке означено имя фабрикантов, украшенное изображением двух медалей, полученных ими на промышленных выставках в 1835 и 1839 годах. Осмотрев наружную сторону товаров, так называемый хазовый конец, я признал его добротным и, сторговавшись в цене, взял домой, в полной уверенности, что купил материю порядочного качества и сходно. Но при разрезе и вскрытии куска, в котором значилось 37s аршина, оказалось, что только первые 7 или 8 аршин были именно такой доброты, которую обещала лицевая сторона; далее же шла материя несравненно низшего качества, редкая, значительно уже и даже другого рисунка. Выпускать в публику фабричные произведения с такой фальшью, значит, по моему мнению, употреблять во зло ее доверие. Какая же после этого есть гарантия для покупателя в том, что он покупает товар известного качества? Ведь мы знаем, что торговец берет у фабриканта материи оптом, в кусках тоже неразрезанных, вполне полагаясь на его честность и добросовестность; а где же в описанном мною случае эта добросовестность? Правда, что материя, мною купленная, очень дешевая; и весь кусок, доставшийся мне, может быть, из пятых рук, обошелся с небольшим в 5 рублей; но ничтожность вещи не дает права на обман (иначе нельзя назвать действий фабриканта, позволяющего себе прибегать к такому постыдному средству для получения лишней копейки барыша). И кто поручится, что фабрикант, допустивший такое злоупотребление в незначительном и дешевом изделии, не сделает того же и при производстве ценной, дорогой вещи? А, между тем, подобные поступки роняют в глазах публики кредит нашей мануфактурной промышленности, и не только у нас, но и за границей. Отчего, например, большинство покупателей спрашивает всегда товаров французских, и наши лучшие изделия принуждены прикрывать себя названием иностранных? Отчего упала наша торговля сукнами и плисами с Китаем? Прямо от недоброкачества наших товаров и от злоупотребления доверием потребителей. Кредит наших фабричных изделий на Кяхте давно подорван этими причинами; вследствие того купечество,

торгующее с китайцами, не находя более сбыта этим изделиям, прибегло в своих торговых делах на Кяхте к другому средству, везде столь невыгодно отзывающемуся на русском денежном рынке: средство это — тайный выпуск серебряных вещей и монет в количестве, гораздо высшем против дозволенного законом. Вред такого порядка дел чувствуется всеми и, разумеется, более всего несчастным непродовольственным классом народонаселения.

В описанном мною случае обращает на себя внимание, особенно, то обстоятельство, что фабриканты получили две медали на промышленных выставках. Неужели всегда и везде мы будем поступать только таким образом, чтобы, как говорится, товар лицом продать? Медали доказывают, что предоставленные на выставки произведения фабрикантов отличались своими высокими достоинствами: не ясно ли, что эти произведения были приготовлены нарочно только для *выставки*, а главная масса дела притом ничего не выиграла. Однако же, медаль, как почетное отличие, по-видимому, обязывала бы фабрикантов деятельно заботиться об усовершенствовании своих изделий. Где же эти заботы? где доказательства, что фабриканты успели оценить дарованное им отличие и постарались сделаться вполне его достойными? Ведь в 20 лет, со времени получения последней медали фабрикантами, куда как далеко должно было продвинуться совершенство их изделий! А между тем — увы! — судя по доставшемуся мне случайно образчику, фабриканты не только не ушли вперед по пути улучшения своих фабрикатов, но еще начали прибегать в сношениях с публикой к таким поступкам, существо и название которых может быть определено только 2252 статьею нашего уголовного кодекса. И вот как наша мануфактурная промышленность оправдывает заботы о себе правительства! Грустно, грустно и грустно!!! Надеюсь, что описанный мною факт, во имя общей пользы, найдет место на страницах вашей газеты, так горячо стремящейся к очищению нашего общества от тех темных пятен, которые, к сожалению, лежат еще густою массою на многих сторонах нашей народной жизни.

Примите, и пр.

К-нь.

27 марта (№ 67).

[Фирсов Н.А.] Пермская хроника: [фельетон] // Русский дневник. — 1859. — 27 марта (№ 67). — Подпись: Корреспондент.

ПЕРМСКАЯ ХРОНИКА

Нечто о составе пермского люда. — Увеселения пермского общества в январе и феврале. — Благородный спектакль. — Концерты г. Раншере. — Характер развлечений пермского общества. — Пробуждение любви к чтению в пермском обществе. — Литературные вечера и библиотеки.

М. Г. Позвольте обратить ваше внимание на мои наблюдения над жизнью пермского люда в первые два месяца нового года. Скажу, однакож, сначала о самом этом люде, прежде чем буду говорить, что нового внесли эти два месяца в жизнь его и что обещается в будущем для нее от этого нового.

Пермский люд распадается на две резко отделенные одна от другой половины. К одной примыкают привилегированные сословия, т.е. чиновники (дворян-владельцев немного — только около 60) всевозможных сортов и ведомств, духовенство, купцы — эту половину нашего люда мы назовем обществом — а ко второй половине относятся податные сословия. Общество распадается на высшее общество и *общество...просто так...*людей благородных. В каждой местности нашего края в высшем обществе блистают люди, которым богатство или занимаемая должность дают возможность влиять более или менее решительно на житейские отношения в этой местности. Сюда, впрочем, открыт вход каждому образованному человеку, если только он свой образованный ум выражает в приличных формах, т.е. одевается по моде, исправен в делании визитов, умеет говорить о разных приятных вещах и в состоянии при этом кстати бросать взгляды на высокие предметы, — словом, — умеет, что называется, занять в обществе; сюда же попадают и люди, которых называют людьми нужными, необходимыми, попадают, хотя бы они и не имели таких элегантных качеств. Вообще, однакож, чтобы попасть в высшее общество, для этого нет надобности производить свой род от Владимира св., или Гедимины, или какого-нибудь храброго немецкого рыцаря, носившего пудовой меч и побивавшего во время оно многих, хотя, надо правду сказать, происхождение от высокосиательных предков возбуждает к себе глубокое чувство уважения, даже умиление в некоторых особах нашего высшего общества. Как

ни часто сменяются одни другими члены этого общества в каждой местности нашего края, все же, несмотря на это, оно составляет нечто целое, живет по известному заведенному порядку, которому подчиняются решительно все его члены, имеет свой цикл мнений, ощущений и надежд. Другое дело — *общество просто так* или общество благородных: здесь собственно нет общества в настоящем значении этого слова, потому что только то можно назвать обществом, где есть какие-нибудь интересы, потребности, думы, надежды, одинаково близкие к сердцу всех членов этого общества. А этого-то именно и не имеет наше *общество просто так*, или, пожалуй, средний класс нашего народонаселения. Все люди, примыкающие к нему, только то имеют общего между собою, что они не податные; но этого, конечно, недостаточно, чтобы им жить общественной жизнью в настоящем значении этого слова. По крайней мере, я не нахожу такой струны, на звук которой бы одинаково отозвались офицер и столоначальник, и канцелярист, и купец второй гильдии, и купец третьей, и священник, и дьячок, и музыкант, актер и педагог, позабыв на минуту свои чины, звания, занятия. Оттого в нашем среднем классе в каждой местности есть столько кружков, сколько существует чинов, званий, должностей, занятий, капиталов, верований, убеждений. Впрочем, надо заметить, в заводах, которых, как вам известно, в Пермской губернии немало, различные слои общества живут дружнее, общественнее, чем в городах.

Податное сословие тоже представляет в своем составе великое разнообразие, условливаемое местностью, родом занятий, религиозных верований и проч., так что весьма удобно прилагается к нему поговорка: «что [ни] город, то норов»; но у этой массы есть узел, который крепко связывает все ее разнородные части; у ней есть лозунг, который дает принадлежащим к ней понимать друг друга, не взирая на различие в занятиях, обычаях, верованиях, при имени которого самые смертельные враги дружатся между собою. Этот узел есть гражданская неполноправность, этот лозунг — свобода.

Любопытно бы, мне кажется, проследить жизнь всех этих кружков, всех этих норовов, подслушать, чем каждый из них движется в своей жизни, на что надеется. Полагаю, небесполезно бы было, если б «Пермский сборник», предпринятый г. Смышляевым, обратил внимание на эту статью. Я с своей стороны в следующих письмах постараюсь касаться ее, насколько позволяют мне средства, потому что, как видите, это дело нелегкое. На этот

раз я позволю себе отметить известные мне факты, более или менее говорящие о той или другой стороне жизни и нашего высшего общества, и среднего класса, и массы, не вдаваясь в подробности, характеризующие только известные отдельные кружки в этих главных разрядах нашего народонаселения.

Начну с высшего общества. Канун нового года для него, особенно для лиц прелестного пола, как и везде почти, я полагаю, был очень хлопотлив, потому что везде, а значит и у нас новый год высшим обществом встречается вкуче. По крайней мере, у нас, в Перми, был назначен бал, на котором и положено было встретить новый год. А разве мало хлопот, чтобы приготовить даме должным образом к балу? Нужно причесаться к лицу, приобрести модный цвет лица; к тому же у нас считается не совсем лестным, если девица или дама является на бал в платье, в котором ее уже видели, и потому стараются по большей части приготовить для себя новое платье... ну, разумеется, со всеми принадлежностями, как-то: башмаками под цвет его, перчатками и кринолинами. Последнее обстоятельство, т. е. кринолины у нас в высшем обществе получили окончательное право гражданства. Не знаю, как в других местах нашего любезного отечества, а у нас в высшем обществе они отличаются обширностью, так что удобно могут обнять три стула, поставленные в ряд. Я полагаю, что особа в пермском кринолине никак не может утонуть, хотя бы несколько не умела плавать, а равно, падая с высоты — ушибиться. По крайней мере, как видно, в нашем обществе о них говорят и трактуют нередко. Случилось, один учитель спросил воспитываемый субъект: скажите, какая династия вступила на престол франкский после Меровингов? Тот отвечал очень свободно: кринолинов. Воспитываемый субъект вращается в обществе, где в употреблении кринолины... Так хлопот было немало для особ прелестного пола накануне нового года. В 9 часу я отправился посмотреть на плоды этих хлопот. Дом благородного собрания, или, как иначе [его] называют, просто собрания, что кажется справедливой, потому что неблагородных собраний не имеется в Перми, дом собрания был освещен как следует. Надо сказать, впрочем, об этом здании, что оно устроено очень удобно, пол паркетный, зала довольно обширная, бильярд, буфет, где с некоторого времени особенно силен запрос на коньяк... ну, словом, все как следует. Когда я вошел в залу, то уже с хор раздавались звуки кадрили (оркестр у нас очень недурной для провинции, благодаря усердию дирижера, г. Горна) и танцевали: танцова-

ли и взрослые, и дети. Я позабыл сказать, что на этот раз приведены были нашею аристократией и малолетние дети. Они были закостюмированы в разные, знаете, более или менее эффектные костюмы. Смотря на эту пеструю смесь цветов, головных уборов, порхающих ног и ножек, кринолинов, усов, любителей карт и упиваясь звуками кадрили, я, признаюсь, пожалел, что не рожден питой; а то бы я непременно воспел приличный гимн и этим порхающим в кадрили или старающимся казаться как бы плывущими нежным созданиям, из которых иная, оканчивая фигуру и подплывая к своему кавалеру, очень грациозно растопыривает руки, как бы маня его к себе, этим кавалерам, которые тоже стараются порхать, хотя иногда и безуспешно, по причине престарелости, и из которых иные очень удачно умеют изогнуть руку и ловко ведут своих дам, и этим юным созданиям, которые, танцуя, в то же время сосали конфеты, и почтенным мужам, сидевшим за картами, и маменькам, иногда с умилением взиравшим на своих танцующих дочерей; но... но у меня не имеется стиходеятельного дарования, а потому я предался прозаическим размышлениям на счет того, что стоят все эти бальные уборы, вместе взятые, что стоит, средним числом, каждый отдельный бальный убор и сколько нужно каждой в отдельности девице, даме и джентльмену, блистающим постоянно в высшем обществе, сколько нужно припасти денег на все имеющие быть в новом году балы. И в ответ на эти вопросы было *много*, так что ваш покорнейший слуга никак бы не мог блистать в этом обществе, хотя имеет годового содержания не менее 1,000 руб. Не знаю, как прозаическая мысль моя от взрослых устремилась на маленьких. Ведь это новое поколение, думал я: неужто и оно будет так же жить? Проявление и обыденной жизни ведь рано или поздно должно измениться: какое будущее этого подрастающего поколения? На эти вопросы я не нашел ответа и отправился скорее домой, не дождавшись окончания бала, который для некоторых джентльменов окончился далеко, далеко за полночь. С легкой руки бала под новый год увеселения почти не перемежались для нашего высшего общества: балы и обеды в частных домах, танцевальные вечера по воскресеньям в собрании, обычная музыка, танцы, визиты, кринолины, карты увеселяли его в течение всего января. Из всех этого рода развлечений нашего высшего общества выдавался *bal costumé*, который происходил 6 января в том же собрании, и о котором, как водится, предварительно и после было много толков. Костюмированных, впрочем, было немного, хотя и были

и маркизы, и пираты, и русские крестьяне, и крестьянки. На этом бале позволялось быть и в масках, но с тем, чтобы желающий явиться на бал замаскированным предварительно должен был у дежурного старшины взять билет; вследствие этого были только три маски, которым, верно, удобно было взять билеты. Такие же истории происходили в этот промежуток времени, столько я могу судить из писем моих приятелей, и в других местах Биармии, уездных городах, заводах, с тем только различием, что там роль оркестра во время танцев исполняли фортепьяно, в иных местах орган, который при этом приводится в надлежащее движение горничной или лакеем, или три, четыре доморощенных артиста, которые под конец вечера обыкновенно бывают пьяны и поэтому выделяют страшно оглушающие звуки, что вместо шампанского пьют больше наливку, и что вдобавок как-то идут там подобные увеселения дружнее и неприужденнее. В конце января и начале февраля из Перми многие из высшего общества, в том числе и некоторые высшие губернские чины с приличным штатом, и все почти первостатейные купцы отправились на ирбитскую ярмарку, на которой, кстати заметить здесь, говорят, был особенно сильный запрос на пушные товары. Вслед за этими господами отправился и оркестр, так что для воодушевления танцующей пермской публики осталось жалкое подобие музыки. Но это обстоятельство не мешало веселию, особенно во время масляницы: тогда до некоторой степени вознаграждали недостаток сладкогласной музыки катанье на горах, причем некоторые джентльмены лишились зубов и некоторые лица прекрасного пола подвергались иногда удовольствию проехать с горы без пособия санок, катанье за город, причем иногда поступалось так: пристегнут несколько троек в ряд, гусем, прицепят к ним несколько саней тоже в ряд один с другими и, разместившись поудобнее, отправляются по назначению.

Не высшее общество, а *общество просто так*, тоже уделяло часть времени в январе и феврале на развлечения. Здесь развлечения столько разнообразны, сколько находится кружков в этом классе; иной кружок в своих увеселениях видимо старался подражать высшему классу, занимался плясом, нередко, за неимением музыкантов, под звуки гитары, извлекаемые искусным в этом деле каким-нибудь коллежским регистратором, причем кто-нибудь из его товарищей, для вящей мелодии, в так ударял перышком по струнам той же гитары; играл в преферанс, нередко в банк или штосс (для меня удивительным кажется то му-

жество, с которым некоторые из этого рода господ ставят на карту сумму, иногда далеко превышающую месячное жалованье), наряжался в различные *quasi*¹ испанские, тирольские и прочие эффектные костюмы и разъезжал по разным домам, где можно было поплясать, толковал за закуской о ревизии, которая готовилась для палаты гражданского и уголовного суда и которая уже окончена, хотя результаты ее, как водится, положительно неизвестны; некоторые даже появлялись и в собрании, где в иных великосветских наших господах и госпожах возбуждали при своем появлении охоту щурить глаза. Другой кружок тоже плясал, хотя и не так ретиво (впрочем, танцы повсюду распространены) гадал, играл в фанты, грыз орехи. Но я не буду утомлять вас описанием тех увеселений, которым предавался каждый в отдельности кружок в этом слое общества в сказанное время, житья-бытья в это время. Я когда-нибудь постараюсь сообщить вам подробности на счет быта их вообще; теперь скажу только, что быт некоторых из этих кружков способен поразить самого хладнокровного наблюдателя своего материальною и нравственною несостоятельностью, и что эти кружки проводили время так же, как и в прежние годы.

Да и вообще со стороны развлечений пермское общество, как высокоблагородное, так и просто благородное, не изменилось несколько против прежнего времени и, вероятно, не скоро изменится. К числу экстраординарных развлечений, бывших для нашего общества в это время, относятся благородный спектакль и концерты г. Раншерй. Впрочем, это такого рода удовольствия, за которые нужно было платить довольно дорого, и потому немногие, кроме людей высшего общества, ими пользовались. Благородных представлений в пользу бедных было два. Если бы я обладал поэтическим талантом, то я бы не преминул воспеть и высоту цели, и освещение театра, и то удовольствие, которое причинила себе публика этими спектаклями, и заслуги гг. актеров, и проч. Но как уже упомянул, я не обладаю этим качеством, и потому заметил только, что театр был подновлен для сей okazji, что, впрочем, не мешало капать с потолка, что г. Смышляев читал повесть о капитане Копейкине² очень недурно, причем один высокородный господин, сидевший со мною рядом, спрашивал, что это такое Копейкин, в каком сражении значится по истории отличился г. Копейкин, воевал ли он под Севастополем; наконец, заметил я, что пьесы не все выбраны неудачно, что лучше других играли гг. Смышляев, Солодовников и г-жа Реслейн, уви-

дел в театре не одну из пермских камелий, получившую, как говорили, билет для входа в театр от своего патрона, и, в заключение, возвращаясь пешком из театра, провалился на одном из тротуаров, которые, надо заметить, не во всех местах, в том числе и перед казенною палатою, отличаются плотностью и исправностию; впрочем, тем не менее, остаюсь, как и вся публика, благодарным за доставленное спектаклем удовольствием. Г. Раншере еще весьма юный артист и поэтому, вероятно, повсюду сопровождается в своем виртуозном путешествии своим чадолюбивым родителем и другими сродниками. Он в Перми дал два концерта на своем инструменте — скрипке, и произвел своею игрою в публике не малое удивление. Он, действительно, вполне овладел смычком, хотя и играет левою рукою. Жаль только, что бьет он иногда на эффект, т.е. играет такие вещи, которые скорее прилично смотреть, чем слушать, которые показывают ловкость игрока, а не умение художника, и которые поэтому смахивают на фокус и не приносят того наслаждения, которое дается истинным искусством. Впрочем, этот виртуоз, по уверению знатоков, далеко все-таки оставляет за собою других скрипачей, когда-либо бывших в Перми. Г. Раншере отправился в Екатеринбург, а оттуда намерен проехать в Иркутск.

Не подумайте, однакож, чтобы пермское общество все свободное от служебных и другого сорта занятий время употребляло исключительно на служение этого рода развлечениям. Это было бы грустным явлением, потому что описанные мною удовольствия вовсе не походят на то развлечение, которому предается под час молодость, — развлечение, чуждое натянутости, задних мыслей, родовых и служебных расчетов, полное неподдельной жизни, потому что эти увеселения не походят на те, где эстетическое чутье и свободная мысль могут найти себе пищу; потому что эти наслаждения носят на себе характер или официальности, или заученного подражания принятым условиям, или исключительной чувственности, способно образовать людей в роде Фамусова; потому что это не те развлечения, которые непосредственно вытекают из жизненных потребностей только что начинающих развиваться обществ и в которых, как, например, в играх греков, празднествах славян, есть свой смысл, содержание, и не те удовольствия, которые достаются высоко развитым, свободным обществам, которые напрягают запас душевных сил, дают им новую энергию, а не усыпляют их, и которые потому так важны в их жизни.

Да, это было бы грустное явление, хотя, надо сказать, оно не так еще давно имело место и в нашем обществе. Теперь начинает у нас несколько обнаруживаться другое явление. Я говорю о том, что наше общество начинает сознавать потребность уделять часть свободного своего времени на нечто другое, помимо сказанных развлечений, начинает чувствовать нужду в чтении и размышлении о предметах не домашнего только обихода. У нас в Перми в прошлом году даже завелись было в некоторых домах литературные вечера. Правда, эти литературные вечера имели печальную участь: в одном доме, например, назначенные в известный день в неделю литературные вечера обратились, при самом своем возникновении, в такие вечера, где играли в карты и пили наливку и проч., а в другом литературные собеседники как-то не сошлись, так что один господин в заключение возникших прений по поводу, кажется, прочитанных писем Евгении Тур³, вероятно, в огорчении, что большинство не сочувствует его современным воззрениям, сказал: «Нет, господа, нам лучше читать басни Крылова»; но это может служить только доказательством дурного склада наших разного рода отношений, при которых естественно невозможен искренний обмен мыслей в более или менее многолюдном собрании без опасения нажать себе историю, и нисколько не противоречит тому, что у нас начинает обнаруживаться потребность чтения и размышления. Впрочем, эта благородная потребность возникла не в высшем обществе, а в среде людей не слишком высокоблагородных, потому что люди высшего общества, аристократы наши, льющие подчас потоками шампанское, исстрачивающие порядочную сумму на разные бальные принадлежности, играющие в преферанс и вист по большой, с немногими исключениями, большею частию не выписывали ни журналов, ни других книг, а некоторые, кажется, и теперь считают это дело излишнею роскошью.

Людям среднего слоя нашего общества, действительно, не под силу было доставлять пищу своей любознательности, по ограниченности содержания. А между тем чтение все более и более становилось для них потребностью, которой удовлетворить было нечем. Библиотеки у нас до 1859 г. были только казенные, т.е. при учебных заведениях, естественно трудно доступные публике. Публичная библиотека, именем которой, как я недавно узнал, величается библиотека при канцелярском училище, остается публичной только на бумаге, да и при том немного может доставить пищи любознательности. В Перми даже не было и того, что было сделано в некоторых уездных городах, где при уездных

училищах открыты публичные библиотеки, доставляющие возможность за умеренную цену пользоваться книгами. Наш губернский город в этом отношении был скуднее большей части заводов, где всегда имеются библиотеки и выписываются журналы. В Перми некоторые присутственные места тоже выписывают по нескольку, конечно, понемногу, изданий; но пользование ими выпадает на долю только гг. начальствующих, туго распространяясь на прочную чиновную братию. В этом случае представляет маленькое исключение только благородное собрание, в котором выписывается несколько газет и журналов (на деньги, добытые прошлым летом от общественной купальни, построенной г. Смышляевым) и в котором каждый член его всегда может найти на столе листок какой-нибудь газеты.

При таких условиях людям, желавшим читать, но не имеющим к этому средств, оставалось пробавляться библиотекою переплетчика Новикова, скупившего у разных лиц несколько, большею частью разрозненных, журналов и более или менее чувствительных романов и доставлявшего, кажется, за три рубля в год право пользоваться сокровищами своего книгохранилища. Но г. Новиков не мог удовлетворить своею библиотекою требованиям и запросу со стороны публики, тем более, что книги его, и при самом приобретении их его библиотекою довольно потасканные, вскоре, от частого хождения по рукам читателей, совершенно израсходовались, так что у иных остались одни корочки переплета. Понятно после этого, что пермская публика должна быть очень благодарна гг. Залезскому и Комп. и Иконникову, заведшим библиотеки для чтения, особенно последнему, за 5 р. доставившему возможность пользоваться в течение года 26 изданиями. Впрочем, Ваша газета уже сообщила читателям ее об этой важной у нас новости. Я прибавлю к этому только то, что библиотека г. Залезского приобрела до 30 подписчиков, а библиотека г. Иконникова — до 50, каждая в первый месяц своего существования.

(Окончание в следующем номере).

Примечания от редактора:

Статья написана Н.А. Фирсовым. Авторство установлено по письму Д.Д. Смышляева от 31 марта 1859 г. (см. публикацию «Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову» в настоящем «Смышляевском сборнике»).

¹ quasi (фр.) — как бы.

² «Повесть о капитане Копейкине» Н.В. Гоголя.

³ Евгения Тур — псевдоним писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир (1815—1892).

28 марта (№ 68).

[Фирсов Н.А.] Пермская хроника: (окончание) // Русский дневник. — 1859. — 28 марта (№ 68). — Подпись: Корреспондент.

ПЕРМСКАЯ ХРОНИКА

(Окончание)

Разряды читателей пермских. — Отчего редко читаются статьи серьезного содержания даже людьми мыслящими. — Мыслители пермские. — Статья г. Фирсова «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии». — Толки о ней в пермском обществе. — Состояние воспитания девиц в Пермской губернии. — Проект моего приятеля о приискании средств для открытия женского училища. — Старый и новый откупа. — Сцена у подвала, и мысли, порожденные ею. — Комитет об улучшении быта крестьян.

Но вы, пожалуй, подумаете, еще не вполне дело началось, что в пермском обществе родилась потребность чтения. Вопрос еще в том, что занимает мысль читающих людей, что им больше нравится в нашей литературе. Не отзывается ли эта потребность чтения характером китайцев, между которыми, как известно, есть много любителей чтения и грамотность? Шевелят ли мысль пермских читающих людей проповедываемые современною литературою начала цивилизации и гуманности? Да, это правда, отвечаю я на ваши возражения, предполагая, что вы их сделаете: да, еще не все дело сделано, если появляется охота читать. Что читают? вот что едва ли не главнейшее. Есть у нас, как и в других, полагаю, местах, разного рода читатели: есть такие, которые читают только объявления о наградах и чинопроизводстве и статьи, где восхваляется польза добродетели, могущество России, считая все остальное вздором; есть такие, которые увеселяются описанием луны, пения соловья и разных, знаете, этаких более или менее приятных чувствований; есть такие (по преимуществу люди практические, деловые, которых в нашем краю довольно, которые ограничивают свое чтение только тем, что относится к их специальности. Но большая часть читателей останавливается на современной русской беллетристике, уделяя несравненно менее внимания на долю статей так называемых серьезных, ученых.

К этому же отделу читателей принадлежат люди достойные, ищущие в чтении не одного только препровождения времени, но пользы, знания. Отчего же они ищут беллетристических статей? Я это последнее явление объясняю себе так: наша беллетристика последних годов затрагивает те же общественные вопросы, которые стараются решить и разъяснить наука и публицистика. Конеч-

но, беллетристика, как искусство, не в состоянии в своих образах поставить все современные вопросы так ясно для мысли, так осязательно для убеждения, как это достигается научным путем, и к тому же некоторые идеи, по самому существу своему, никак не войдут в ее область, не уложатся в ее образы, без того, чтобы не нарушить, не потревожить самой сущности ее, как искусства, и потому не мешало бы читающему люду знакомиться с учеными творениями; но с другой стороны, мысль, выраженная в беллетристическом творении, представленная в образе, в силу этого, понятнее, сподручнее для большинства, между тем, как современная наша публицистика, поднимая, решая те или другие вопросы, не смотря на проповедуемую ею гласность, идет или путем отвлечения, или старается уяснить, доказать свои теории, свои начала фактами из жизни других народов, чересчур как-то робко, бережно обращаясь с явлениями нашей родной жизни, нашего внутреннего быта и общественного склада; а эти-то явления и нужны нашим мыслящим людям, их-то они ищут в литературе.

Правда, и сказанное направление ученого отдела нашей литературы дает возможность читателю оценить, уяснить эти искомые явления нашего собственного быта, порядок наших дел; но для этого нужна подготовка, и притом не малая, чтобы в совершенстве понимать такие статьи, какие, например, помещаются в «Русском вестнике» или «Атенее». А этой-то подготовки и не имеется у нас среди читающей публики. Мне не раз случилось быть свидетелем, как некоторые господа с необыкновенным потением лба старались выразуметь статьи, касающиеся английского быта, и как это оказывалось совершенно тщетным: виги, тори, билль, парламенты и другие вещи как-то не давались им. А между тем, эти господа проникнуты желанием знать настоящее положение дел у нас: так не мудрено, что они оставляют неразрезанными статьи ученого характера и услаждают себя различными очерками, рассказами, повестями и проч. Я вовсе этим не отрицаю необходимости, ученого и литературного достоинства этих ученых статей: я стараюсь объяснить только, почему они туго читаются даже людьми, всею душою сочувствующими гласности, свободе труда, христианскому отношению между членами общества, необходимости человеческого воспитания и другим началам, проповедуемым нашею литературою.

Да, у нас имеются люди (конечно, их еще немного, но вдруг ничего не делается), в которых сказанные начала находят не бесплодную почву. Особенно этот кружок людей сочувствует гласности: всякое правдивое указание на ту и другую сторону нашей

внутренней жизни встречается ими с энтузиазмом и искреннею благодарностию к заявителю этого указания. Нельзя, однакож, не сказать и того, что у нас в обществе имеются люди и совершенно противоположного образа мыслей на счет этого. Эти господа, которых, к сожалению, новый год не образумил, обыкновенно рассуждают по поводу подобных вещей таким образом: «Пишут против взяток. Конечно, взятки вещь не слишком добродетельная; но нынче и не берут взяток, а благодарности отчего ж не взять? Ведь на жалованьи не проживешь: семейство... Одеть, обуть надо... воспитывать... как же тут обойтись без благодарности?» Так рассуждающие господа, впрочем, люди кроткого характера. Но есть гораздо ретивей их, есть такие, которые так рассуждают по поводу гласности: «Гласность... гласность... это значит дать возможность каждому обсуживать во всеуслышание, что делает другой; это значит, всякий, пожалуй, будет обсуживать и действия своего начальника... Нет, сударь! Это значит неповиновение властям; каждый молокосос будет указывать, что такой-то начальник, человек заслуженный, кавалер, сделал то-то неладно. На что это похоже? Ну, скажите, не беззаконие ли это?»

Неужто и будущий новый год не образумит этих господ?

Кажется, что так, и долго такие джентльмены будут существовать, по крайней мере, до тех пор, пока большинство не сроднится с истинными началами цивилизации, пока не обратит их себе в плоть и кровь. А это дается, между прочим, да и едва ли не главным образом, чрез надлежащее воспитание, которое у нас далеко, далеко не в блестящем состоянии. Ведь странно: огромная губерния, около двух мильионов народонаселения, богатый край — и ни одного женского училища, ни одного пансиона во всем краю.

Подобное положение воспитания, очевидно вредными результатами отзывающееся на внутреннем быте пермского общества, вызвало статью г. Фирсова, преподавателя пермской гимназии: «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии», напечатанную в трех последних книжках «Русского педагогического вестника» за 1858 год. Автор изложил этот предмет на основании личных наблюдений и официальных источников, откинув в сторону ложную деликатность, по которой некоторым господам кажется неприличным говорить о недостатках того общества, где они сами вращаются. Статья его приводит читателя к весьма неутешительным заключениям как о складе, понятиях и требованиях общества пермского, так и о направлении воспитания, которое дается девицам в нашем краю в различных слоях народонаселения. Не муд-

рено, что эта статья, появившись в отдельных оттисках в Перми в феврале нынешнего года, возбудила в большинстве нашего общества, не привыкшего слышать о себе правду, прямо, без обиняков высказываемое слово, возбудила изумление, негодование против автора; но вместе с тем редкое сочинение, когда-либо появлявшееся в нашем обществе, читалось с таким любопытством, подвергалось таким разнообразно ретивым суждениям, толкам, редкое вызывало такие крики, как эта статья. Повсюду почти слышалось вроде следующего: Да кто ему (автору) дал право трактовать о нас, о том, как мы воспитываем детей своих? Ну, добро бы, если бы он имел авторитет... Да наконец, где ему знать, как воспитывают у нас дочерей? Ведь он сам не учит девиц и не бывает в высшем обществе. Ну, написал бы, как нужно воспитывать: это было бы другое дело. — Позвольте, позвольте! восклицает другой; это, знаете, он описал семейство NN. Каков! Ведь это неблагодарность! Эти и подобные толки, крики, которые не перестают раздаваться и теперь, по-моему, факт многозначительный. Обличая с одной стороны малую развитость общества, позволяющего себе выслушивать суждения о себе только признанных авторитетов, непривычность его к сознанию своих недостатков, непривычность к гласности, факт этот, с другой стороны, обнаруживает, что общественный недуг, который задет статью г. Фирсова, сказанся болью для этого общества, а не остался по-прежнему скрытою, застарелою язвою, что самым неудовольствием против автора, оно подало надежду вдуматься в недостатки своего склада и условливаемого им воспитания. Да, действительно, пора нам обратить на это дело внимание; пора хоть на первый раз сделать то, что сделано в других краях — завести хоть одно училище для своих дочерей, пора оказать содействие училищному начальству, уже давно, как известно, хлопочущему о заведении женской школы и в настоящее время вошедшему чрез губернское начальство в переписку с уездными городскими обществами на счет приискания средств для заведения и содержания школы. Говорят, нет средств завести училище. Нет, не средств не имеется, нет охоты, сочувствия. Неужели, повторю слова статьи г. Фирсова, неужели более чем полтора-миллионное народонаселение не в состоянии завести хоть одну школу? Ведь одна копейка с неделимого в год, взятая тем или другим путем, достаточна для содержания не одной такого рода школы. Слышно, что нынешнюю весною будут брать известную пошлину со всех судов, которые будут проходить мимо Перми: отчего не уделить части этой пошлыны в капитал для заведения женской школы?

Один мой приятель в разговоре со мною о средствах для заведения женских школ сказал, по-моему, довольно удачную мысль. Не знаю, как она вам покажется. «Вот видите ли, говорил он: средство можно найти. В нашей губернии существует Ирбитская ярмарка: почему не издавать во время ярмарки какой-нибудь газеты... ну хоть ярмарочный листок... где бы помещались распоряжения начальства, печатались частные объявления, в которых недостатка, разумеется, не будет... ну, да... и фельетон. Почему не издавать ее на таких условиях: обязать, подобно как на нижегородской ярмарке, каждого домовладельца, каждую лавку, магазин, трактир и проч. выписывать газету эту с платою 2 р. сер., предоставить издателю брать известную плату за припечатание объявлений частных. Принимая во внимание, что тех мест, которые можно обязать выписывать газету, т.е. лавок, магазинов и проч., наберется до 8 тысяч, да объявлений будет не мало, наверняка можно сказать, что валового дохода издателю будет не менее 30 т. р. сер. Теперь примите во внимание: устройство типографии будет стоить не более 5 тысяч, содержание ее, расходы на бумагу, плата редактору и проч., и проч. (я кладу более чем maximum) ну хоть 7 тысяч! Ведь чистейшего барыша 18 тысяч. Отчего этой статьи за вычетом хорошего барыша издателю не обратить в пользу женских школ? ...Да впрочем!» Тут приятель мой махнул рукой и прибавил: «Всегда можно найти средства, лишь бы была охота». А дай Бог, чтобы побольше было этой охоты: авось тогда и для простонародья будет лучше...

Но пора мне сказать вам что-нибудь о простонародьи, что с ним случалось замечательного в первые два месяца нынешнего года.

В то время, как общество нашего края во всех местностях его более или менее занято было в конце истекавшего 1858 года приготовлением к праздникам, годовыми отчетами, мечтами о наградах, в то время, как немногие из этого общества раздумывали о том, какие журналы и газеты выписывать на будущий год, в то время... в это самое время внимание простонародья обращено было на водку. Дело в том, что в это время всем было уже известно, что с 1859 г. водка будет дороже, чем прежде, и поэтому всякий стал помышлять, как бы хоть на несколько времени в будущем году освободить себя от необходимости покупать дорогую водку, и всякий (разумеется, за исключением тех господ, которые получают водку даром, в виде гонорария) старался запасти водки старого откупа, сколько на

то позволяли средства. Старый откуп смекнул, в чем дело, и, желая привлечь побольше покупателей, пустил в последние три недели существования водку по 3 р. 30 к. за ведро, к немалому, как кажется, неудовольствию тех джентльменов, которым дорог интерес нового откупа. Расчет старого откупа превзошел его ожидания: мещане, крестьяне различных категорий и деревень и вообще все те, кому каждая копейка достается нелегко, целыми вереницами, обозами, с бутылками, бочонками и кувшинами, спешили к тем пунктам, где производилась продажа дешевой водки, не подозревая того, что эта дешевая водка заключает в себе очень много воды. Чем ближе к концу приходил 1858 год и чем, следовательно, менее оставалось времени для операций старого откупа, тем все более являлось покупателей дешевой водки.

Накануне нового года, вечером, перед балом я должен был посетить одного моего знакомого. Дорога к нему лежала мимо того места, где шла распродажа дешевого вина. Было в исходе 8 часа, когда я приблизился к этой главной резиденции пермского Бахуса. Вся улица пред домом питейной конторы была загромождена санями, лошадьми, крестьянами, крестьянками; пред дверьми подвала поставлены были часовые, чтоб впускать по очереди.

«Нет, знать, — услышал я голос, принадлежавший парню, который сидел в санях и разговаривал с бабою, жевавшею калач. — Нет, знать, не успеет бачка закупить вина... Эка оказия! Немножко, вишь, опоздали».

В ответ на эту речь баба перестала жевать и только произнесла: «И! И!» и перекрестилась. В это время к саням подошел дюжий мужик с бочонком под мышкою, бросил с сердцем бочонок, который при этом издал звук, доказывавший несомненную его пустоту, снял рукавицу, высморкался и проговорил с досадой: — Вот те и дешевое вино! Кукиш не хочешь ли! Вот и справляй твою свадьбу... Э! Эх, Андрюха!

А што, бачка, разве не дают?

Да запечатали, слышь ты, покончили, вишь ты, значит, братец, теперь дорогое настало; а этот, что дешевое-то продавал, значит, пошел теперь молебен служить... слышь, вишь поют.

В это время, действительно, в доме управляющего старым откупом слышно было церковное пение.

Так что ж, бачка, значе, и не купишь вина?

Да денег не хватит для дорогого-то.

Мужик почесал у себя за ухом, а потом вымолвил: а вот дороже буду просить за пшеницу и за борова. Продадим, так купим.

Последние слова крестьянина остановили мое внимание. Вот, подумал я, где одна из причин дороговизны жизненных припасов; вот почему, между прочим, пуд муки в последнее время в Перми — от 45-60 коп. сер. Полтора миллиона наложено на Пермскую губернию. Эта сумма падет на народонаселение Пермской губернии, должна покрываться его карманом, не говоря уже о том, что подобные монополии отзываются на народе неблагоприятными следствиями и в отношении промышленности и нравственности. На какой же элемент народонаселения падают эти косвенные налоги? Крестьянин, продающий избыток своего достояния, купец, вознаграждают себя в этом случае тем. Что накладывают лишнюю цену на свои произведения, и таким образом косвенные подати, которые им приходится платить, они предоставляют платить за себя своим покупателям. Кто же это у нас горемычные покупатели? Естественно, люди, которые хотя имеют что продать другим, но не находят сбыта для своих произведений, по причине недостатка в удобных путях сообщения, люди, обязанные определенным трудом и за определенную неизменяемую плату, стало быть, крестьяне всех тех мест, которые находятся на дальнем расстоянии от торговых и промышленных пунктов, как, например, жители уездов Шадринского, Камышловского (где и в настоящее время хлеб дешевле вдвое, чем в Перми), крестьяне, приписанные к частным и казенным заводам и получающие определенный паек и жалованье и не имеющие возможности распорядиться своим трудом, все получающие определенное, с давних пор назначенное жалованье и не могущие, по нравственным или другим причинам, пользоваться благодарностями (потому что чиновники, пользующиеся благодарностями, возвышают их, сообразно дороговизне на разные предметы). Не мудрено, при таком порядке, крестьянину, не имеющему возможности сбыть плоды труда своего за цену, которая бы сколько-нибудь вознаграждала за его тяжелую работу, не мудрено ему получить склонность к лежанию на печи без просыпа, день и ночь, к готовности скорее быть выданным на сходке, чем в срок заплатить оброк, не мудреная вещь, если мастеровой часть остающегося в его пользовании времени подчас употребляет на такие цели, которые слишком скоро и легко, по-видимому, дают довольно денег, и что мудреного, если чиновник, обязанный семейством, принужденный жить на одном жалованьи, тупеет, берется за чарочку или старается выйти из государственной службы на частную, если он не хочет жить

благодарностями. Эти размышления быстро, одно за другим, промелькнули в моей голове, так что я не успел отойти от крестьянина, натолкнувшего меня на них своими словами, и сотни шагов, и потому я имел возможность хотя и не имел надобности, еще посмотреть, сколько то позволил полумрак зимнего вечера на него и на его семью: семья, то есть, как видно, жена и сын, сидели по-прежнему в санях, а сам он возился что-то около лошади, которой мимоходом заехал в морду и назвал «одром», потом с полминуты стоял как бы в раздумьи. Но в это время появился у дверей подвала какой-то господин и, обратившись к мужикам, которые все еще упитывали себя надеждою купить дешевой водки, сказал им: «Ну что, дурачье, стоите? ведь сказано, что продажа кончена. Право, глупый народ... уж добро бы хорошая больно водка была...»

Мужики начали лениво трогаться, а вместе с ними и крестьянин, наведший меня на размышления, который, вероятно, так же услышал речь господина к своей братии.

Делу улучшения быта крепостных крестьян в нашем краю, наконец, положено начало. 31 января нынешнего года образован губернский комитет. Как происходило открытие комитета, вам, полагаю, известно из наших губернских ведомостей, в которых это описано весьма красноречивым слогом, и которые, кстати заметить, в столбцах своей неофициальной части за первые два месяца нынешнего года решительно не имеют ничего своего, местного, кроме описания этого торжества и объявления от редакции «Пермского Сборника», довольствуясь заимствованием из других губернских ведомостей разных советов, как, например, относительно составления ваксы, уничтожения на платье пятен и т.п. Остается только пожелать, чтобы комитет исполнял возложенную на него обязанность сколько возможно успешнее, и чтобы скорее было положено начало улучшения быта и заводских крестьян, как казне, так и частным владельцам принадлежащих, которых положение совершенно одинаково с крепостными.

Пермь.

4 марта 1859 г.

Корреспондент.

2 апреля (№ 72).

Словцов И. Соликамск в настоящем и прошедшем // Русский дневник. — 1859. — 2 апр. (№ 72). — С. 2.

СОЛИКАМСК В НАСТОЯЩЕМ И ПРОШЕДШЕМ

Священника Ипполита Словцова

Соликамск, уездный город Пермской губернии, расположен по обоим берегам речки Усолки, впадающей в семи верстах от города в Каму, с левой ее стороны. Он находится под 59 град. 39 мин. северн[ой] широты и 74 град. 24 мин. в[осточной] долготы. Расстоянием этот город от губернского в 207 верстах.

Состоя, по преимуществу, из домов деревянных, он отличается старинными каменными церквами, богатыми старинною, массивною, серебряною утварью. Как самые храмы, так и утварь свидетельствуют о благочестивом настроении прежних обитателей города — богатых солепромышленников. Церквей, относительно к числу домов и к числу жителей, очень много. Домов в Соликамске не более 600, а церквей 8, с 11 часовнями, из которых 6 каменных, 5 деревянных. Жителей же обоюго пола, по сведениям 1855 года 2744.

В числе 1,028 душ мужеского пола, по 9 народной переписи, находилось купцов 2 и 3 гильдии 80, мещан 948. При этом надобно заметить, что к соликамскому купечеству и мещанству причисляются купцы и мещане дедюхинские. Если же исключить этих последних, как не проживающих в Соликамске, и тех из соликамцев, которые для деятельности своей избирают жительством своим отдаленные города Сибири, то постоянное число жителей не будет превышать 900 мужчин.

Промышленность Соликамска состоит в солеварении. Впрочем, эта отрасль промышленности год от году уменьшается. У двух солепромышленников, гг. Дубровина и Удникова, теперь в действии не более шести варниц. Слабая доброта рассолов соликамских (5, 6 и 8 гр.) и огромная выварка соли в Дедюхине, а также в усольских и ленвенских промыслах¹, делают солеварение день ото дня невыгодным, чтобы не сказать: бесполезным. Если же и держится это солеварение, то не почему либо, как потому, чтобы не оставить старой рутины. Соликамск потому и Соликамск что варит соль. Впрочем, г. Дубровин едва ли не думает сойти с этой рутины: он в недавнее время устроил стеклянный завод в 12 верстах от Соликамска, где также производится выделка смолы, нефти и скипидара.

Многие из жителей занимаются выделкою кож, мыловарением, литьем сальных свечей, медным и кузнечным ремеслом. Кузниц, находящихся за городом по тракту в Чердынъ, 48; в них преимуществу выковываются топоры, косы и серпы. Медники же занимаются своим делом в домах и ограничиваются выделкою кастрюль, медеников, подсвечников, перечниц и стаканов. Все эти ремесленники ведут свой род, вероятно, от тех старинных искусников, которыми в прежнее время был известен Соликамск.

Еще в начале прошлого столетия, а именно в 1703 году, из Соликамска «взято было в Таганрог к городовому строению 21 человек кузнецов, да на Тихвинку в работу с семи дворов по человеку»; а потом, в 1710 году, «вытребованы в С.-Петербург на вечное житье плотники, столяры и котельники с женами и детьми»².

Торговля Соликамска весьма ограничена. В деревянном гостином ряду, находящемся на большой площади, по левую сторону Усолки, около собора, не более 10 лавок с красным товаром; а в прочих, по преимуществу, торгуют мелочники. Всех лавок в гостином ряду 36, некоторые из них занимают под склад товаров посторонние торговцы, не принадлежащее к жителям Соликамска. Один из купцов соликамских содержит погреб виноградных вин, главными потребителями которых должно считать чиновников соликамских: ибо что касается до горожан, в тесном смысле этого слова, то они ограничиваются употреблением вина национального (оно же и специальное) и выделываемых из него водок, ратафий и наливок. Главное достоинство Соликамска в настоящее время составляет всегда обильный подвоз, а потому и дешевая цена рыбы, как свежей, так и соленой — печорской и архангельской. Первую доставляют григоровцы, жители села Григорова, известного еще в старину, как места рыбного³; последнюю — чердынцы и устюжане. Из первой особенно замечательны осетры, стерлядь, леци, судаки; из последней — семга, омули, нельма, сиги, сельди. Устюжане же привозят корюшку, навагу, ряпушку, камбалу и свежих и копченых сельдей.

После всего сказанного, нам не остается ничего ни прибавить, ни убавить к значению Соликамска в его настоящем: из всего видно, что он маленький, бедный городок уездный, не имеющий ни торгового, ни промышленного значения. Если же, в самом деле, печальным представляется нам настоящее Соликамска, то обратимся к его прошедшему: авось там найдем много отрадного, хотя и невозвратимого. В старину Соликамск был, действительно, не таков, как ныне!

Самое название Соликамска, свидетельствуя об отличительной черте промышленности его жителей, во время цветущего его состояния, указывать, более или менее, и на важное отношение его к государству. Открытие соляных источников в первой половине XVI века на берегах камских, наделало много шума в мире промышленном и во всем государстве, из которых первому оно представляло обширное поле деятельности, а последнему обещало неиссякаемый источник довольства и богатства. Потому и не удивительно, что местность, где открыты были соляные источники, просто названа *солью* и притом *камскою*. Этим кратким выражением с одной стороны обозначалось обилие соли, с другой указывалось, что этот *соляной край*⁴ находится на Каме. Как важна была местность Соли-Камской в глазах правительства, мы сейчас увидим это. Лишь несколько промышленников успели поселиться с своими рабочими в соляном крае, правительство уже сочло нужным утвердить за этою вольною колониею спекулянтов, зашедших в край неведомый, в сообщество людей, не понимавших русского слова, утвердить название и права *города*. Правительство хотело этим привлечь других и, увеличив население пустыни Соликамской, развить там солепромышленность, хотело этого и вполне успело. Не прошло и тридцати [так в тексте. — *Ред.*] лет (с 1548—1558) со времени открытия соляных источников в Соликамске, как в нем было уже (в 1579 г.) 190 домов, с 200 жителей. Все эти жители без исключения, конечно, по паям, занимались солеварением: не только высший класс народонаселения — посадские, лучшие люди, но и *молодчие* имели варницы. На 200 человек соликамцев в это время было 16 варниц⁵. Чрез 44 года после этого народонаселение Соликамска увеличилось до 520 человек; дворов в нем было тогда (1623 г.) 384, варниц 35 и 34 рассолоизвлекательных трубы⁶. Не смотря на то, что народонаселение Соликамска в этот период возросло более чем вдвое, промышленность его увеличилась также в двойной пропорции, мы не можем не сказать, что Соликамск в эти 44 года не так бы еще увеличился, не так бы еще развил свою промышленность, если бы не помешало ему одно, важное и в политическом отношении, обстоятельство, причинившее как жителям, так и промышленности очень много вреда. Слухи о богатстве жителей Соликамска, разнесшиеся за подоблачные высоты «каменного пояса» или хребта Уральского, дошли до обитавших там татарских князей. Один из них, жадный к корысти, алчный к грабежу и разбоям, Кихек, князь пельымский, решился сделать внезапное нападение на новый город и про-

известь в нем грабеж, сопровождаемый, как водилось тогда, пламенем и убийствами. С этою целью в 1581 году, «злочестивый и безбожный князь», как выражается летописец, собрал до 700 подвластных себе и, пригласив мурзу Сибирской Земли с его иренскими и сылвенскими татарами, вогуличами, вотяками и башкирцами, вторгнулся, следуя от Чердыни, где не удалось ему, в Соликамск. Подступив к Соликамску, нисколько не приготовленному к обороне, Кихек, вероятно, без больших потерь и усилий, истребил посад Соликамский пламенем, заграбив имущества, рассеял его жителей, взяв одну часть в плен, а другую погубив на месте⁷. После такого разгрома увеличение народонаселения в 44-летний период более чем вдвое, должно почтаться удивительным и не может быть объяснено иначе, как усиленной колонизацией из других мест.

Сколь ни несчастно для Соликамска было нападение северного неприятеля, оно в то же время принесло ему, хотя и отрицательную, пользу, послужив залогом будущей безопасности. Правительство увидело, после этого нападения, крайнюю необходимость укрепить Соликамск, подобно Чердыню, который с презрением, защищаем будучи своими укреплениями, отразил дерзкий натиск Кихека. Вероятно, вскоре после набега кихекова, Соликамск обнесен был деревянным городом, имевшим для въездов и выездов *четверы ворота, с пятью башнями на нужных местах*. Окружность города была не малая: между воротами и башнями собственно так, называемых *городовых стен было восемьдесят три городни*. Кроме того, весь город окопали рвом. Крепость эта, по тогдашнему времени, довольно важная, имела и арсенал хороший. Кайсаров, осматривавший Соликамск в 1623 году, говорит: «да на городе *наряду*: пищаль медная *полуосмы* пяди, да пищаль медная же *шти* пядей, а к ним по кружалу 260 ядер железных, да в городе анбар посадскаго человека Василья Щепета, а в нем 20 пищалей *затинных*, а к ним 3,200 ядер железных, да 26 пищалей с *жатры* ручных, а к ним пуд пулек свинцовых, да 10 мешочков кожаных пороховых, да 10 кошелей кожаных же; да в городе *погреб* пушечных запасов с выходом⁸, а в нем 11 пуд, 12 гривенок с полугривенкою зелья пищального, да 12 пуд и 28 гривенок с полугривенкою свинцу, да 3 пуда 30 гривенок селитры, да 23 гривенки серы горючие»⁹. Сверх того в городе, по свидетельству того же Кайсарова, было 19 анбаров. Анбары эти, должно думать, содержались посадскими людьми с тем единственно намерением, чтобы в случае нападения, как жители Соликамска, так и окружающих селений, угрожаемых непри-

ятелем, могли скрыть в них свои пожитки. В книге Кайсарова об этом хотя только и сказано, что «в городе *для осадного времени* 19 анбаров посадских людей»¹⁰, однакож о частном назначении этих анбаров нельзя не заключить, применяясь к тому общему характеру, которым отличался вообще русский город XVII века. «Для воинского времени», говорит Кошихин, «во всяких городех у монастырей и у дворян устроены осадные дворы; и в воинское время на те дворы, со всеми своими животами и с запасами и с женами и с детьми, живут в городех. А крестьян из сел и из деревень велят, со всеми их животы, высылать для осады в города ж, и те крестьяне в осадное время с посадскими и с иными людьми бивают по городу на стороже, с ружьем своим или с царским»¹¹.

Обеспеченный таким образом от набегов и разорений неприятельских, Соликамск спокойно, так сказать, погрузился в свою естественную деятельность: в промышленность и торговлю. Жители Соликамска более всего, после солеварения обращали свое внимание па торговлю мехами. Находясь в глубине непроходимых и в то время, девственных еще лесов пермских, они естественнее всего должны были обратить торговое внимание свое на богатство этих лесов, изобиловавших бесчисленным множеством зверей. Царь лесов сибирских — медведь, хищник уральский — волк, хитрая лисица, дорогой соболь, снежный горностай, благородный бобр, неуловимая в своих прыжках белка, — все эти звери и множество других, составляющих обширную фауну пермскую, падали к ногам туземцев, разивших их стрелою, пущенною из лука вогульского, и жеребьем из винтовки или пищали русской. Промышленникам стоило только запастись довольно хлеба и других припасов для необходимого обыденного обихода незатейливых *жителей Перми*, чтобы с выгодой забирать в свои руки огромные ноши шкур.

Доставать же хлеб с низовьев Волги (как и ныне делают чердынцы), если бы недостало местного хлеба, промышленникам не стоило больших расходов. Судоходство, развитое уже и в то время по Каме и Волге, вследствие сбыта сала, открывало к тому удобный путь и легкие средства. С другой стороны, и сбыт мехов, этих источников богатства торгового сословия Соликамска, был также удобен. Соликамск к концу XVI века сделался одним из проезжих городов на западном рубеже Урала: чрез него проходил главный путь из сердца России — Москвы — в золотое дно — Сибирь. Один из зверопромышленников соликамских, «Артюшка Бабинов, Сибирский вожь», как называет его жалованная ста-

ринная граммата, странствуя по дремучим лесам за следом зверя, неожиданно вышел в Верхотурье, путь к которому до того времени из Соликамска лежал чрез Тобольск, большею частью по рекам. Верхотурцы, увидев незнакомца, объявлявшего им, что он из Соли-Камской и пришел сюда чрез лес, чрез пятые сутки, не могли поверить Бабинову, принимая слова его за выдумку и считая его каким-либо опасным выходцем. По долгом рассуждении, верхотурские власти решили нарядить, земских людей в провожатые Бабинову, возвратить его с ними в Соликамск тем же путем, которым явился он в Верхотурье. Сметливый, как и всякий русский, Бабинов провел своих провожатых по положенным им в передний путь на гигантских деревьях заметкам в Соликамск, и тем оправдал себя в глазах верхотурских правителей¹². Это случайное обстоятельство привело Бабинова к счастливой мысли — проложить из Соликамска в Верхотурье прямую дорогу. Вспомоществуемый царем Борисом Феодоровичем Годуновым, «Сибирский вож Бабинов» исполнил свое, полезное отечеству, намерение — проложил в 1597 году прямую дорогу и тем возвысил Соликамск в торговом и промышленном отношениях. С этого времени тракт, пролежавший чрез Соликамск, соединил царство Московское с царством Сибирским¹³. Из Москвы в Тобольск, по заслуге Бабинова, проезжали чрез Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Устюг Великий, Сольвычегодск, Соликамск и Верхотурье¹⁴. Знаменитый Меншиков, следуя в 1728 году к месту своего заточения, не миновал Соликамска. Китайские послы, проезжавшие в 1729 и 1732 годах в Москву, также были в Соликамске¹⁵.

Подробности эти о тракте чрез Соликамск более или менее объясняют то удобство, с которым купечество Соликамское могло вести торговлю мехами со всеми городами России и с самым Китаем¹⁶. Начало торговых сношений с Китаем почти совпадает с открытием тракта из Соликамска чрез Верхотурье в Тобольск, который был главным пунктом китайской торговли, с 1658 года¹⁷ по 1696, когда исключительным пунктом этой торговли был избран Нерчинск¹⁸. Один из соликамских купцов, некто Иван Лапин¹⁹, не довольствуясь зверопромышленностью в пределах соликамских, проник даже в Камчатку. Он вошел в компанию с великоустюжским купцом Васильем Шиловым и тульским оружейником Афанасьем Ореховым. Построив собственный суда, они в первый раз отправились на них из Охотска в Камчатку в 1765 году. Чрез пять лет опасного путешествия, предприимчивые промышленники возвратились в Охотск благополучно (1770 г.) и

отдали в казну в виде ясака, собранного ими с «новооткрытых на неизвестных дотоле островах людей», мягкой рухляди на 5,034 р. 70 к. по местной цене. Собственность же свою они продавали внутри России и в Китае²⁰. Не один, вероятно, Лапин был таким деятельным промышленником: в числе 1359 человек купцов, принадлежавших Соликамску еще в 1724 году²¹, находились, вероятно, многие ему подобные. Но о них, к сожалению, молчит история. Известно, по крайней мере, что столь огромное число купцов обращало на себя особенное внимание правительства. Как бы в поощрение купечества, Соликамск в 1719 году назначен был провинциальным городом с подчинением ему Чердыни; а в 1724 г. в зависимость его вошел сначала город Кунгур, прежде сего (до 1718 г.) принадлежавший, к Соли-Камской, а в 1718 г. приписанный к Вятской провинции, а потом и город Шадринск²². В 1728 году Соликамск, в числе сибирских городов, был столь еще важен, что генерал-майор Генинг, встревоженный намерением беспокойных башкирцев сделать нападение на города провинции Соликамской, между прочим, предложил правительству, «дабы около города (Соликамска) строить фортификацию невысокой палисад в длину шесть или семь аршин, в отрубе пять, шесть или семь вершков, и вооружить его легкою артиллериею»²³. Осуществилось ли это предположение генерала Генинга, неизвестно. Впрочем, следов этого палисада и никто не помнит в Соликамске.

Несмотря на то, что в 1737 году, по представлению тайного советника Татищева и генерал-майора Соймонова, для лучшего управления башкирцами, из Соликамска провинциальное управление переведено было в Кунгур, под ведение которого поступил и самый Соликамск²⁴, в нем все еще, как в знатном городе и средоточии сибирских городов в 1742 г. учреждено было главное складочное место для медной и серебряной денежной подушного сбора казны из всей Сибири. Для этого распоряжением воеводы майора Петра Юрьевича Луцкого²⁵ вследствие сенатского указа, отведены были для складки казны удобные и безопасные под церквами палаты. Отсюда уже, как из центрального казначейства, казна развозилась в разные места водяным путем, надлежащим конвоем²⁶.

В этом же году Соликамск видел еще одного знаменитого изгнанника, проезжавшего в глухую Сибирь из шумного Петербурга. Везен мимо Соликамска регент-блюститель державы российской в Сибирь на Пелым герцог курляндский Бирон, сентября в последних числах, говорит летописец²⁷.

Значение Соликамска в это время поддерживали как тракт, соединявший столицы с Сибирью, так и обширное солеварение. В 1745 году в Соликамске выварили соль: дворянин Григорий Демидов, Михайло Ростовщиков, Алексей Турчанинов и братья Суровцовы²⁸. Одни Суровцовы и Ростовщиков, еще ранее сего, за 20 лет (в 1720, 21, 22 и 23 гг.) вываривали и сплавляли соли от 500,000 до 640,000 пудов²⁹. Но когда в 1755 году от этих солепромышленников, а также и от Демидова, было отобрано неписанных в ревизии мужского пола 1,294 души для отправки на поселение в Сибирский край³⁰, тогда солеварение в Соликамске значительно упало, а в 1759 году от пожара, истребившего несколько варниц, пришло чуть ли не в то состояние, в котором ныне находится³¹. Только Турчанинов своим промышленным гением поддержал и как бы возвысил эту важную отрасль Соликамской промышленности около 1765—1770 года. Он в это время имел еще довольно важное солеварение, что явствует между прочим из заботливости его об укреплении Соликамска во время подавления пугачевских шаек³². Впрочем, с 1763 года, т.е. с того времени, когда тракт в Сибирь проложен чрез Кунгур и Екатеринбург, Соликамск все более и более начал приходить в упадок, как в промышленном, так и торговом отношениях. Последние годы его величия начинающего скорыми шагами идти к ничтожеству, были еще освещены бледным мерцанием славы, подобно тому, как последние предсмертные минуты человека освещаются иногда обманчивыми проблесками жизни. Роскошный, при неутомимой деятельности, Турчанинов, своими несметными богатствами³³, о которых и теперь в народе сохранилась поговорка, поддерживал еще угасавшие лучи славы Соликамска. Дом Турчанинова, выстроенный, при огромных средствах, в огромных размерах и не без вкуса³⁴, его сад, отличавшийся гигантскими кедрами и тропическими растениями, с прудами, кипевшими кормленую рыбу, в загородном селе Красном³⁵, которое и теперь еще удивляет всех великолепным, даже и в самом, запустении, храмом, — все это вместе придавало Соликамску значение и вид прежнего величия, но к сожалению не надолго. Он в это время уподоблялся одному из тех великосветских стариков-юношей, которые искусственным здоровьем, поддельною живостью обманывают публику пышных салонов, а в кабинете своем, согбенные под тяжестью лет, обнаруживают странную картину разрушительной старости и, к удивлению публики, вдруг отправляются в могилу, скинув наперед, с себя маску. То же случилось и с Соликамском. Со смертью Турчанинова, пред кончи-

ною проживавшего в сысертских заводах и умершего в 1787 году, Соликамск вдруг, с высоты мнимого уже своего величия, упал на ту степень ничтожества, на какой находится теперь и едва ли не всегда будет находиться. Грустно. Но еще прежде, и не о Соликамске, было сказано: sic transit gloria mundi!³⁶

[Примечания составлены И. Словцовым. — Ред.]

¹ Дедюхин, по распоряжению правительства, вываривает теперь только 500,000 пудов, а в случае надобности может выварить 1,500.000 пуд. и даже 2,000.000, как это и было в годы последней войны. Усолье же и Ленва ежегодно отпускают от 5 до 7 миллионов пудов.

² Соликамский летописец, под помянутыми годами.

³ В одной грамате, данной Соликамскому монастырю и находящейся теперь в старинном сборнике записей, кабал, купчих, данных и грамат того монастыря.

⁴ Пермь и ныне не называют иначе, как Соль-дорь, т.е. соляной край, а герб соликамский представляет в золотом поле соляной колодезь, с опущенным в него ведром и с означенными на нем соляными потоками.

⁵ Первый писец Яхонтов, в книге сошного письма города Камского, говорит: «А всего у Соли Камския на посаде пашенных и не пашенных 190 дворов, а людей в них 201 человек; лавок 16; варниц соляных на речке на Усолке, посадских людей лучших 9 и молодчих людей 7 варниц». См. Ист. Камз., Т. 9, прим. 816.

⁶ Книга писца Кайсарова 1623 и 24 года.

⁷ Соликам. летоп. в рукописи. О набеге пельымского князя в 1581 году упоминается в «Истории Миллера», изд. 1730 г., и «Истории Фишера», издан. 1774 г. Хотя последний, на 138 странице, и не говорит прямо о Соликамске, но все же не отвергает набега на него, упоминая, «что вогуличи разорили места около Чердыни, грабили, похищали и умерщвляли всех, кто им ни попался».

⁸ Под некоторыми старинными домами в Соликамске и в настоящее время есть подземные ходы, по уверению жителей.

⁹ Перепис. книги писца Кайсарова 1623 и 1624 г.

¹⁰ Ibidem (лат.) — там же.

¹¹ Кошихин. Стр. 102.

¹² Рассказ этот сохраняется, как родовое предание у потомков Бабинова, проживающих ныне в деревне Чикмал Верхъязвинского прихода, где была Бабиновым в 1621 году воздвигнута деревянная церковь для моления за великих государей. Церковь и теперь еще существует; только служба совершается не в ней, а в новой. Все это в Соликамском уезде.

¹³ Жалованная грамота Артемию Бабинову 7107 года, напечатанная в «Истории Сибири» Миллера. Изд. 1750 г.

¹⁴ Грамота царя Феодора Алексеевича 1682 г., февраля 11, о провозе разных потреб в Исетский Успенский монастырь, в Далматову пустынь. Она имеется в архиве этого монастыря.

¹⁵ Соликамск. лет. в рукописи под годами 1728, 1729 и 1732.

¹⁶ Кильбургера. 132.

¹⁷ Акты историч. IV. 202.

¹⁸ Акты историч. V. 473.

¹⁹ Род его сохранился до сих пор только в женской линии. Есть теперь еще фамилия *Ентальцев-Лапин*.

²⁰ Полн. Собр. Зак. Т. XIX. Высочайше утвержденный доклад Сената февраля 24 дня 1774 года, под № 14129.

²¹ Голикова «Деяния Петра Вел.» Т. XIII. Изд. 1840 г.

²² Полное Собр. Зак. Т. VII. Указ 1724 года, под № 4529, пункт 2.

²³ Указ 1728 г., марта 15 дня, под № 5248 в VIII т. Полн. Собр. Зак.

²⁴ Полн. Собр. Зак. Т. X. № 7,347, пункт 8.

²⁵ Воевода у Соли-Камской майор Петр Юрьевич Луцкий, на место Зиминского. и сидел 2 года 7 месяцев. Солик. Лет. под 1724 год.

²⁶ Пол. Собр. Зак. Т. XI. № 8,604.

²⁷ Солик. лет. под 1742 год.

²⁸ Полн. Собр. Зак. Т. XII. № 9,117.

²⁹ Домашн. докумен. Суровцова 1721 — 1723 г., составляющие мою собственность.

³⁰ Солик. Лет. Под 1756 г.

³¹ Ibidem. , год 1759.

³² «Пермские губ. Ведомости». 1855 г., 29, 30 и посл.

³³ Ibid. Доходы Турчанинова по свидетельству г. Кокшарова с одних сыертских заводов простирались до 83 т. р. в год, что по тогдашнему курсу ассигнационного рубля равнялось 85 т. р. сер., ибо только с 1780 года ценность ассигнац. рубля начала упадать, дойдя в 1796 году до 70 к. с.

³⁴ В настоящее время от дома остался только один каменный флигель.

³⁵ Не могу здесь не привести почти современного описания сада. Вот оно: «От Соликамска в одной с половиною версте находится село Красное с каменной церковью, принадлежащее ныне наследникам г. титулярного советника Турчанинова, которым куплено было от господ Демидовых, примечательное особливо потому, что в нем находился, особливо в содержании господ Демидовых весьма обширный сад со многими иностранными древами и другими растениями, плоды приносившими. Одним из путешественников академических перечислено в оном в 1770 году более 500 пород, и то только тех, кои в короткое время рассмотреть можно было. Из известнейших упоминаются там разные виды алая, амаранта, анемона, бамбук, ананасы, бук, индийские смоквы, кассия, кофейное дерево арабское, кипарис, каштановое дерево, кустарник хлопчатой бумаги, грецкие орехи, жестер, миртовое дерево, олива, кедр ливанский, муза багаева; также чувственная трава (вероятно, не тронь меня), ясины, розмарины, тамаринды, белая лилия, сиринга и многие другие растения теплых стран, отличающиеся своею редкостью, приятностью цвета или запаха и целебною силою; однакож, и ныне (1800 г.) находятся еще лимонные, цитронные, померанцовые, апельсиновые, персиковые, шелковичные, квитовые, лавровые и некоторые другие жарких стран растения». Взято из «Историческо-географического описания Пермской губернии», сочиненного для атласа 1800 г. и напечатанного при пермском губернском правлении 1801 года, по распоряжению губернатора Модераха. Книга эта составляет библиографическую редкость.

³⁶ sic transit gloria mundi (лат.) — так проходит мирская слава!

3 апреля (№ 73).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 3 апр. (№ 73). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Февраля 12, в городе Верхотурье, архимандритом тамошнего монастыря Гавриилом освящен Святотроицкий собор, после произведенных в нем поправок. Собор был построен в 1710 году на суммы, пожалованные Петром Великим. Предание говорит, что преобразователь нашего отечества до такой степени заботился о построении собора в Верхотурье (городе, бывшем тогда воротами в Сибирь), что приказал образцы кирпича, приготовленного для кладки собора, представлять себе для личного освидетельствования. По окончании обряда освящения храма, после многолетия Государю Императору, провозглашена была вечная память первому строителю — Петру Великому.

Примечания от редактора.

В «Пермских губернских ведомостях» это событие также нашло отражение: *Попов*. Освящение Верхотурского Свято-Троицкого собора // ПГВ. — 1859. — 13 марта (часть неофиц. к № 11).

21 апреля (№ 82).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 21 апр. (№ 82). — С. 3. — Без подписи.

Пермская губерния.

Движение торговли на Ирбитской ярмарке в нынешнем году было следующее: русских товаров привозилось на 24,591,200 р., продано на 23,447,700 р.; европейских и колониальных привозилось на 16,852,700 р., продано на 15,861,700 р.; китайских привезено было на 2,986,200 р., а продано на 2,976,800 р.; бухарских привезено на 333,000 р., продано на 320,000 р.; сверх того приведено было лошадей из сибирских степей, а также заводских и крестьянских, на сумму 26,000 р., а продано на 22,000 р. Таким образом, ценность всего привоза простиралась до 44,789,100 р., а ценность продажи до 42,628,200 р. Следовательно, осталось нераспроданным только на 2,160,900 р., что составляет 1/21 часть всего привоза, или менее 5%. Сравнивая обороты этой ярмарки за последние пять лет, мы замечаем, что привоз и сбыт товаров более чем удвоился. В 1856 и 1857 годах торговля шла весьма неудачно: так, в 1856 году привоз простирался только на 20S миллионов рублей, а продажа на 18S, оставалось

нераспроданным более чем на 2 мил. р., или более 10% всего привоза; в 1857 г. привоз упал до 17,969,001 р. и продажа до 17,141,500 рублей: собственно говоря, сбыт товаров в этом году шел успешнее, потому что остаток нераспроданных составлял менее 5% привоза; но это самое доказывало, что требование было обыкновенное, соразмерное количеству покупателей, а предложение было менее значительно. Против 1858 года обороты нынешней ярмарки были более по привозу на 3,024,300 р., а по сбыту на 3,781,100 р. В нынешнем году *распроданы были без остатка* следующие товары: чай (2,950,000 р.), масло коровье (915,000 р.), масло растительное (856,000 р.), козлы и сырые овчины (620,000 р.), мука крупчатая (530,000 р.), медь (402,000 р.), воск (310,000 р.), щетина (236,000 р.), бумага пряденая бухарская (213,000 р.), хмель (45,000 р.), семя конопляное и льняное (28,000 р.), мерлушки (25,000 р.), всего на сумму 7,130,000 р., что составляет около $\frac{1}{6}$ ценности всего привоза. По успешности сбыта за исчисленными выше товарами следуют:

Распродано 98% всего привоза: шубы крытые и меха невыделанные (4,690,000 р. *), разные съестные припасы, хлеб, рыба, мясо, птица и т.п. (1,186,000 р.), фруктовый и овощной товар (1,102,000 р.). **Распродано 96% привоза:** бумажные изделия и пряденая бумага заграничные (8,120,000 р.), кожи сырые, юфть и изделия из них (3,850,000 р.), сахар (2,547,000 р.), сафьянные и кожаные изделия (2,090,000 р.), вина и водки русского приготовления (870,500 р.), бакалейный товар (830,000 р.), иностранные вина, ром и проч. (615,000 р.). **95% привоза:** мыло разных сортов (59,000 р.). **94% привоза:** москательных и аптекарских товаров русских (195,000 р.). **93% привоза:** деревянные изделия и щепной товар (975,300 р.), русские бумажные ткани (468,000 р.), пенька и лен (93,000 р.). **92% привоза:** медь и изделия медные (720,000 р.). **94% привоза:** фарфор, фаянс, хрусталь, стекла и зеркала (694,500 р.), масло прованское и деревянное (41,000 р.). **90% привоза:** индиго (425,000 р.), часы (286,000 р.), олово, свинец и изделия из них (38,000 р.). **88% привоза:** золотые и серебряные вещи русские (750,000 р.), клей рыбий и шубный (20,000 р.). **87% привоза:** иностранные шерстяные изделия и шерсть (2,110,000 р.), бухарские бумажные изделия и халаты (42,000 руб., бухарские войлоки 14,000 р.). **86% привоза:** иностранные шелковые изделия (1,085,000 р.). **85% привоза:** свечи сальные (85,500 р.). **84% привоза:** железо и железные изделия (405,000 р.), польское серебро (170,000 р.), табак внутреннего приготовления (44,000 р.), дамские уборы

(44,000 р.), иностранные аптекарские материалы и краски (44,000 р.), бухарская верблюжья шерсть и изделия (26,000 р.), лошади (22,000 р.). **81% привоза:** стеариновые и восковые свечи (143,000 р.). **80% привоза:** ленты, перчатки, платки, чулки и другие мелкие товары, шелковые, бумажные, льняные и пеньковые (61,390 р.). **79% привоза:** скипидар и нефть (6,200 р.). **77% привоза:** чугун и изделия чугунные (75,000 р.), пух и перья (12,500 р.). **76% привоза:** бумага писчая (45,000 р.), душистые масла, помада и т.п. (28,500 р.). **75% привоза:** офицерские вещи и т.п. (19,300 р.). **74% привоза:** китайское платье, шитое и пр. (16,000 р.). **73% привоза:** китайский шелк и шелковые изделия (10,800 р.). **70% привоза:** книги, эстампы, ландкарты и музыкальные инструменты (!) (12,000 р.), детские игрушки (3,500 р.). **69% привоза:** образа (160,000 р.). **67% привоза:** льняные и пеньковые ткани русские (133,000 р.). **66% привоза:** русские шерстяные ткани (70,000 р.), подносы и сундуки (!) (8,000 р.). **64% привоза:** галантерейные товары, оптические и хирургические инструменты (9,000 р.). **60% привоза:** трубки, чубуки и табакерки (6,000 р.)

Не входя в подробное рассмотрение всех этих цифр, нельзя, однако, не заметить, что наиболее успешно продавались предметы первых потребностей, произведения естественных или подвергшихся незначительной мануфактурной и заводской обработке. Любопытно также и то, что книги и детские игрушки продавались с равным успехом.

* Цифры, поставленные в скобках, означают ценность распроданного товара. [Примечания составлены автором статьи. — Ред.]

30 апреля (№ 89).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 30 апр. (№ 89). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) В Соликамском уезде, мастерской пожевского завода помещика Александра Всеволожского Григорий Шавкунов, в небытность домашних, 24 марта, зарубил топором двух дочерей своих: Елену 4 и Степаниду 2 лет. При следствии Шавкунов объяснил, что прежде этого он намеревался лишить жизни себя, но исполнить этого не мог, а потому решился убить, по крайней мере, детей своих. Это ведет к заключению, что убийца лишен здравого рассудка.

В Верхотурском уезде вятский 3-й гильдии купец Григорий Лосев, при проезде его 4 марта через деревню Путилову, принадлежащую к Алапаевскому наследников Яковлевых заводу, был избит нападшими на него сыном непрямого работника Степаном Татариновым с работником своим, казенным крестьянином Филиппом Брусницыным, которые при этом сняли с Лосева шубу и вырвали из бокового кармана сюртука бумажник с деньгами 3000 р. кредитными билетами. По принятии тотчас же местным заводским исправником мерам, хотя виновные в совершенном преступлении и сознались, но отнятых ими денег на указанном месте, где они будто бы их спрятали, не отыскано.

13 мая (№ 99).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 13 мая (№ 99). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) В феврале месяце, государственный крестьянин Камышловского уезда, деревни Мохиревой Александр Епачинцев, с сыном своим Яковом и другими, обязавшись доставить из г. Тюмени на уткинскую пристань 398 пуд казенной штыковой меди, распродали ее во время пути. Виновные в этом сознались, и часть меди отыскана; казенный же интерес обеспечен имуществом похитителей.

24 февраля, Екатеринбургского уезда, в каслинском наследник купца Расторгуева заводе, жена крепостного крестьянина Якова Гудкова, Прасковья, навещавшая больного мужа своего в заводском госпитале, напоила его и другого, тоже больного, крестьянина Шельгина, принесенным ею из дома чаем с киноварью, отчего у обоих открылись тотчас же рвота, судороги в руках и ногах и другие припадки; при поданных немедленно медицинских пособиях, хотя и не оказалось тогда особенно вредных последствий, но Гудков, уже выздоравливавший, снова заболел и 11 марта умер. При спросе, Прасковья Гудкова показала, что напоила мужа чаем с киноварью в видах сделать ему пользу, признавая его одержимым сифилитической болезнью, тогда как он был болен простудною горячкою.

9 марта, Пермского уезда, на таранчинском руднике, принадлежащем к архангело-пашийскому князей Голицыных заводу, при забивке буровой скважины патроном пороха, внезапным взрывом от оказавшегося в оной кремнистого камня, опалило при этом ремесленника помянутого завода Александра Кондакова.

24 мая (№ 108).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 24 мая (№ 108). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) *Дедюхин, 28 апреля.* Апрель встретили мы, против ожидания, как май. Даже редко и на долю мая выпадают такие прекрасные деньки, какими щеголяла первая половина апреля. При майской теплоте снег мгновенно согнало, и в святой спокойно начали ездить на колесах, из-под которых часто вылетала пыль столбом. При такой теплой погоде неудивительно, что на 8 число самая Кама рассталась со своим льдом. Вскрытие это должно считать ранним. В течение 47 лет Кама вскрывалась ранее этого только три раза, именно: в 1822 г. Кама вскрылась 3 и 4 апреля, в 1836 г. 5 апреля, в 1848 г. между 7 и 9 апреля. На другой день, т.е. 9 числа, лед немного хотя и приостановился против Дедюхина, но к вечеру была уже возможность переезжать Каму в обыкновенных лодках. Надобно заметить, что с очищением Камы ото льда, как в Дедюхине, так и в Ленве и Усолье, начинается особенный период жизни: это то же почти, что контракты в Киеве, что очищение рейда у вас, в Петербурге. Лишь успела Кама очиститься, замелькали матчи судов около Усолья, поднялись огромные лады (от 80 до 95 тысяч груза) к выходам соляных анбаров в Ленве, готовые принять в себя сотни тысяч и миллионы пудов соли. 14 числа апреля, на третий день Пасхи, в Ленве началась *грузка*, т.е. нагрузка судов солью, а в Усолье к тому же приступлено было в 15 число апреля. Надобно быть свидетелем-очевидцем, чтобы вполне оценить картину грузки. Все дорожат хорошей погодой и прибылью воды, а потому все и спешат как нельзя более. Представьте же себе тысячу народа, с поспешностью перебегающего с судов, ладей, расшив, бархатов в анбары и из анбаров обратно с мешками, наполненными солью; представьте себе шум, гам, толкотню этой массы народа, вообразите стук, крики, скрип снастей, плески воды, — представьте все это вместе, вдруг, при чрезвычайной пестроте нарядов, бросающееся в глаза ваши, поражающее ваш слух, разъединяющее самое стоическое внимание, и вы поймете *отчасти* нашу грузку, по-моему, напоминающую столпотворение вавилонское. При такой спешности работы, при такой толкотне и многолюдстве, редко проходит без несчастий. Иной оступится с судна, бух — и поминай как звали; на другого обвалится в анбаре глыба соли пудов 50 и 100, и несчастного едва отроют, когда уже он не дышит. Ныне пока этого еще не слышно. Одна женщина (дедюхинская), грузившаяся в Лен-

ве, сломала только ногу. На нее пала глыба соли и переломила ногу, с разорванием внешних покровов. Грузка продолжается несколько недель даже при небольшом отпуске соли, как, например, ныне. Несмотря на то, что у пяти владельцев (гр. Строганова, гр. Строгановой, кн. Голицына, княгини Бутеро, гг. Лазаревых) назначено ныне к отпуску не более четырех миллионов пудов (3 до 3S мил.) соли, грузка, начавшаяся, как сказал я прежде, с 14 и 15 числа апреля, не кончилась еще и по сие время, 28. Конечно, некоторые из владельцев отправили уже первые караваны, но некоторые еще нет, частью за не окончанием нарузки, частью за сильными ветрами, дующими вот уже целую неделю. У нас же в Дедюхине почти еще и не начиналась грузка и кончится не ранее половины мая. Теперь нагужено в три судна около 150 тысяч, а всего нужно сплавить в разные пункты 1 миллион 200 тысяч. Почему же так замедлилась грузка в Дедюхине? Потому что в Ленве и Усолье, где владельцы экономически сплавляют соль сами, всегда находятся из году в год запасные суда, стоящие вблизи соляных анбаров: чуть вода поднялась, суда готовы, и дело кипит. В Дедюхине же совсем другой распорядок. С давних пор (более 60 лет) поставка соли, ассигнованной правительством к отпуску, отдается с *торгов* на подряд. Подрядчики-поставщики бывают хотя и не каждый год переменные, но ни один из них не может оставлять судов своих в Дедюхине к следующему году, сколько потому, что не уверен, возьмет ли он будущий год поставку, велик ли будет отпуск, а потому много ли нужно приготовить *посуды*, столько и потому, что во время навигации, после сплава соли, всякий поставщик может выгодно употребить свои суда, сделать несколько рейсов от Перми до Нижнего, от Чердыни до Сарапула и т.п. А потому в Дедюхине, при вскрытии Камы не бывает почти ни одного судна, исключая двух или трех барж братьев купцов Шеиных, проживающих в Дедюхине и строящих их близ Дедюхина. Остальные же суда, от 10 до 20, по большей части приходят сверху из уездов Чердынского и Соликамского, где на речках, впадающих в Каму и богатых судовым лесом, искони находятся особенные верфи судовые. А пока эти суда придут, время бежит; а приходят они часто еще не совсем готовые: на том нет еще палубы, другое не проконопачено, а у иного не осмолено и днище. Конечно, на все это нужно время и время. Таким-то образом и ныне, несмотря на то, что апрель уж в исходе, в Дедюхине не погрузили еще и десятой доли всего количества, назначенного к отпуску. К большому замедлению грузки служит и дурная погода. В конце прошлой недели были постоянные дожди, а в сырую погоду грузить соль запрещает благоразумие; в последние же три дня

термометр Реомюра показывает 0е и 1е, притом постоянно идет дождь с мокрым снегом, крупа и один сухой снег, несколько раз в день сгоняемый апрельским солнцем и несколько раз покрывающий землю снова. Сегодня (28) снег в 1 дюйм толщиной лежит с самого утра, и нет надежды, чтобы он стаял. При такой температуре вода видимо сбывает, а судов все еще нет. Говорят, что в верхокамье, где строятся суда, сначала не ожидали раннего вскрытия рек, а потому, когда вода была в прибыли, суда не были готовы, а когда приготовились, вода убежала и суда обсохли. А потому надобно ждать теплой погоды, а с нею и прибыли воды, которая снимет суда и принесет их в Дедюхин. Давно ждут пароход из Перми, долженствующий привести несколько барж поставщика г. Любимова; но сильнейшие ветры задержали его где-то. Из Перми он отправился, а в Дедюхине не бывал... Теперь пока довольно о грузке. В следующий раз я постараюсь войти в подробности об этой операции, предмете в своем роде весьма интересном... Чу! Свисток! Пароход пришел и привел с собою две баржи. Как пароход «Екатеринбург», так и баржи, собственность г. Любимова.

Примечания от редактора:

Возможно, статья написана священником Ипполитом Словцовым, автором многих краеведческих публикаций.

27 мая (№ 110).

Письмо из Перми // Русский дневник. — 1859. — 27 мая (№ 110). — С. 1-2. — Без подписи.

ПИСЬМО ИЗ ПЕРМИ

7 марта нынешнего года Пермская удельная контора¹, упраздненная вследствие Высочайшего повеления (в октябре 1858 г.) и причисленная к вновь образованной сарапульской, окончательно уже *de facto* переведена в Сарапуль [так в тексте. — *Ред.*] (Вятской губернии).

За несколько дней до отправления в Сарапуль всех дел, имевшихся в прежней пермской конторе, и отъезда удельных властей, в одном из домов, которые были занимаемы этим ведомством, стали совершаться, как идут слухи в городе, весьма странные вещи: около полуночи в этом доме стало выкидывать разные штуки какое-то невидимое существо: начинало ходить по комнатам, тяжело ступая в темноте, стонало, что-то бормотало невнятное, щелкало глухо зубами; словом, люди, живущие по старине, рассказывали,

что в удельной конторе расходился кикимора, т.е. домовый, объясняя это беспокойство г. кикиморы, домового тож, нежеланием его покинуть свое прежнее место и другими более или менее удачными в этом роде предположениями. Я не знаю наверно, кто способился слышать проделки кикиморы, и, конечно, уверен, что этих проделок вовсе не было, потому что крепко сомневаюсь в существовании кикимор, домовых и прочих невидимых существ, состоящих по определенным и особым поручениям (полагая, однакож, что воображению, известным образом настроенному и притом подогретому, хоть, например, купленными по дешевым ценам продуктами старого пермского откупа, весьма немудрено слышать и даже видеть всевозможную чертовщину); но тем не менее, несомненно, что слухи об этом имеются в городе, и думаю, что иным из этого рода людей, искренне верующих в возможность ночных путешествий и прочих деяний домовых, леших и проч., и пермская удельная контора будет приходить на память по поводу преимущественно этих рассказней.

Что касается до меня, то учрежденная теперь контора наводит на мысли об управляющем ее, князе П.И. Максудове², — мысли, которыми я позволю себе поделиться с вами, м.г., зная, что вы всегда готовы дружелюбно встретить всякое беспристрастное указание на добрые гражданские качества, в ком бы они не осуществлялись.

Удельная контора в Перми была учреждена в 1834 году, и первым управляющим ею был князь П.И. Максудов; он же был и последним. Таким образом, это учреждение при нем началось, при нем развивалось и отправляло в течение 27 лет свои обязанности, и при нем кончило свое существование, уступив место свое другому подобному, вновь возникшему. Стало быть, история этого учреждения находится в теснейшей связи с служебной деятельностью г. Максудова. Как главный начальник конторы, в руках которого сосредоточено было управление несколькими тысячами людей без коллегияльного раздела власти несколькими членами, что мы видим в других административных местах, он в свое долговременное служение не мог, конечно, не наложить своего влияния на характер деятельности своих подчиненных чиновников и на самый быт вверенной ему массы людей. Мне, к сожалению, неизвестны подробности его начальнических действий по отношению к удельным крестьянам; я знаю только общие черты и некоторые результаты его деятельности, которые, однакож, в состоянии показать, каких тенденций он держался на своем посту, как смотрел на свои отношения к вверенной ему массе. Мне не раз случалось слышать отзывы самих крестьян о князе, как называли они своего управля-

ющего. Из этих отзывов можно заключить, что г. Максудов полагал свою обязанность не в том только, чтобы аккуратно собирать подати и повинности с крестьян и в свое время заканчивать отчеты и прочие бумаги; но в том, главным образом, чтобы, следя за исполнением вверенными ему крестьянами предписаний и законов высшей власти, заботясь о народе, быть в то же время блюстителем их интересов, содействовать их материальному благосостоянию и духовному преуспеянию. Как можно думать, он, являясь между крестьянами, не показывал, как делают некоторые гг. начальники, вида Юпитера-громовержца, говорил с ними не во имя начальнического «я так хочу, я так приказываю», а во имя закона и религии; приказывал все, по словам крестьян, *от закона, как велит закон*. Это-то особенно и нравится простолюдину в его начальнике, потому что тут личность его не падает пред волею другой личности. «Князь наш, сударь, говорил мне однажды крестьянин удельного ведомства, никогда не кричит, а все ласково эдак и даже когда и наказывает... ведь без этого нельзя... сам знаешь... и то не сердится...» Враг всего крутого, г. Максудов всегда после тщательного раздумья приступал к введению той или другой меры, той или другой новизны в быт крестьянский. Не мудрено, что в такое продолжительное время не было, как говорят, ни одной на него жалобы от крестьян высшему начальству. Не знаю хорошенько, что князь Максудов сделал для материального благосостояния их; знаю только то, что оно сравнительно с другими категориями крестьян, живущих в соседстве с удельными, лучше; что число удельных крестьян в течение 27-летней службы г. Максудова более чем удвоилось (потому что в 1831 г. так называемых ревизских душ мужского пола было около 7,000, а по последней ревизии число это простиралось до 18,000) — обстоятельство, много говорящее в пользу внешнего благосостояния народонаселения; знаю, что г. Максудов не извлекал выгод для своего кармана из этого благосостояния и, отъезжая из Перми, слышно, должен был занять у частных лиц для уплаты некоторых долгов.

Духовное совершенствование вверенных ему крестьян составляло предмет постоянной его заботливости. Как человек, глубоко преданный учению и уставам православной церкви, он полагал духовное образование крестьян в усвоении ими, понимании этого учения, сердечной вере в его истины и послушании им, в мире и согласии между различными членами крестьянской общины. Не путем стеснения, силы, приказа думал он достичь этого результата, желаемого нашим правительством, а путем убеждения, нравственных влияний, мерами исподволь. Тем более он считал это необходимым, разумным, что между вверенными ему крестьяна-

ми довольно было (около 5 тысяч обоего пола) людей, держащихся так называемой старой веры и разделявшихся на разные секты, — людей, на которых действие силою, приказом всегда сопровождается положительно вредными следствиями для крестьянских общин, заставляя староверов теснее смыкаться между собою, смотреть на себя как на мучеников, а на православных, и особенно на чиновников, как на врагов своих, и таким образом внося разъединение в их общины. Поэтому князь Максудов не упускал случая к заведению церквей и приходов, полагая, что служители храмов Божиих скорее в состоянии действовать благотворно на крестьян. Всех церквей и приходов при них заведено было им 8, из которых два принадлежат к единоверческим. Не упускал он случая к заведению училищ, зная, что школа рано или поздно проложит дорогу истинному образованию в крестьянские семейства. В 1842 году с этою целью заведено было 5 сельских школ; в последний год своего служения он завел 5 школ для девочек, в которых теперь до 70 учениц.

Но особенно что обращало на князя Максудова общее внимание всех, знавших его, так это истинно похвальное обращение его со своими подчиненными. Есть начальники различных сортов; все они однакож сходятся к следующим породам: иной, получив место начальника, заботится только об аккуратности получения своего жалованья и других доходов, спокойно получает чины и награды, предоставляя все дела своим подчиненным, ограничивая сношение с ними только тем временем, когда нужно бывает ему подписать бумаги; другой смотрит на свой начальнический пост весьма горделивым оком, убежден, что если он начальник, то он должен карать своего подчиненного за всякое упущение; подчиненный же должен беспрекословно внимать его слову и исполнять всякое приказание, хотя бы оно было нелепо, не должен сметь что-либо посоветовать ему, вопреки его начальническому убеждению. Этого рода начальники смотрят на своих подчиненных, как на работников своих; они говорят: «такой-то у меня служит; у меня (т.е. в присутственном месте) было то-то», давая тем, конечно, знать, по примеру Людовика XIV (*l'État c'est moi*)³, что вся сила и важность — в одном начальнике, и потому высокомерно обращаются с своими подчиненными. Немного есть таких, которые видят в своих подчиненных слуг отечества, помощников своих в исполнении закона, людей близких, которых нужно знать человечески; не много начальников, которые готовы выслушать спокойно, не ярясь, каждое замечание своего подчиненного, каждый его ответ, хотя бы он иногда был не практичен, ошибочен в основании, и дружелюбно объяснить ему дело; которые

принимают своих подчиненных не с важностью Зевса, развалиясь на кресле и созерцая их, стоящих руки по швам, в мундирах, quasi пронизательным оком, а просто, без всяких церемоний, как знакомого; которые принимают искреннее участие в нуждах их. К этому последнему разряду начальников и принадлежал князь Максудов: всякий удельный чиновник шел к нему без замиранья сердечного, а как к своему старшему брату, смело говорил обо всем, рассуждал о делах службы как с равным себе сослуживцем, оставался обедать у него, звал его сам к себе запросто и проч. Вообще, удельное ведомство при князе Максудове представляло вид чего-то цельного, вид какой-то семьи. Конечно, может быть, вырывались иногда (кто знает?) из этой семьи люди, которые считали благородство обращения начальника за слабость его, и силились обратить эту мнимую слабость в свою пользу, но в этой семье не без уroda, и в святой семье, в челе которой стоял святейший святой, нашелся негодный человек. Немудрено, что почти все чиновники, служившие под начальством г. Максудова, питают глубокое к нему уважение. Таким же уважением он пользовался и со стороны всех других, нисколько не зависящих от него, которые только знали его: необыкновенная простота образа жизни его, чуждая всякой роскоши, простота обращения с каждым, без различия служебных отличий, без спеси и высказывания своей важности, всегда будут соединяться с воспоминанием о князе Максудове. Поэтому-то не диво, что с таким почтением провожали его из Перми 17 декабря 1858 года в новое место начальства его и прежние его подчиненные, и другие его знакомые. Говорят, что престарелый князь, прощаясь с ними и тронутый их любовью к себе, не выдержал и заплакал. Завидные слезы: немногим приходится плакать такими слезами.

Примечания от редактора.

Стиль статьи позволяет предположить, что автором ее мог быть Д.Д. Смышляев, лично знавший князя П.И. Максудова.

¹ Пермская удельная контора Департамента уделов Министерства Императорского двора и уделов была образована в 1832 г. Управляла Пермским удельным имением, в которое входили Ершовский и Устиновский приказы Осинского уезда, Частинский приказ Оханского уезда. Удельные крестьяне — категория феодально-зависимого сельского населения Российской империи конца XVIII — середины XIX вв., образованная в 1797 г. из дворцовых крестьян, на основании «Учреждения об Императорской фамилии». К удельным крестьянам относились крестьяне, проживавшие на удельных землях и принадлежавшие императорской семье. Крестьяне платили оброк и несли государственные повинности. Удельные крестьяне находились в 35 губерниях, в т.ч. в Пермской губернии.

² Князь Петр Иванович Максудов (14 июня 1790 — 11 октября 1867), действительный статский советник, служил по Министерству императорского двора. Представитель старинного рода Максудовых. Помещик с. Анучина и д. Решетиной Чембарского уезда Пензенской губернии. В Перми родились сыновья Петра Ивановича: Дмитрий Петрович Максудов (10 мая 1832) — впоследствии контр-адмирал, главный правитель Русской Америки, участник обороны Петропавловска; и Петр Петрович Максудов (28 августа 1834) — действительный статский советник, почетный мировой судья Городищенского уезда.

³ *I'ÿtat c'est moi* (франц.) — «Государство — это я».

29 мая (№ 112).

Старцев. Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 29 мая (№ 112). — С. 2.

Пермская губерния.

(Част. Корр.) Екатеринбург, 6 мая. На Урале новости редки, но зато иногда идут полосой, одна вслед за другою — вроде того, как дожди в Вятке, о которых один мой знакомый говорил (когда я жил в Вятке): «у нас идет дождь день, идет два, а там уже и пойдут дожди». Можно, кажется, тоже сказать и об Урале: все идет тихо — вдруг случай, за ним другой, а там уж и пойдут приключения. Не думайте, однако, что я представлю вам длинный список этих «приключений»: нет охоты, а нельзя не упомянуть о некоторых. Так, 1 мая случился пожар на монетном дворе, в отделении, где поставлены прорезные и гуртильные станки: загорелись балки, пламя пробилось наружу, когда сняли крышу; но, благодаря брандмауэрам, пожар ограничился одним только отделением фабрики; станки пострадали весьма значительно. Другое приключение собственно не приключение; но оно заняло всех нас и продолжает занимать и доселе. Видите ли, на одной из почтовых станций между Пермью и Екатеринбургом, ближе к последнему, один путешественник записал жалобу в жалобную книгу, какие заведены на станциях. Копии с этой жалобы распространены в значительном количестве. В жалобе описано весьма изобразительно и поразительно неустройство дороги, обратившейся, как сказано там, «в ловушку для проезжающих». Вообще описание это интересно и, должно сознаться, совершенно верно. Мы прибавим от себя, что вписавший эту жалобу не знал или не имел случая узнать, что в пяти верстах от Екатеринбурга, у самой большой дороги, есть огромная и давно разрабатываемая каменоломня*, откуда ежегодно берут множество камня для городских построек. На этой каменоломне годами скопилось множество мягкого щебня, который для починки дороги колоть не нужно, а просто нагрести лопатами: его было

достаточно на поправку не одного десятка верст. И между тем на дороге мимо этой каменоломни едва ли найдется кусок щебня, кроме тех, которые падают с возов при перевозке камня в город. Здесь дорогу починивают (т.е., собственно, никогда не починивают) мещане города Екатеринбурга. — Затем могу еще сообщить, что по обыкновенному свойству здешнего климата, половину апреля была отличная теплая погода: всю неделю Пасхи дни были теплые, светлые, вечера не холодны. С последним днем Пасхи кончилась и хорошая погода: сначала подул ветер, потом пошел дождь, потом посыпалась крупа и, наконец, несколько раз принимался падать снег. Теперь погода снова поправляется (и дорога около Екатеринбурга) и, кажется, обещает быть хорошею, т.е. погода, а не дорога. Сию минуту получил известие от человека достоверного, что купеческий караван прошел по Чусовой небывалым образом: «ни одна барка не получила даже царапины». Так выражается этот господин.

*Так называются «палатки». [Примечания сделаны автором статьи. — Ред.]

Старцев.

20 июня (№ 130).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 20 июня (№ 130). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) 23 мая, в г. Перми, от молнии, загорелись сначала службы при доме мещанина Василья Трофимова; а потом пламя, при бывшем сильном ветре с вихрем, быстро перешло на самый дом Трофимова и соседственный дом мещанина Игнатьева, которые и сгорели до основания. Убыток от этого пожара еще не определен.

30 апреля, в Соликамском уезде, на реке Каме, из каравана с солью, отправленного с усольских графини Строгановой соляных промыслов, один подчалок (большое судно) силою порывистого ветра и напором воды был прибит к левому берегу Камы, где, ударясь о подводную каршу* и получив пробоину, утонул со всем грузом; но бывшие на судне люди успели спастись. Убыток от этого, за исключением акцизных пошлин за соль, простирается на 11,900 р.

Примечания от редактора.

* Карша (карча, корга) — слово татарского происхождения, — пень в воде, коряга; в других случаях — подводный камень, гряда. («Толковый словарь русского языка» В.И. Даля).

28 июня (№ 137).

Пермская губерния: известия из губерний // Русский дневник. — 1859. — 28 июня (№ 137). — С. 2. — Без подписи.

Пермская губерния.

(Оф. изв.) В Камышловском уезде, сын крестьянина села Темного Леонтий Балуев, 18 лет, с семилетним братом, возвращаясь домой с поля, 6 мая, в холодную со снегом погоду, и прозябнув при выводе завязнувших в болоте лошадей, легли согреться и отдохнуть в сено, где первый на другой день утром оказался уже мертвым.

15 мая, в Красноуфимском уезде, на проезжавшего из Уткинского гг. Демидовых завода в деревню Шанину поверенного канторы акцизно-откупного комиссионерства, красноуфимского мещанина Ивана Пикулина, напали неизвестные ему семь человек, которые, нанеся ему и ямщику жестокие побои и раны, отняли у него 1,500 р., собранных им с питейных домов за проданные питания. Грабеж этот произведен, как показал задержанный 18 мая в Невьянском наследников Яковлевых заводе беглый мастеровой Суксунских заводов Савва Толстов, им вместе с беглым дезертиром Ефимом Вершининым и крестьянами Рудянского и Невьянского заводов Тимофеем Подгорновым, Полуктом Сапегиним и Титом Издеберсковым. По сделанным вследствие этого в домах последних двух крестьян обыскам, а также при самом Толстове, найдено денег до 300 р. и разные вещи, отнятые от Пикулина.

6 мая, Верхотурского уезда, в Верхнесинячинском наследников Яковлевых заводе, ночью, подброшен был с улицы чрез слуховое окно в подполье дома вдовы служителя Федосьи Родионовой огонь; но начинавшийся от этого пожар усмотрен вскоре и прекращен без последствий. А в следующую ночь загорелись с огорода пристройки этого дома, и пламя, при бывшем сильном ветре, быстро распространилось и истребило 4 дома: вдовы Родионовой, родственницы ее, солдатки Булычевой, и двух мастеровых. В поджогах этих заподозрены заводские служитель Гаврило Трусов и мастеровой Егор Гурьев, имевшие ссоры с Булычевой.

1 июля (№ 138).

Из Перми // Русский дневник. — 1859. — 1 июля (№ 138). — С. 1-2. — Подпись: Корреспондент.

ИЗ ПЕРМИ

8 июня я шел по направлению к Каме, к одному моему приятелю, чтобы вкусить его именинного пирога (он был в этот день именинник). Я подвигался медленно, потому что жар был нестерпимый, да притом пыль на этот раз казалась как-то назойливее и противнее. На углу улицы (называется как улица, не знаю, хоть в Перми живу немало времени) я услышал завывание вроде того, какое приходится слышать на похоронах простолюдинов. Естественно, я пожелал узнать, кому принадлежит голос, вопиющий, очевидно, на улице, а не в доме, потому что если бы это было в доме, то было бы вещь обыкновенною: могло произойти от разных семейных отношений, в которые я не имею привычки вмешиваться. Желание мое узнать, в чем дело, вскоре было удовлетворено, и притом таким манером, как я всего менее ожидал. Едва я сделал несколько шагов еще под гору, как увидел бабу, сидевшую на тротуаре, и подле нее два сундука. Бабе было лет под сорок. Вероятно, она дошла до пафоса в излиянии своей скорби, когда я приближался к ней: она судорожно схватывала свои сундуки, кидалась на них всем корпусом и голосила все сильнее с какими-то взвизгиваниями, так что теленок, лежавший недалеко около забора и лениво жевавший, и тот навастривал уши, как бы стараясь выразуметь какие-нибудь слова из этой скорбной песни. Не могу сказать наверно, узнал ли что-нибудь теленок; но что касается до меня, то до меня дошли причитания вроде следующих: «ах вы, воры, душегубители, варнаки! Погубили мою бедную головушку (тут самая высокая нота с взвизгом)! И загорит моя избушка (взвизг, и баба оттирает с лица пот)! Чтоб вам, зажигателям, сквозь землю провалиться (икает баба), чтобы горой разнесло ваше брюхо и завелись там огненные лягушки (тут баба обращается к теленку, который, между тем, вздумал пожевать подол ее сарафана, свесившийся с тротуара, и восклицает так: «ишь ты, пострел, поди)!»

Скажи, пожалуйста, матушка, спросил я ее: о чем ты так сокрушаешься?

Ах, сударь ты мой, как же ведь не плакать, зажгут город со всех сторон, и света преставление будет, и баба, белая вся, будет ходить по пожару.

Я подумал, что баба спятила с ума, и хотел было ее успокоить, но не тут-то было: баба наговорила таких вещей и в заключение заголосила так громко, что я счел за более приличное предоставить ее вниманию теленка и сам пошел далее, размышляя о виденном мною казусе.

Я рассказал об этом происшествии моему почтенному другу-имениннику. Этот во всех отношениях достойный господин, что называется, человек бывалый: он всех знает в городе, знает все, что делается, говорится, судится в разных кружках пермского общества, и его все знают, начиная сверху и оканчивая татаринном, продающим мыло и апельсины. Он сообщил мне по поводу моего рассказа, что в городе большая часть жителей, особенно женского пола, убеждены, что город подожгут... «то есть, такое, братец, волнение в народе, что из рук вон, говорил мой почтенный друг; многие уже укладывают свои пожитки в воза. Говорят, что поймали какого-то мальчишку, который будто бы раскладывал огонь у забора, но что этот мальчишка будто бы говорит, что он хотел сделать свинчатку и разложил огонь, чтобы растопить свинец. Да всего не переслушаешь...»

Замечание моего друга о приготовлении жителей города к пожару вскоре оказалось и для меня, неверующего, справедливым, как нельзя более. Вечером того же дня я имел случай заметить во всех соседних с моею квартирою домах необыкновенное движение, напоминающее мне приготовление евреев выйти из Египта: везде, в какую сторону не смотрел я, укладывали на возу сундуки, бочки, шубы и проч., суетливо бегали, выносили образа на улицу (с целью через это отвратить гнев Божий). Кухарка моя выла неистово и слезно умоляла меня вывозиться по примеру прочих; лакей мой, кажется, разделял ее убеждения, — по крайней мере, сообщил, что в различных местах найдены записки, в которых грозят зажечь город. К великому моему удивлению, я увидел из окна моей квартиры, что и у соседа моего, частного пристава, также укладываются на всякий случай.

Несмотря однакож на такие, по-видимому, очевидные доказательства присутствия опасности, я, признаюсь, считал все эти рассказы и крики о готовящемся пожаре чистейшим вздором, и иронически поглядывал из окошек на суетившихся соседей. Я, с сожалением к их особам, представлял себе ту маленькую неприятность, которую, по-видимому, несомненно должна была сделать их имуществу, сложенному на дворах, гудевшая невдалеке туча.

Но туча едва-едва задела город. Следовавший за тем день (9 июня) был так же зноен, душен, как и предыдущий. Свет сол-

нечный тускло пробивался сквозь эту пелену пыли и знойных испарений, наброшенную на город. А в городе между тем продолжалась деятельность предшествовавшего дня, т.е. приготовления к пожару. Отчего это боязливое ожидание в народе? думал я, идя на почту. Неужто смысл толпы так ограничен, что они всегда верят толкам и крикам каких-нибудь праздношатающихся господ, от нечего делать кричащих что ни взбредет на ум? Неужто нет средств успокоить народонаселение? Но ведь, с другой стороны, волнение в массе народа на этот раз естественно, хотя и бессмысленно. В таких обстоятельствах, когда затрагиваются самые близкие к ней интересы, как имущество, когда угрожают опасности этим интересам, она руководится в своих действиях более чувством, представлением опасности, до которых только может дойти воображение, чем спокойным рассуждением. Кому же в таких случаях следует спокойно рассуждать? Кому прилично взять на себя труд отыскать причину опасности, если она действительно имеется, и вовремя отвлечь ее? Неужто нет никого, непричастного чувству страха ожидаемой опасности, и неужто, стало быть, нет никого, кто бы мог спокойно рассудить?

Размышления мои были прерваны звоном, который раздался с соборной колокольни, и звуком барабана. Звон все чаще и чаще. Слово «пожар» послышалось везде, где только мог быть человек. Было полчаса после полудня. Мгновенно наш город, обыкновенно тихий, неподвижный, так что иногда пройдешь половину его и не увидишь человека, — мгновенно сделался шумным, и даже чересчур шумным.

Я в эту минуту находился от пожара версты в 1S; однакож, для меня было ясно, что народонаселение и отдаленных от пожара мест встревожилось, как будто пожар у него на носу, и бросилось везти вон из города еще накануне собранное имущество, предоставив небесам людей, действительно угрожаемых пожаром.

Загорелись службы, кажется, в доме Моставенко или, по крайней мере, около него. Я поспешил туда. По дороге, по которой я шел, часто бежали сломя голову по направлению не к пожару, а, напротив, от пожара. Женщины в особенности отличались при этом случае быстротою своего бегства; они при этом еще плакали на различные тоны. Повсюду шум, крики, суета; всякий думает только о себе, бежит стремглав домой, воображая, что, пожалуй, его дом подожгут. Я никогда не мог себе представить, чтобы в Перми было столько предметов, способных бегать, суетиться и кричать.

Когда я прибыл к месту пожара, то было уже в пламени домов пять. Не могло сразу не броситься в глаза то обстоятельство, что работу на пожаре несли на себе почти исключительно пожарные и гарнизонные солдаты; кой-где виднелись гимназисты. Впрочем, что касается до гимназистов, то их деятельность в это время отличалась от действий военной команды: их деятельность была результатом доброй воли, без всякого принуждения со стороны власти, оттого они помогали спасать имущество, заливать, где нужно, и тогда, когда не было начальнического глаза. Между тем солдаты не всегда работали усердно в отсутствии начальства, которому поистине в этом случае приходилось нести тяжелый груз. Пламя вскоре охватило два квартала и неудержимо понеслось по направлению к городской больнице и военному госпиталю; поднялся к тому же вихорь. Военная команда, особенно пожарная, видимо изнемогала не столько, кажется, от работы, сколько от зноя. Помощников не являлось, обыватели заняты были каждый своею персоной и рассказами о том, что вон-де в том месте поймали какого-то поджигателя, что-де видели, как он намазывал что-то на стене, отчего то и вспыхивало. Казалось, огонь до тех пор будет истреблять город, покамест ничего не останется в той стороне, куда тянул ветер. И это бы, полагаю, исполнилось, если бы не успели отстоять угольного дома того квартала, где находится военный госпиталь. Дело, однакож, было нелегкое. Я был в этом пункте. При всей своей привычке переносить жар, я не мог оставаться здесь долее пяти минут. Дом, который отстаивали, буквально нужно было вырвать из огня. Губернатор сам давал направление пожарной трубе; около него трудились немногие, и порывистее других, как я заметил, гимназисты. Счастье, что губернатор был в это время в городе, (он, кажется, в этот день только что приехал из уезда); а то военному госпиталю, на бумаге уже не существующему, пришлось бы не существовать и *de facto*. Я не знаю наверное, сколько сгорело домов на этот раз, но, во всяком случае, кажется, не менее 50. Почти все эти дома были не застрахованы, принадлежали лицам небогатым, и в них жили большею частию с трудом достаемые порядочный кусок хлеба, как-то: мелкие чиновники, мастеровые. Странно, что судьба бьет и без того хилых. Возвращаясь домой, я имел случай убедиться в такой несправедливости судьбы: со мною повстречался один из моих хороших знакомых, который, как мне было известно, квартировал в одном из сгоревших домов. Это человек добрейшей души, прекрасно образованный и, главное, любит трудиться и терпелив в труде, как

англичанин. Для того, чтобы иметь возможность читать что-нибудь порядочное, он, кроме своей официальной должности, занимается уроками и пишет много для некоторых журналов. С первого взгляда на этого достойного джентльмена нетрудно было догадаться, что пожар не совсем был к нему благосклонен. Оказалось, что он, когда начался пожар, был на уроке, и поспел к своей квартире в то время, когда она наполовину была в огне. Ему удалось спасти только своего коня, которого он недавно приобрел. «Знаете ли, сказал он мне, улыбаясь принужденно, все бы это ничего, что я остался в одном пальтишке; жалко вот что: я трудился много, чтобы иметь возможность покупать хорошие книги, и у меня их, вам известно, было довольно. Я довольно приготовил для печати статей, — и весь этот труд погиб».

Он отвернулся, чтобы скрыть выступившие слезы. Через час я видел, как он помогал в одном доме выбираться.

Около 5 часов пополудни пожар кончился; но далеко не кончилось вместе с ним тревожное движение в городе. Я еще никогда не видел того, чего свидетелем был теперь. Видали вы муравейник? Замечали, что происходит с обитателями его, когда его разроют? Если вы видали и замечали это, то я вам могу сообщить, что то же было и в благословенном граде Перми после пожара. Телеги, дроги, коляски, тарантасы и прочие колесницы с людьми, собаками и собачками, с перинами, стульями и проч. Со всех концов города, в разных направлениях, тянулись вон — в поле. Я могу сказать наверное, что на другой день в городе не было и десяти домов, которые бы не заразились общим смятением. Почти все дома были чисты, как будто бы в них никто и не жил. Город представлял в это время удивительно странную физиономию. Жители бежали из него, что, вероятно, было весьма прискорбно некоему г. Херувини, льстившему себя надеждой доставить вечером 9 июня удовольствие пермской публике своими фокусами.

Мне случалось быть в большей части тех мест, где расположилось убежавшее из Перми народонаселение. Каждое из подобных мест представляло нечто вроде цыганского табора. Там и сям разбросаны были кое-как сколоченные жилища, не всегда похожие и на обыкновенные шалаши. Около них валялась домашняя рухлядь, стерегомая в иных местах псами, нарочито из города на цепях приведенными. Псы эти от жара страшно высывали языки, и я не слыхал, чтобы они лаяли; зато людское общество было говорливо. Редко пермским жителям приходилось так тесно соединяться между собою в одно целое, как это было

тогда. Подле пермского аристократа, заседавшего в креслах под открытым воздухом с своею семьею, поселялся какой-нибудь коллежский регистратор или даже отставной солдат с своею старухой и вдобавок с небольшим коробом и парюю куриц. Демократия в это время сливалась, так сказать с аристократиею. Многие господа находят, по крайней мере, на словах, своего рода прелесть в такой бивуачной обстановке, и представляли ее в буколических красках, выдвигая на вид и свежесть воздуха, и поэтическую разнообразность разных предметов, и питание чаю в открытом месте, и обаяние летней ночи, и в роде того; но мне, право, как-то не верится их словам. Что же их выгнало из города? И зачем они до сих пор не возвращаются к своим пенатам? Дело, видите ли, в том: я уже сказал, что у нас, в Перми, было почти общее убеждение в неизбежности пожара, и притом от поджога. Пожар 9 июня случился как бы для того, чтобы подтвердить справедливость слухов, что вот-де нашли записку, в которой угрожают зажечь город, что-де в городе целая шайка мошенников-поджигателей и т.п., потому общественное мнение не замедлило этот пожар (благодаря крикунам и крикуньям) произвести от поджога, вслед за тем убедиться в той истине, что от поджигателей никак не спасешься: ergo, валяй скорей из города. Не правда ли, храбро поступлено? На беду 9 же июня, в 8 часов вечером, на Слудке (отдаленная часть города) случился еще пожар, причем сгорело два или три домишка; затем 10 июня, в 4 часа пополудни, сгорел еще один дом. Все это окончательно убедило пермских жителей, что все, что только ни говорят о поджогах, несомненная правда, и что лучше всего жить за городом. Стали ходить по городу различные истории занимательного свойства, и все они, переходя из уст в уста, достигали до степени чудовищности мифов. Расскажу один случай. Шли два гимназиста. Тот и другой обретаются еще в малых летах. Один из них, глядя на пожар, сказал другому: «вот если бы этот дом подожгли, вот вышла бы штука». Один мещанин подслушал эти слова и тотчас решил, что сказавший их и есть поджигатель, ну... крикнул «караул», и тотчас бедного гимназиста повлекли в полицию. Но один из чиновников гимназии не допустил рыцарей исполнить месть и освободил гимназиста из их рук. Вечером я слышал уже такого рода историю, которую передавал один господин в ранге благородных своим сотоварищам: «знаете ли, говорил он, давеча поймали одного зажигателя... представьте, преогромнейший ростом и скарденейшая рожа, просто каторжник, и в гимназическом сюртуке идет по тротуару; вдруг подошел к стене и на-

чал что-то мазать: натурально, стена задымилась и несомненно вскоре бы вспыхнула; но, по счастью, заметили; стену разломали, а его схватили. После допроса, который ему делали, он сознался, что он не один, а их целая шайка, и все в гимназической или студенческой форме, и что Пермь они сожгут дотла». Подобные истории все более и более разжигали напуганное воображение пермяков; всем почти чудился зажигатель, намазывающий чертовским зельем стены, ворота, заборы. Меры, предпринятые пермяками к уничтожению злодейских замыслов зажигателей, и действия их в видах охранения города от пожара на будущее время вполне соответствовали этому их лихорадочному состоянию. Во-первых, купцы закрыли лавки и магазины, только питейный откуп представлял исключение в этом случае, не переставая отворять двери кабаков каждому желающему войти в оные. Во-вторых, вышло, неизвестно по повелению какого законодателя, запрещение ходить по тротуарам и вообще приближаться к строениям. Для надзора за выполнением этой меры, которая, говорят, примыслена некоторыми мудрецами помимо власти, имеющей в руках своих полицейскую власть, поставлены около каждого дома сторожа. Эти стражи вооружены дубинами на тот конец, чтобы дрекольем, если уж не советом, заставить прохожего исполнять этот оригинальный приказ. Я был тоже тут свидетелем, как сторожа испытывали действие и силу дубины на спине прохожего, который, не подозревая существования нового порядка в хождении, спокойно шел по тротуару и за то платил здоровьем своих плеч или спины. Устроены для этой же цели на тротуарах нечто вроде баррикад, шагать через которые не дозволялось под опасением, в противном случае, быть изувеченным. В третьих, всякий подходящий к стене считался зажигателем, и сейчас же был схватываем и обыскиваем: если у него находили что-нибудь напоминающее порошок или жидкость, или вообще, если он казался подозрительным, то без дальних околичностей его отправляли в заключение, нередко предварительно избив до полусмерти. Я сам видел, как за одним военным офицером гнались, чтобы схватить его как зажигателя (потому что, как говорил один из преследовавших, он подходил к забору и что-то долго стоял около него), и как тот благоразумно обратился в бегство. В третьих [так в тексте. — Ред.], всякое пятно на стене, от какой бы оно причины не появилось, трактовалось как следствие намазывания рукою зажигателя, и вырубалось топором или чем-нибудь вроде того. В-четвертых, в иных местах старались *заговором* знахарей отвратить пожар от дома. В-пя-

тых... но всего не перечислишь. Наконец, стали обращаться для отклонения пожара к Богу, поднимать образа, служить молебны, кропить освященною водою и т.п. Я не знаю наверно, отчего происходили пожары, от поджога ли действительно, или от неосторожности (желательно, чтобы начальство положительно объявляло всем и каждому причины пожаров и обстоятельно сообщало весь ход дела: это лучше всего в состоянии ослабить действие пустых слухов на народ и предотвратить непоследовательность в его действиях), но во всяком случае мне кажутся странными и лишены смысла как переселение за город, так и большая часть тех мер, которые употреблялись в видах спасения города от пожара, и которых я сам был очевидцем. Первое, т.е. переезд за город на житье-бытье, обнаруживает положительную трусость жителей, боязнь стать против опасности, боязнь действовать против каких-нибудь негодяев-зажигателей. Если бы они и действительно имелись, если несомненно были поджоги, то эти переезды, совершаемые в волнении, только дают подобным мерзавцам более возможности совершить их адское дело, потому что тот, кто видит опасность там, где ее еще нет, и бежит от этой кажущейся опасности, тот едва ли сумеет увидеть действительную ее причину. Вторая, т.е. меры-то, тоже очевидно не ведет в цели и не в состоянии загородить все пути зажигателю к исполнению его намерения. По-моему, лучше всего в подобных общественных обстоятельствах доверяться власти и следовать ее указаниям.

Корреспондент.

Примечания от редактора.

Д.Д. Смышляев в «Сборнике материалов для ознакомления с Пермской губернией» (вып. 5, приложение к «Памятной книжке» на 1894 год) опубликовал статью Е.П. Мухачева «Пожар в Перми в 1859 году». Структура этой статьи практически полностью соответствует публикации в «Русском дневнике», но стиль написания — отличается совершенно, как если бы писали два разных человека. Возможно, Е.П. Мухачев писал ту статью позднее, спустя годы после пожара (он умер в 1869 г.), и стиль его был уже другим, нежели в 1859 г. Вполне вероятно и то, что статья была отредактирована Д.Д. Смышляевым. Так или иначе, можно сделать предположение о том, что автор статьи, подписавшийся псевдонимом «Корреспондент» — Егор Петрович Мухачев.

Историк А.А. Дмитриев так описал пожар в своей «Летописи города Перми»: «1859 г. 9 июня Пермь постигло большое несчастье, живо напомнившее всем злополучный 1842-й год: после полудня, при удушливом зное, произошел пожар в первом квартале Пермской улицы, за Широком переулком. Пламя пошло по этой улице, откуда проникло в Осинский переулок; в то же время огонь перебросило на Екатеринбургскую улицу, оттуда на Вознесенскую. Сплошное море огня покрыло прилегающие к Широкому переулку кварталы на трех улицах и разливалось до тех пор, пока не дошло до Сенной площади — есте-

ственного предела. Этим несчастье не ограничилось. Часа через 2 после начала пожара на набережной Слудки вспыхнул другой пожар, сделавший очевидными поджоги. На этом пожаре присутствовали губернатор Огарев и архиепископ Неофит. Паника стояла всеобщая; жители покидали дома и, забрав необходимое имущество, располагались биваком за бульваром, на городских площадях, на набережной Камы. 10, 13 и 15 июня в Перми опять были пожары, но незначительные. Слухи преувеличивали их и утверждали о подметных письмах. Архиепископ Неофит на площади перед собором успокаивал встревоженных жителей города». (Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. — Пермь, 1889. — С. 251-252).

Учитывая значимость этого события в истории Перми и то, что статья Е.П. Мухачева, в отличие от очерка в «Русском дневнике», содержит много конкретных фактов, названий улиц, районов Перми и пр., составители сочли возможным поместить здесь ее полностью.

ПОЖАР В ПЕРМИ В 1859 ГОДУ

Е.П. Мухачева*

14 сентября 1842 г. страшный пожар истребил до 300 домов в городе Перми**. В июне 1859 года такое же бедствие снова обрушилось на город, успевший было оправиться после катастрофы 1842 года.

Еще в мае два значительные пожара, один на канатной фабрике Солодовникова, другой на Круглом поле, встревожили горожан; но они вскоре успокоились, тем более что первый случай был за городом, а другой приписывался молнии. С половины мая начались жары и совершенное бездождие; вместе с тем пошли слухи о каких-то письмах, находимых в разных частях города, с угрозами выжечь все дотла; листки газет сообщали о пожарах внутри России, проезжающие сочиняли рассказы о целой шайке поджигателей и т.п. — все это напоминало о 1842 году пермским старожилам. Были ли находимы действительно письма — неизвестно, но содержание этих писем, выслушанное от двух-трех городских вестовщиков, так не походило одно на другое, что, видимо, искажалось, преувеличивалось, присочинялось. Тогда припомнили такое странное явление: за неделю или более до пожара 1842 года было замечено, что на Слудке, рано утром, встречались массы желтых тараканов (*Blatta germanica*, пруссаков), переселявшихся из города на Слудку. Их было так много, что доски тротуаров казались как бы окрашенными краскою. В то время не понимали причины такого переселения, но инстинкт пруссаков не обманул их: пожар 1842 года Слудки не коснулся.

С первых чисел июня начали служить на улицах, перед домами, молебны, окроплять дома святою водою, выставлять обрза на воротах, на крышах и т.п. Ожидание пожара было томительно — тяжелое и почти общее всему городскому населению. Люди с тактом хотя и не выказывали явно своего страха, но дома старались, по возможности, сосредоточивать свою движимую собственность.

Вскоре после полудня 9 июня, при удушающей жаре, вспыхнули в первой квартале Пермской улицы, за Широким переулком, службы при доме одного мещанина. При доме были большие запасы сена; все деревянные здания до того были высушены предшествовавшими жарам, что к дереву нельзя было прикоснуться рукою, если оно обращено было к солнечной стороне. Поэтому понятно, что не прошло и нескольких минут, как пламя охватило несколько ближайших зданий, деревянных и тесно построенных одно подле другого. Пожар направился по Пермской улице до Осинского переулка (до Пихтовки), перешел на Екатерининскую, потом на Вознесенскую улицы и остановился на Ямской площади, перед садом Александровской больницы: с лишком три квартала сделались жертвою пожара, и не было тут ни одного дома каменного. Трудно передать, какова была сила огня, пожиравшего сотни деревянных зданий, при удушающей жаре от солнца; как быстро огонь переходил с одного здания на другое и с каким чудовищным дымом соединялся здесь процесс горения. С первым ударом набатного колокола все бросились складывать и выносить из домов имущество, не обращая внимания ни на расстояние своих жилищ от места пожара, ни на направление ветра. Дым, видимый за несколько верст, привлек в город множество крестьян с лошадьми, и добрые соседи брали с испуганных горожан по рублю и более серебром с воза. Страшная суматоха в улицах, — крик, стоны... всего было вдоволь. Иметь дело с огнем предоставлено было, исключительно, одной полиции. И жалко было смотреть не только на полицейских солдат, но и на пожарных лошадей, работавших в этой едкой жаре. Лошади, опустив вниз головы, едва-едва рысью могли таскать бочки с водою в улицах, наполненных дымом и мелкою пылью: бедные животные задыхались в сухой и душной атмосфере. Наконец пожар не пошел далее, и команда могла отдохнуть... Но увы! — часа два, не более, потому что новый пожар, на набережной Слудки, заставил их снова скакать, и снова работать. Несмотря на утомление, пожарная команда, поощряемая словами и примером военного губернатора, К.И. Огарева, а равно присутстви-

ем на месте пожара архиепископа Неофита, действовала на славу, и при помощи слудских мещан вскоре прекратила пожар, отдавши на жертву огню менее четверти квартала. Два пожара в один день и описанное выше настроение духа горожан делают понятным бегство последних из домов своих на бивуаки, за бульвар, рекам Каме, Егошихе и Стиксу, на городские площади и площадки. Пустые дома оставлены были на волю Божию; город должен был сгореть весь дотла — таково было всеобщее убеждение, подкрепляемое не прекращающимися слухами о письмах и пожарами 10, 13 и 15 июня, из которых в каждый сгорело только по одному дому, благодаря тому, особенно, обстоятельству, что сгоревшие здания были окружены садами разросшихся лиственных деревьев. От городской думы нанято было до сорока пар крестьянских лошадей с бочками; сами крестьяне состояли при полиции, и, для показания своего полицейского назначения, имели на шляпах красные перевязи. Из гарнизонных солдат образованы были непрерывные, ночные и дневные обходы. Караулы из домохозяев усилены, и для надзора за исправностью этих караулов учреждены особые пожарные смотрители из тех же домохозяев. Ходить по городским улицам не только вечером, но и днем, было делом весьма затруднительным: несмотря на жар, пыль и движение экипажей, пешеход обязывался идти по середине улицы; при малейшем сомнительном движении идущего, особенно, если он был одет несколько странно для простого русского глаза, поднимались крики: «поджигатель! ловите его, братцы, ловите!» — и в минуту вся улица наполнялась людьми всех возрастов и обою пола. Мнимый поджигатель, испуганный нечаянностью положения, пустится, бывало, в бегство, и тогда горе ему! — он схвачен, допрошен, обыскан. Положим, что у него отыскана фосфорная спичка, неразлучная спутница папироски и сигары: брань и побои сыплются на его голову; арест при полиции, в тюремном замке, в подвалах городского дома ожидали несчастливца. Нищие, даже мотовиленки с молоком и овощами, боялись ходить по улицам, а главное, приближаться к домам, заборам и т.д., субботние базары прекратились, ремесленный класс, не имея работы, полуумирал с голоду. Жители города с имуществом продолжали жить под открытым небом; поджигателей нахватили и насадили в острог не один десяток; от резкого перехода к бивуачной цыганской жизни развились болезни и смертность, особенно между малолетними. Разумеется, военный губернатор г. Перми употреблял, со своей стороны, все, чтобы успокоить умы горожан, — ездил по бивуакам, объяснял

возможность бывших пожаров без поджигателей, но все напрасно! Преосвященный архиепископ Неофит для подобных же убеждений приезжал на площадь, где собраны были городские обыватели; наконец, назначил 21 июня, в воскресенье, соборное молебствие в кафедральном соборе и крестный ход. С этого дня, успокоенные молитвою жители города стали собираться в дома, и вскоре Пермь снова поправилась. Что стало с поджигателями — неизвестно; вероятно их выпустили. Что ни говорили, мы уверены с своей стороны, что пожары в июне 1859 года были делом случайным; а письма, если и действительно были находимы, сочинялись негодьями, которым всякая суматоха нравится.

* Бывшего преподавателя пермской гимназии.

** О пожаре этом см. в «Сборнике статей о Пермской губернии» Д. Смышляева. Пермь, 1891. [Примечания сделаны Д.Д. Смышляевым. - Ред.]

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. — Пермь, 1893. — Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. — Вып. 5. — С. 44-46.

Примечания от редактора.

Мухачев Егор (Георгий) Петрович, родился в 1822 г. в г. Вятке, в семье обер-офицера. В 1839 г. поступил в Казанский университет на естественное отделение философского факультета (разряд математических наук); в 1844 г. окончил университет кандидатом. С 1844 г. — старший учитель математики в нижегородской гимназии. Публиковался в «Нижегородских губернских ведомостях», позднее был включен в краткий словарь писателей-нижегородцев «Люди Нижегородского Поволжья» (1915). (Сведения из книги: Казанский университет: биобиблиогр. словарь. - Т. 1: 1804-1904 / под ред. Г.Н. Вульфсона. — Казань, 2002. — С. 348).

В 1859 г. Е.П. Мухачев уже жил и работал в Перми (неизвестно, с какого года). Публиковался в «Пермских губернских ведомостях», стал одним из авторов «Пермского сборника». С 20 июля 1862 г. по 28 сентября 1863 г. был старшим учителем математики и физики в пермской мужской гимназии. По записям в метрическом книге из фонда Пермской духовной консистории: «1869 г. 18 мая умер коллежский ассессор Георгий Петрович Мухачев, 47 лет, от горячки; похоронен 20 мая». (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 320. Л. 253об.-254. Сведения впервые найдены Е.П. Субботиным).

См. также примечания к письму № VI в разделе «Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипина Зоя Сергеевна, сотрудник кафедры журналистики филологического факультета Пермского государственного университета.

Баталова Оксана Александровна, сотрудник сектора книжных памятников Пермского краеведческого музея.

Быстрых Татьяна Ивановна, специалист в области библиотечного краеведения, заслуженный работник культуры РФ.

Захарова Нэля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина г. Перми.

Королева Виктория Борисовна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Объединенного музея писателей Урала, г. Екатеринбург.

Краснопёрова Наталья Васильевна, индивидуальный предприниматель, краевед.

Нуреева Флюра Фазлеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного аграрного университета.

Пигалева Светлана Валерьевна, заведующая сектором книжных памятников Пермского краеведческого музея.

Субботин Евгений Павлович, Президент Пермского общества «Арабеск».

Устюгова Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета.

Шилов Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного университета.

Ярома Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социологии Пермской государственной сельскохозяйственной академии (ПГСХА) им. академик Д.Н. Прянишникова.

От составителя	3
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ	
Нуреева Ф.Ф. Просветитель Д.Д. Смышляев о книгах для народа	5
Антипина З.С. «Краткий обзор истории Пермского края» Д.Д. Смышляева на страницах «Пермских губернских ведомостей»	11
Шилов А.В. Продолжатель летописной традиции. 200 лет со дня рождения Ф.А. Прядильщикова	16
Краснопёрова Н.В. Иван Григорьевич Остроумов. К 150-летию со дня рождения	27
Королёва В.Б. Роман Д.Н. Мамина-Сибиряка «Именинник»	36
Ярома О.В. Земское самоуправление в последней трети XIX века и развитие аграрного образования в Пермской губернии	44
Устюгова В.В. Общедоступный отдых и развлечения в Перми конца XIX века	52
Краснопёрова Н.В. Пермское общество велосипедистов любителей	68
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ	
Субботин Е.П. Татьяна Дмитриевна Смышляева (Русских) — сестра Дмитрия Дмитриевича Смышляева (по записям метрических книг)	77
Смышляев Д.Д. Ежегодники Пермской губернии	80
Из памятной книжки Д.Д. Смышляева	85
Быстрых Т.И. Возвращаясь к напечатанному	87
Письма Д.Д. Смышляева Н.А. Фирсову. 1858—1893 гг. ...	90
I. Пермь, 22 мая 1858 г.	100
II. Казань, 4 июня 1858 г.	100
III. Пермь, 18 июля 1858 г.	103

IV. Екатеринбург, 11 августа 1858 г.	104
V. [1858 г.].....	108
VI. Пермь, 20 февраля 1859 г.	109
VII. Москва, 31 марта 1859 г.	111
VIII. Тверь, 22 мая 1859 г.	113
IX. Москва, февраль 1860 г.	120
X. Москва, 20 марта 1860 г.	123
XI. Москва, 3 апреля 1860 г.	125
XII. Москва, 14 апреля 1860 г.	126
XIII. С.-Петербург, 20 мая 1860 г.	127
XIV. Пермь, 6 декабря 1860 г.	129
XV. Пермь, 27 декабря 1860 г.	130
XVI. Пермь, 17 января 1861 г.	132
XVII. Пермь, 26 января 1861 г.	135
XVIII. Пермь, 14 марта 1861 г.	135
XIX. Пермь, 7 апреля 1861 г.	139
XX. Берлин, 3/15 февраля 1862 г.	142
XXI. Берлин, 4 марта 1862 г.	143
XXII. Пермь, 9 февраля 1876 г.	145
XXIII. Пермь, 7 октября 1877 г.	146
XXIV. Сергиевские минеральные воды, 30 июня 1881 г.	146
XXV. Пермь, 2 ноября 1882 г.	149
XXVI. Пермь, 9 ноября 1882 г.	150
XXVII. Пермь, 1 мая 1893 г.	152

Приложение.

Дополнение к подборке писем Д.Д. Смышляева

Н.А. Фирсову	154
Письмо Н.А. Фирсова А.Е. Теплоухова. 15 августа 1858 г. ..	154
Письмо Д.Д. Смышляева А.Е. Теплоухову. 27 октября 1858 г. ...	155
Письмо Н.А. Фирсова А.Е. Теплоухову. 12 апреля 1860 г. ...	156
Письмо на имя старшего учителя Пермской губернской гимназии г. Фирсова. 5 декабря 1860 г.	156
Письмо Н.Д. Топоркова Н.А. Фирсову. 15 ноября 1893 г. ...	157
Письмо Н.А. Фирсова Н.Д. Топоркову. [1 декабря 1893 г.]	158
Письмо Г.Н. Фирсовой ректору Императорского Казанского Университета. 4 мая 1896 г.	159
Письмо Н.Н. Фирсова П.С. Богословскому. 16 мая 1929 г.	162

Указатель имен	165
-----------------------------	-----

Список периодических изданий, упоминаемых в письмах ..	172
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Пермь и Пермская губерния на страницах газеты «Русский дневник». 1859 год	175
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях). 8 янв. (№ 5)	177
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях). 9 янв. (№ 6)	178
Пермская губерния: (Сообщение о происшествиях). 22 янв. (№ 17)	179
Пермская губерния. (Сообщение об издании «Пермского сборника» и открытии в Перми двух публичных библиотек). 30 янв. (№ 24)	180
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях). 8 февр. (№ 31)	181
Пермская губерния. (Сообщение из г. Оханска об урожае зерновых в Оханском уезде в 1858 г.). 12 февр. (№ 34)	182
Пермская губерния. (Сообщение из г. Оханска о внедрении в Оханском уезде взаимного страхования домов). 15 февр. (№ 37)	184
<i>Крапивин П.</i> (Сообщение из Сысертского завода близ Екатеринбурга о внедрении паровых молотов Конди). 18 февр. (№ 39)	185
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях из Верхотурского уезда). 19 февр. (№ 40)	187
Пермская губерния. (Об открытии в г. Перми 31 января 1858 г. Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян). 24 февр. (№ 41)	188
<i>Пермяк [Смышляев Д.Д.]</i> Вести из Перми. 1 марта (№ 46)	192
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях). 7 марта (№ 51)	198
<i>С.И.С.</i> (Сообщение из г. Дедюхина о событиях, вызванных резким понижением цен на водку). 11 марта (№ 54)	198
<i>Чернышов В.</i> О путях сообщения в Печорском крае. 12 марта (№ 55)	201
<i>Белов В.</i> (О переводе из Екатеринбурга в Кунгур механического завода Гакса и Гуллета). 20 марта (№ 63)	205
<i>К-нь.</i> (Сообщение из Перми о случаях мошенничества и обмана покупателей среди недобросовестных торговцев). 24 марта (№ 65)	205

<i>Корреспондент [Фирсов Н.А.] Пермская хроника.</i>	
27 марта (№ 67)	208
<i>Корреспондент [Фирсов Н.А.] Пермская хроника: (окончание).</i>	
28 марта (№ 68)	217
<i>Словцов И. Соликамск в настоящем и прошедшем.</i>	
2 апр. (№ 72)	225
Пермская губерния. (Краткое сообщение об освящении Верхотурского Свято-Троицкого собора). 3 апр. (№ 73)	235
Пермская губерния. (Статистические данные о торговле на Ирбитской ярмарке в 1859 г.). 21 апр. (№ 82)	235
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях).	
30 апр. (№ 89)	237
Пермская губерния. (Сообщение о происшествиях).	
13 мая (№ 99)	238
Пермская губерния. (Очерк из г. Дедюхина о начале навигации и сплава соли). 24 мая (№ 108)	239
Письмо из Перми. (О закрытии Пермской удельной конторы и проводах из Перми князя П.И. Максудова). 27 мая (№ 110)	241
<i>Старцев.</i> (Сообщение из Екатеринбурга о плохом состоянии Сибирского тракта между Пермью и Екатеринбургом).	
29 мая (№ 112)	246
Пермская губерния. (Сообщения о происшествиях).	
20 июня (№ 130)	247
Пермская губерния. (Сообщения о происшествиях).	
28 июня (№ 137)	248
<i>Корреспондент.</i> Из Перми. (Очерк о пожаре в Перми в июне 1859 г.). 1 июля (№ 138)	249
<i>Мухачев Е.П.</i> Пожар в Перми в 1859 году	257
Сведения об авторах	261

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«СМЫШЛЯЕВСКИЙ СБОРНИК»

**ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ ПЕРМИ**

третий выпуск

Составитель и редактор Т. И. Быстрых
Ответственный за выпуск: директор МУК ОМБ Е. Н. Клешнина.

Компьютерная верстка и
обработка иллюстраций: А.Г. Щелканов

ISBN 978-5-9903003-1-6

Подписано в печать 10.11.2011 г.
Гарнитура «Pragmatica».
Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 16,75.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 300 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО «Абрис»
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19.